

# ГРАНИ

GRANI

124

1982

---

Verlagsort: Frankfurt/M, April-Juni

## ОБРАЩЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ПОСЕВ»

к литературной молодежи, к писателям  
и поэтам, к деятелям культуры  
— ко всей российской интеллигенции

Русское издательство «Посев», находящееся в настоящем за рубежом, во Франкфурте-на-Майне, предоставляет вам возможность публиковать те ваши произведения, которые по условиям политической цензуры не могут быть изданы на Родине. Напечатаны эти произведения могут быть в журнале «Границы», в ежемесячнике «Посев» или изданы отдельными книгами. Будет сделана попытка их публикации и на иностранных языках.

Рукописи могут быть подписаны как фамилией автора, так и псевдонимом, который будет строго соблюдаться издательством.

Авторские гонорары в размере, соответствующем установленным в «Посеве» ставкам, будут храниться в издательстве до того времени, пока автор найдет возможным их получить.

Пересыпать рукописи в издательство «Посев» можно как через своих граждан, едущих за границу, так и через иностранцев, посещающих СССР. Приехавший за границу может сдать пакет с рукописью на почту, а в случае необходимости — опустить в почтовый ящик и без марок. На пакете с рукописью необходимо указать следующий адрес:

**Possev-Verlag  
Flurscheideweg 15,  
D-6230 Frankfurt am Main 80**

Представляя пишущим страницы своих изданий, мы помогаем российской интеллигенции, а в особенности молодежи, выполнять возложенную на нее историей ответственную задачу — в свободном творчестве правдиво изображать жизнь и стремления нашего народа, воспроизводить его духовный облик.

За свободное Творчество! За свободную Россию!

**Издательство «ПОСЕВ»**



*«Легко и радостно жить тому, кто ищет в других хорошее; ищет и находит. Исканием своим помогает он тем, в ком ищет, раскрыть и проявить светлые грани души. Но для этого он прежде всего в самом себе должен раскрыть их, должен стремиться к совершенствованию.*

*Каждый человек — часть органического целого; человечества. Совершенствуется часть — совершенствуется целое. Тот, кто становится на путь Правды, помогает всему человечеству стать на тот же путь. А необходимость этого, может быть, никогда так не была велика, никогда так не ощущалась всеми, как в наши дни.*

*В свете этого большая и ответственная задача стоит перед теми, кто служит Слову — Слову Правды».*

Е. Романов. «Вместо программной статьи»,  
«Границы» №1, июль, 1946.

# ГРАНИ

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ  
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Год XXXVI

№124

1982

## СОДЕРЖАНИЕ

### ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Леонид БОРОДИН — Гологор	5
--------------------------	---

### ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александр БАХРАХ — Вспоминая Алданова	155
---------------------------------------	-----

### ДНЕВНИКИ. ВОСПОМИНАНИЯ. ДОКУМЕНТЫ

#### *СЕКРЕТНЫЙ ДОКЛАД ГЕНЕРАЛА МАХРОВА*

От редакции	183
-------------	-----

Н. РОСС — Краткие комментарии к докладу	190
---	-----

Ген. П. С. МАХРОВ — Доклад Главнокомандующему Вооруженными Силами на Юге России	196
---	-----

### ПУБЛИЦИСТИКА

Н. РОСС — В Крыму при Врангеле	244
--------------------------------	-----

### БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. Жедилягин. „Прыжок в сторону”	269
----------------------------------	-----

*Обложка работы художника Н. Мишаткина*

© 1982 by Possev-Verlag  
V. Gorachek K. G., Frankfurt am Main  
Издательство «П о с е в»

Леонид БОРОДИН

## ГОЛОГОР

СЕРГЕЙ

Туман превращал деревья в призраки. Пожирал тропу на двадцать шагов вперед. Крался сзади и заметал следы. Нависал над головой сырьими ложмочьми. И был единственной реальностью. Остальное — что виделось и проглядывалось — выглядело бессмысленной фантазией: колыхалось, трепетало, корчилось, исчезало и появлялось.

Мысли не было. Был автоматизм, облегчающий и успокаивающий. Мысли и не должно быть, иначе пришлось бы изворачиваться под вопросом: зачем делать это? В дождь и туман по скользкой тропе тащить на руках умирающую собаку? От каждого шага собака вскрикивала по-человечески. У нее был перебит позвоночник, но умереть сразу ей не удалось. Целый день Сергей не решался добить ее.

С двух часов из распадка потянул туман, заморосил дождь, и осенний день скис, подернулся серостью, разбух сыростью и поспешно стал свертываться в сумерки.

В пять часов Сергей закинул ружье за спину, взял на руки собаку и пошел. Тропу знал наизусть, и туман не был помехой. Он был той декорацией, тональностью, на которую настроилось сознание.

---

Рукопись получена из Самиздата. — Р е д.

Протяжные, нелепые диссонансы: чавканье под ногами, вскрики собаки, шорох дождя и его слова, что вырывались сами и слушались со стороны: „Терпи, дружище! Еще немного!.. Уже близко... Больно! да! Ну, терпи, терпи!” А где-то далеко, на самом дне души — стыд. Зачем мучить собаку? Надо добить, добить...

Но он шел дальше. Вода падала сверху из тумана, сбоку с деревьев и кустов, стекала в сапоги, на спину, на грудь. Он уже не шел, а плыл с собакой на руках. Он врал ей, что знает место, где ей будет хорошо, и уносил ее все дальше от зимовья.

Подъем кончался. Он сделал несколько шагов в сторону, встал на колени и, согнувшись, положил собаку на мокрую траву. Она вскрикнула, заскулила. С трудом вытащил из-за спины топор и, не снимая ружья, стал рубить раскисшую землю. Яма тут же заполнялась водой, он вычерпывал ее руками и рыл глубже. Затем поднялся, снял ружье. Собака не глядела на него, уйдя в свою боль, и мелко дрожала...

Выстрелил, дождался, пока утихнут последние судороги, затем бережно, как живую, опустил в яму, наполнившуюся водой... Землю закидывал руками, а когда не хватило, накидал топором буторок дерна...

Дождь усилился и прибил туман, но видимость не улучшилась. Наступили сумерки. Где-то за соседней гривой погрохатывало. Он вышел на тропу, но сил возвращаться в пустое, нетопленное зимовье не было. Пошел дальше — к Селиванову, хитроватому, проворному мужичку, удачливому охотнику и забулдыге. Не думал он о том, что пути — добрых семь километров. Ниточки на нем сухой не было, но холода он не чувствовал — только тяжесть сапог.

Селиванова он раньше недолюбливал, но сейчас нужна была живая душа, даже не для общения — для присутствия.

Подумать только, всегда гордился тем, что знал цену одиночеству. Собаку в счет не брал. Но вот — нет ее, и жутко, и муторно, и бессмысленно стало его одиночество. Именно теперь, когда не стало собаки... Когда уходила Татьяна, была боль, обида, предчувствие пустоты, но самой пустоты не было. Проводил Татьяну до тракта, и когда она села в кабину попутной машины и та уже тронулась, он все чего-то ждал — как вкопанный стоял на обочине. Машина вдруг остановилась — он бросился к ней. Татьяна высунулась и прокричала: „Там, на чердаке... черничное варенье... в банке...”

Машина рванулась и как переехала его четырьмя колесами. Он захотел, потом сплюнул, сорвал с плеча ружье и шарахнулся вверх из обоих стволов. Так хоронил любовь.

Вспомнив об этом, застыдился своей театральности.

Не может современный образованный человек жить без нее. Не может прямо смотреть на мир, чтобы одним глазком при этом не коситься на самого себя. А видеть себя хочется в достоинстве, в соответствии с запросами духа, на уровне мировых стандартов мужественности и самообладания. Да где набраться их, когда уходит женщина, которая нужна? Когда гибнет собака, без которой в тайге делать нечего?

Боль от ухода Татьяны стихла, опустилась в глубину, превратилась в ноющее беспокойство. А через два дня свалившейся вершиной сухостоя собаке переломило позвоночник. И вот он — один. И пустота стала окружать и заполнять его. Уход жены согнул, смерть собаки сломала его.

Внизу засветился огонек — зимовье Селиванова. Сергей заскользил по мокрой тропе вниз. Залаяли собаки, плутоватые и двусмысленные, как и сам хозяин.

В нос ударил запах махорки. Селиванов лежал на нарах, прикрывшись тулупом, с тряпкой на лбу. Вода ручейками сбегала с Сергея, остановившегося у дверей.

— Принимай гостя, Селиваныч!  
— Ты чего это? — хрипло спросил тот.  
— Спросить пришел: для чего на свете живешь, Андриан Никанорыч?

Селиванов хмыкнул и, отвернувшись к стенке, проворчал:

— Нехорошо делаешь! Сам поддал, а ко мне — с допросом.

— С чего ты? — удивился Сергей.  
— Нешто трезвый такие вопросы задает?

Сергей загоготал. Сразу стало легче.

— Прав, Селиваныч! Трезвому некогда! Но я не пил. Откуда у меня? Сам знаешь.

— Врешь... — неуверенно сказал Селиванов — А я, вишь, второй день болею, мне бы этого дела сейчас — в самый раз! Не стой попусту, промок вишь, растопляй печку да сушись. Чай поставишь покрепче. Глотнем, коли другого нету.

Печка затрещала. Селиванов — мужик хозяйственный. Сухие дрова заготовил до непогоды.

Сергей положил ладонь ему на лоб.

— И вправду температуришь.  
— А как же! Можи есть у тебя все ж чего глотнуть, а? — с робкой надеждой спросил он снова.  
— Откуда! Второй месяц из тайги не выхожу...  
Селиванов вздохнул.  
— Вылечиться-то оно быстро можно, — продолжал

он. — К примеру, чайку бы с малиновым вареньем!  
Да где его взять!

— А с черничным? — вдруг спросил Сергей, — его кольнуло в сердце.

— Черничное — не то. Но все равно с пользой было бы. Варенье любое есть лекарство.

— Будет тебе лекарство, Селиваныч!

Тот даже на кровати приподнялся. И, увидев, что Сергей собирается уходить, закричал:

— Да ты что? Спятил, парень! В такую погоду, ночью, за вареньем? Да на хрен оно нужно?

Сергей вышел. Тайга вдруг осветилась и потухла. Над головой трахнуло. Ливень обрушился на него, но не удивил: он все еще был насквозь мокрый.

Сергей зашагал так быстро, как никогда не ходил. И удивился: снова не стало мыслей, но появилась цель: черничное варенье! И чего бы сейчас от него ни потребовалось, он все бы преодолел. Как легко и прекрасно, когда у тебя есть выполнимая цель!

Снова молния, гром. И вдруг мысль: а что если нет на чердаке варенья? Вдруг Татьяна ошиблась? На Сергея напал страх. Он уже бежал, спотыкаясь и балансируя на скользкой тропе. Дыханье перехватывало и кололо в боку. А гроза бушевала. Кругом сверкало, трещало, грохотало, будто хотят кто-то огромный над ним, ничтожной букашкой, ползущей по тайге за банкой варенья.

Не заходя в зимовье, Сергей полез на чердак и стал ощупывать все, что там скопилось. Вот! В уголке она, бережно завернутая в целлофан! Литровая банка черничного варенья!

Он расстегнул промокшую куртку и затолкал банку во внутренний карман. И тотчас зашагал назад.

Подумать только! Ему тридцать лет, он здоров, силен и вынослив. И он хочет всю жизнь носить людям черничное варенье. Хочет, чтобы смысл каждого шага и слова был ясным и однозначным! Хочет, чтобы эхо не путало голоса заблудившихся и тех, кто просто привык глотку драть для самоуважения! Чтобы протягивать руку и знать, что встретишь руку, а не щупальце! Люди, сделайте так! И не будет в мире более добросовестного работяги, чем он, неудавшийся ученый, неудавшийся муж, неудавшийся таежник!

Сделайте еще и так, чтобы тропа в тайге не исчезала из-под ног!

Молния сверкнула и погасла. Сергей сделал шаг, оступился и рухнул вниз. Ружье ударило его по голове, в груди хрустнуло. Он схватился за грудь. Банки не было. В кармане была мешанина из осколков и варенья. Он снял куртку и швырнулся в сторону. Все! Последней каплей оказалась банка.

Сергей поднял ружье, вытащил патрон. Но выстрела не услышал — раздался гром. Но выстрела никто бы не услышал, потому что он не состоялся. По причине сырости.

Волоча ружье, Сергей поплелся по тропе, не соображая, в какую сторону он движется.

## САШКА

Сашка лежал на верхней полке, закинув руки за голову и размышляя о том, что с ним случится, когда он набьет морду Витеньке. Снимут с поезда? Дадут пятнадцать суток? Остригут? Но могут и статью пришить. Все равно. Невмоготу было видеть слезы на глазах Катерины, жены этого надутого индюка и фраера. Когда Сашка вошел в купе, — еще

в Москве, — у нее стояли слезы в глазах. Она не по-здоровалась в ответ. Зато супруг ее раскланялся чрезвычайно любезно.

— Вот и попутчик наш прибыл, Катерина, — с гнусным восторгом воскликнул он и при этом так зыркнул на жену, что та, испуганно и поспешно вытирая слезы, попыталась улыбнуться. Витенька не отвязывал улыбку до самого отъезда и все спрашивал Сашку, куда он да откуда, да кто такой... Сашка хотел было смотреться в коридор, потому что видел, как необходимо жене фраера капитально высморкаться и привести себя в порядок, но тот будто нарочно не отпускал его.

Витенька расположился на нижней полке под Сашкой. Катерину же устроил напротив. Наоборот бы сделать! Четвертого пассажира не имелось, а бабе переодеться надо или что другое по туалету... В течение ближайших часов Сашка обнаружил, что Катерина хорошенъкая и совсем молодая — двадцать, не более. Четверо суток ему суждено было видеть перед собой миленькую мордашку!

Но когда прошли первые сутки, он уже искренне хотел, чтобы муж и жена поменялись местами. По пять-шесть раз на дню она заливалась слезами. Сашка ни разу не смог уловить причину ссоры. Витенька нечто скрежетал сквозь зубы, вставал и галантно открывал дверь в коридор. Жена испуганно выскакивала из купе. Возвращались нескоро. Он с невозмутимым лицом. Она — в слезах. Он говорил неестественно громко и что-нибудь вроде: „Катерина, ты будешь читать журнал?” И сволочь какая: вопрос задавал всегда так, чтобы ей отвечать только „да” или „нет”. „Нет”, — говорила она с трудом. — „Ну, тогда я посмотрю его, хотя журнал, прямо-таки скажем, дерымовенький!”

„Сам ты дерымо сучье!” комментировал про себя

Сашка, отворачиваясь к стенке, чтобы не видеть сдерживаемых рыданий Катерины.

На вторые сутки они встретились в вагон-ресторане, где Сашка доканывал четвертую бутылку пива. Жена села к нему спиной. А мужа он мог хорошо рассмотреть и нашел, что Витенька красив, как киноактер. Может, так и есть?

„Фотографией держит! — с презрением и завистью подумал Сашка. — Сволочуга! Попортить бы ему карточку!” Именно тогда родилась эта мысль. Желания претворить ее в действие еще не было. Но на трети сутки Сашка знал, что скандала не миновать.

И дело было даже вовсе не в том, что Витенька — сволочь и подонок, а Катерина нравилась Сашке и было ее очень жаль. Просто по одному движению губ, повороту ее головы Сашка понял, что мужа своего она не любит...

По московскому времени было уже два часа, а по местному — черт его знает? — плюс три или четыре. В купе все предвещало новуюссору. И Сашка отправился в ресторан с неясным решением: „Если, когда вернусь, у нее будет красный нос, то ему сделаю еще краснее!”

Сашка не был по натуре драчуном и скандалистом. Он дрался по необходимости и по большой злобе. Здесь же полной уверенности в правоте не было, а значит, и злобы недоставало. За окном мелькали степи, болота, хилые, сумрачные перелески и полустанки — все на одно лицо... Жаль было людей, живущих в таких местах. И все они представлялись Сашке такими же скучными и бесцветными, как эта серая равнина от горизонта до горизонта.

Сашка пытался сообразить, чем Катя своему мужу не угодила. Она стлала и убирала его постель,

выносила бутылки из-под пива, стирала ему носки, есть начинала после него, а кончала первой. Такую бабу на руках носить надо, а этот фраер шиперится! Может, виновата в чем перед ним, потому и терпит? Сашка представил себе вдруг, что несет Катю на руках по броду через Ледянку. Вода по пояс, течение — страсть! Если б без рюкзака, — пожалуй, прошел бы и не споткнулся! А вот после брода — подъем, трактор опрокидывается, если зазеваться! Нет, не донес бы! А самой — куда ей! Веточка то-полиная — сломается на полдороге.

Сашка сунул официанту пятерку и двинулся к себе. В коридоре швыряло. Он налетал то на окна, то на двери купе, то на встречных.

Взявшись за ручку своей двери, он услышал отчаянный Катин плач. И, рванув дверь, бросился на Витеньку. Может, тот только угрожал жене, замахнувшись на нее. Пожалуй, так оно и было, иначе Сашка не успел бы схватить его за руку. Но он схватил и рывком дернул Витеньку к себе. Злобы оказалось на троих! Даже губы судорогой свело. Витенька же сложил губки бантиком, раздул ноздри и произнес тоном ministra, подающего в отставку:

— Любезный, будьте добры, отпустите мою руку... — Он хотел еще что-то добавить, но тут отчаянно заверещала Катя.

— Не троньте его, ради Бога!

И Сашка уловил в ее голосе испуг не за мужа, а за себя. Еще он понял, что имеет дело с сильным мужчиной, и драка обещала быть серьезной — уже с трудом удерживал он руку Витеньки. И Сашка вдруг прошипел:

— Хочешь, падло, я тебя сейчас в окно выброшу?

Ему бы это не удалось, ноказалось, что не только в окно, в порошок истер бы, в узел завязал...

Витенька криво усмехнулся, а Катя кошкой кинулась к Сашке и повисла у него на руке.

— Прошу вас! Уйдите! Прошу вас! Не трогайте его! Не смейте!

От испуга глаза ее сделались огромными. Сашка оторопел, выпустил Витеньку, но тут же встал между ними, лицом к ней, расставил ноги, выгнул локти и плечи расправил — будто еще шире стали. И заговорил вдруг торопливо и прерывисто, обращаясь к ней:

— Слушай, мне двадцать четыре... я не женатый... работаю в лесу, живу в зимовье, зарабатываю, сколько хочу... больше ничего нет... шмоток чемодан... две собаки, лайки... во собаки...

Он смолк, сам пораженный той бессмыслицей, которую понес.

— Что? — недоуменно спросила она, захлопав мокрыми ресницами.

— Собаки, говорю, у меня хорошие... — пробормотал он, уже почти теряясь и отступая, но вдруг будто воздуха в грудь набрал и выкрикнул:

— Пойдем со мной, а?!

Она отшатнулась. За его спиной шевельнулся было Витенька, но Сашка еще шире раскинул руки и стал скалой.

— Ты не думай долго! Скажи „да”, его не будет больше... А я тебя не обижу!

— Что вы говорите!.. — прошептала она, застывая пораженная.

— Алло, любезный! — хлопнул его по плечу Витенька. Но Сашка молниеносно развернулся и теперь оказался нос к носу с Витенькой.

Тот явно струхнул. Сашка так же резко снова обернулся к Кате.

— Тебе будет хорошо! У меня такие собаки!.. Тайга кругом!.. Парни интересные...

Он придинулся вплотную. Отступать ей стало некуда.

— Ты такая!.. Он же дурак! Ничего не понимает! Не понравится тебе со мной, уйдешь! К нему вернешься! Такой, как ты, он нигде не найдет!

— Что вы говорите! — сказала она вдруг охрипшим голосом. — Я ведь его жена, мы расписаны...

— Но в глазах ее, все еще растерянных, он вдруг обнаружил тревогу, какая возникает в человеке перед риском.

— Не думай долго! Да или нет? Если нет, забирай чемодан и ты меня больше не увишишь.

За его спиной кашлянул Витенька.

— Катерина, ты не находишь, что пора ответить молодому человеку?

Хотя проскрипели эти слова как бы по-старому, но уверенности в них уже не было. Катя вздрогнула.

— Да... Конечно... Я должна сказать... — бормотала она, глядя Сашке в глаза, да так, что ему становилось то жарко, то зябко.

— Да... я должна сказать... конечно, Витенька... я согласна... я пойду...

Сашка тупо уставился на нее.

— Я согласна, — сказала она еще раз, но теперь уже так, что Сашке кровь бросилась в голову.

— Катерина, ты спятила! — взвизгнул Витенька и попытался кинуться к ней. Но Сашка схватил его одной рукой за горло, другой — за грудки, опрокинул на лавку и прошипел:

— Все! Понял? Она моя! Умри! Удавлю!

— Не нужно! Не нужно! — закричала Катя, оттаскивая Сашку. Но какая перемена! Теперь она тащила его как своего. Что-то в Сашкиной душе сжалось, но тут же мелькнула мысль: „Значит, крепко от него натерпелась!”

Витенька хрюпел и извивался. Сашка отпустил его, но каждым мускулом был готов к новой драке.

Тот поднялся, повел шеей, пригладил волосы. Затем молча достал записную книжку, авторучку и стал писать. Сашка подозрительно следил за ним. Катя смотрела испуганно. Кончив писать, он любезно улыбнулся Сашке.

— Расслабьтесь. Я не собираюсь драться. Вы совершенно напрасно терзали мое горло. Так кто же из нас уйдет? По-видимому, я?

— Мы уйдем! — рыкнул Сашка.

— Отговаривать не стану.

Он снова улыбнулся.

— Во всем, что сейчас здесь произошло, я вижу перст... да! У меня будет к вам лишь маленькая просьба, которая, конечно же, вас ни к чему не обязывает. Вот здесь, на листке, я написал свой адрес. Будьте столь любезны, когда моя бывшая жена уйдет от вас с другим, еще более отважным молодцем, черкните мне об этом, ну, просто для информации.

Одним движением он сунул листок Сашке в карман, схватил пиджак и быстро выскочил из купе.

— Ужалил-таки, гадина! — пробормотал Сашка и повернулся к Кате.

Она стояла лицом к окну.

— Еще не поздно... — сказал Сашка угрюмо.

Не отвечая, она кинулась к чемодану и стала быстро оттуда выбрасывать вещи: кофточку, чулки, туфли...

— Под той полкой — чемодан, достаньте, пожалуйста!

Сашка вытащил коричневый кожаный чемодан с золотыми пряжками.

Катя начала перекидывать вещи из одного че-

модана в другой, путалась, снова что-то доставала, теряла, искала. Сашка стоял, привалившись к двери купе, наблюдал за ней и не мог понять: радуется он или не радуется? Спохватившись, стал собирать и свои вещи. Катя вдруг застыла.

— У вас есть деньги? — спросила она очень тихо.  
— Мне не хотелось бы у него брать... Деньги его...  
У меня есть кое-что продать... Я хотела бы сойти с этого поезда...

Она умоляюще посмотрела на Сашку. Тот вытряхнул из карманов все, что у него было. Прикинулся.

— Дотянем.

— А куда?.. где вы живете?

— Станция Кедровая. Меньше суток осталось. Оттуда — автобус и час пешком... — Он тревожно взглянул на нее. — Пешком километров пятнадцать.

И соврал. Было двадцать пять, и каких! Все представилось ему вдруг авантюрий, даже дух захвтило.

Когда чемоданы были готовы, Катя вдруг взмомлилась.

— Саша, подождите, не могу же я так... Подождите, я найду его!

Она выскочила из купе.

Сашка испугался, но тут же подумал, что уйти не попрощавшись — это не для нее. Однако кто знает, что он ей наговорит?

А Катя не возвращалась. И становилось на душе у него все тревожнее, все тяжелее. Он сообразил вдруг, что название этому незнакомому чувству, наверно, ревность?

Катя пришла заплаканная.

— Пойдите к нему. В тамбур. Он просил!

— Зачем? — спросил было Сашка, но подумал:

„Может, драться?” И почти с радостью выскочил в коридор.

Орлом влетел он в тамбур, но тут же сник. Витенька стоял, прислонившись к двери, и курил. На плечи был наброшен пиджак. Нет, в такой позе не дерутся.

— Слушай, ты чувствуешь себя счастливым, не так ли?

Витенька перешел на „ты” и стал больше походить на мужчину. Вопрос же был с подлянкой, и Сашка не ответил. Но и тому было нелегко продолжать.

— Счастливые — снисходительны и не горды. Так вот — не будь гордым и возьми деньги!

Он не вынул и не протянул их. Только сказал.

— Не возьму, — твердо ответил Сашка.

— Понимаю, — тем же тоном продолжал Витенька. — Сейчас ты представляешь меня страшной бякой, а ее — ангелом во плоти. В чем-то, может быть, даже во многом, она лучше меня. Но когда-нибудь ты поймешь, что когда два человека не уживаются, то виноваты оба. Теперь, допустим, я свою вину знаю. И хотел бы в мизерной доле искупить.

— Деньгами?

— Предполагаю, что это — вопрос холостяка, а не моралиста. Ну, посмотри, в каком ты превосходном по сравнению со мной положении! Мало того, что я — покинутый муж, жалкая роль, не правда ли? К тому же, и мучитель прекрасной женщины! Так будь же великодушен, подай мне луковку!

— Чего? — не понял Сашка.

— Я говорю, дай мне эту крохотную возможность остаться не такой бякой!

Он подошел к Сашке вплотную.

— Возьми же, ради Бога! Я премию получил,

много, столько ты и в глаза не видел! Пропью ведь или раздам. Не ломайся!

— Отдаешь жену с приданым?

Сашка терялся и не знал, как вести себя. Витенька то казался „шкурой”, то вроде бы ничего...

— Во-первых, я тебе ее не отдаю. Во-вторых, если уж хочешь взять без приданого, то бери голой: я не давал ей работать, и значит, все, что на ней, куплено на мои деньги. Ну так как?

— Сколько ты хочешь дать? — торопливо спросил Сашка, он нашел наконец выход.

— Сколько? — Витенька растерялся от вопроса.

— Ну шестьсот...

— Договорились! Если ты считаешь, что эти шестьсот должны быть ее, пусть так и будет. Но сейчас я их не возьму. Возьму, когда надо будет, а они пусть чтобы были всегда. Вот так!

— Хитро! — угрюмо пробурчал тот. — Но пусть будет так. Я устал.

На лице его снова появилась та надменность, что раздражала Сашку до бешенства.

— Бывай! — сказал он и, не подав руки, ушел из тамбура.

— Вы не взяли? — спросила Катя, как только Сашка вошел в купе.

— Нет.

— Я так боялась...

Тут он впервые заметил, как хорошо она одета, — просто здорово! И брюки не как у всех, и свитер с особенной расцветкой, и плащ с застежками... Даже чемодан Сашкин рядом с ее выглядел жалкой дворнягой. „Приданое”, — с горечью подумал он, и захотелось ему заработать много-много, чтобы осипать ее деньгами, чтобы все, что ей нужно, было только от него...

- Заработаем! — сказал он вслух.
- Что? — не поняла она.
- Это я так... — Он смутился.
- А когда остановка? — спросила Катя.
- Остановка? — Сашка уже принял другое решение. Сходить с поезда не было нужды. Лишние траты. — Посиди, я сейчас все узнаю!

С начальником поезда Сашка договорился быстро и сравнительно дешево. Им дали пустое купе в конце поезда. От Витеньки отделяло их восемь вагонов. Катя не протестовала, — приняла его решение так, словно другого и не предлагала. Сашку это испугало, и он почувствовал себя вдруг неуверенно...

Но истинная пытка была еще впереди. Они пришли на новое место и стали устраиваться. Суетились долго, нарочно затягивая, но всему наступает конец: сели друг против друга, и наступило молчание, да какое страшное! Сашке представилось все, что только что произошло, умопомрачительной глупостью. Его прошибло холодным потом. Ведь они же совсем чужие! О чем им говорить? У Кати, кажется, было на душе то же, потому что глаза ее вдруг завлажнели, она отвернулась, и платок мелькнул у нее в руке. Обнять бы ее сейчас, приласкать, сказать слова... Есть же такие слова? Но Сашка молчал и не шевелился, хотя и молчать было уже невозможно.

Катя повернулась к нему.

— Простите меня, все так неожиданно... не знаю, правильно ли я поступила...

- Если не любишь... — буркнул Сашка.
- Любишь — не любишь, — грустно сказала она,
- разве кто-нибудь знает, что это такое?
- Я знаю! — с вызовом ответил он.
- Что вы знаете?
- Что я тебя люблю!

Она посмотрела удивленно и улыбнулась. Такую улыбку ее он видел впервые. Господи! Как хотелось взять ее лицо в ладони, нежно и сильно, приблизиться к глазам... Ее губы и съежившиеся плечи, ее руки у подбородка с маленькими пальчиками в кулачках — все взывало к нежности, жалости, доброте! Сашка так вцепился руками в лавку, что, казалось, то ли она хрустнет в его руках, то ли пальцы его сломаются.

Но вдруг боль острой иглой прошла насквозь: ведь она уже принадлежала кому-то! И что бы он ни сказал ей, она знает уже, слышала, чувствовала. Каким бы он ни был, это будет лишь повторением. Даже если она полюбит его, никогда не будет любить так, как любила первого! Хуже того: каждое слово его, каждое действие будут лишь поводом для воспоминания о другом...

Сашка опомнился и застал себя на том, что уставился в пол, а Катя тем временем о чем-то спрашивает и взгляд у нее тревожный.

— Вы обиделись? Я ведь пошутила! Извините.

Крепко же его хлестануло, если даже слов ее не слышал. Чего это она пошутила?

— Да нет, ничего...

Снова воцарилось тягостное молчание. Но Катя уже успокоилась.

— Давайте расскажем друг другу о себе!

Сашка пожал плечами, но в душе был радехонек. Его распирало от благодарности за простоту ее тона.

— Хотите, я первая? Но мне почти нечего рассказывать. Я — москвичка. Отец и мать — инженеры. Окончила школу. Работала лаборанткой. Потом вышла замуж. Он ведь певец... эстрадный, вы, кажется, не узнали его. И композитор. В общем, знаменитость. Так случилось... Видела по телевизору, по-

том случайная встреча. Он начал ухаживать. Лестно... И знаете, он вообще-то неплохой человек, и вроде бы любил меня... Только ему нужна такая жена, которая, как бы это сказать, чтобы она была и женой, и частью гарнитура в гостиной, и секретаршей, и импресарио... Что такое импресарио? Ну, это когда человек умеет полезные связи устанавливать. Сначала я все это пыталась делать, и даже получалось. Не долго... Потом стала делать глупости. Однажды не вышла к гостям, потом... У Вити не было специального образования. Он сочинял только мелодию песни. Оркестровывал ее кто-нибудь другой, часто один его приятель, я его терпеть не могла... Однажды должны были гости прийти, я ждала... Он пришел первый. Пьяный уже пришел. Не так, чтобы слишком, но все же... Начал говорить мне всякие гадости... Дать бы ему пощечину... и остались бы друзьями! Не удивляйтесь. У них так бывает! А я чего-то испугалась, отшучивалась, увертывалась... Зато потом, когда собралась уйма народу, я вдруг закричала, что он бездарь и дилетант. Я была неправа. Он талантлив. Короче, все не так сделала. Знаете, Саша, они странные люди! Вы можете обливать их грязью, бить по физиономии, отбивать жен, все это может быть прощено. Нельзя только сомневаться в их таланте. Это — не прощается. Он знал, что я ничего не смыслю в музыке, и решил, что повторяю слова мужа. Получилось, что я превратила лучшего друга Витеньки в его врага. С этого и пошло у нас с ним все хуже и хуже... Как-то я поняла, что не люблю его... Когда, не помню. Может быть, давно. Мы ведь четыре года жили... Только я себе не говорила об этом. Поэтому, наверное, я во всем и виновата сама. Он правда неплохой человек. Добрый...

— Добрый? — язвительно спросил Сашка.

— Да, добрый. У него никогда не бывало лишних денег. Он раздавал их кому попало и забывал... Не гонялся за тряпками, как многие его друзья...

Тут она перехватила Сашкин взгляд и поняла его.

— Меня он одевал как куклу. Я не имела права одеваться хуже, чем чья-то другая жена. Из-за этого и работать не позволял. Жена-лаборантка — не звучит. А никакой другой специальности у меня нету. Но хватит о нем. — Катя вздохнула. — Человек он неплохой, но...

— Неплохой? Он же чуть не ударил! Я видел!

— Да, — грустно согласилась она, — и ударил бы... Сашка грохнул кулаком по столику.

— Убил бы гада!

Она ответила со странной печалью в голосе.

— Это, конечно, ужасно... когда муж бьет жену. Но это еще не самое худшее...

— А что хуже?

— Когда не любит... Теперь, между прочим, ваша очередь рассказывать!

— А мне нечего рассказывать! Я не композитор!

— Ну зачем так! — Она огорчилась. Сашка заерзal.

— Правда! Ну чего рассказывать? С девятнадцати лет — в тайге. Больше ничего не видел! Ну в отпуск ездил...

— Хотите сказать, что скучно живете?

— Почему? Всякому свое. Мне в тайге интересно. Я вольный. Хочу работаю, хочу — нет. Начальников нету. Что заработал, то и мое. Никто над душой не висит. Вот приятель у меня на слюдфабрике... Каждую неделю по два часа на политике балдеет, а потом еще зачеты сдает, — чтобы до него доехало, что он лучше всех в мире живет.

— Как-то вы говорите... — забеспокоилась она.

— А чего не говорить? Я — не эстрадный певец или писатель. Те, если лишнее скажут, им кормушка фигой обернется. А я на кусок хлеба всегда настреляю.

Катя переменила тему.

— Но вы же все равно на какой-то работе числились?

— Зверопромхоз у нас. Тайга на участки поделена. Наш участок Гологор называется. Горы там. Хребтами тянутся. Гравами...

— Гравами? Красиво.

— Да. А кое-где вершины без леса. Камни. Гольцы. Потому Гологор назвали. Летом люди договора с промхозом заключают и идут в тайгу, орех бьют, ягоду заготавливают, грибы. И мы тоже. Зимой охотимся. Лес валим. Только мы — штатные.

Сашку вдруг осенило.

— Катя, у нас на Мерзляковой гриве живут Серега с Таней. Он из Новосибирска, кандидат наук, она — тоже с высшим образованием. Серега с начальством не поладил, наговорил чего-то. Поклоняться не захотел. Все бросил и ушел в тайгу. И жена за ним. Они живут в зимовье. Вместе охотятся. Слушай, Катя, они здорово живут! Освоились, будто всю жизнь в тайге жили. Понимаешь, это только кажется, что в тайге трудно... Зато утром выйдешь из зимовья, солнце сквозь ветки — такое красное, как воздушный шар! А как кедры пахнут после дождя! Сделаешь пару вздохов, и в легких чисто, будто только на свет родился! А ты слышала когда-нибудь, как тявкает бурундук перед грозой? А как кричит черный дятел? Пи...и...ить! Вот подожди.

Сашка сложил ладони лодочкой, поднес к губам. Получилось здорово. Не всегда ему удавалось так точно изобразить, а тут — с одного разу! Он тявкал бурундуком, пищал дятлом, ворковал белкой.

Катя хорошо улыбалась, больше смотрела на него, чем слушала. Внимательно наблюдала. Сашка уловил это, смущаясь и замолк.

— Вы говорили, у вас собаки...

— Две! — радостно подхватил он. — Одного зовут Чапой, а другого...

— Как? Чапа? Почему?

Он пожал плечами.

— Почему? Собака сама придумывает себе имя и подсказывает его хозяину, если они понимают друг друга. Чапа... ну, потому что он Чапа.

Оба рассмеялись.

— А второго?

— Второго — Хук зовут.

— Потому, что он Хук?

— Он хитрый, зверя берет исподтишка.

— А Чапа?

— Этот бросковый. Отчаянный. Иногда горячится, но шкуру не портит.

— А зверь какой?

— Белка, соболь, колонок... мясо берем тоже. Есть-то надо, да и собак кормить...

— Как мясо?

— Ну изюбрь, кабарга, что попадается... Вообще-то нельзя, а без мяса как в тайге?

Она задавала вопрос за вопросом, и Сашка верил, что ей действительно интересно.

— А шкурки сдаете?

Он замялся.

— Сдаем... Но только, если бы все сдавали, голыми остались.

— Почему?

— Соболь сколько в Москве стоит?

— Точно не знаю, двести, двести пятьдесят...

— Во! — усмехнулся Сашка. — Нам по сдаче,

если полста дадут, то хорошо. А то четвертак, бывает и меньше.

— Но ведь это, наверное, обман? — неуверенно спросила она.

— Не обман, а монополия, — поправил он ее равнодушно.

— И вы ничего не сдаете?

— Ну почему? Сдаем, чтобы не придириались. Что похуже, все равно ни хрена не заплатят.

— А остальное в Москву?

— Очень надо! — фыркнул Сашка. — Спекулянтам отдаем. Твердая цена — сотня. Свое берем. Это уж они вас, москвичей, обдирают. Увидишь, как достается соболь. И мало его стало. За белку платят прилично, так мы ее и сдаем почти всю... Если только себе или по своему заказу...

— А не жалко вам их убивать? Они такие милые зверюшки! Белки...

Сашка хитро улыбнулся.

— Милые? Но на воротниках они вам еще милее! ласкаете как живых! Видел! Мы только исполнители, а заказчики вы! Значит, и убиваем вместе.

Уловив ее смущение, он спросил:

— Ну так как, не жалко вам пускать на воротники таких милых зверюшек?

Она еще больше смущилась, и он подвел черту:

— Главные хищники в мире — это вы! — И расхохотался довольный. — Филька говорит: „Жестокость в мир приносит женщина!”

— Филька?

— Живет там у нас один, тоже из Москвы, между прочим. Мы его Филькой зовем. Не обижается. Мое образование, говорит, — Филькина грамота. Интересно с ним! Книги с собой таскает по тайге. Знаешь, я ему многим обязан...

Она перебила его.

— Подожди, Саша, я что-то никак не пойму, где же вы живете? И сколько вас там?

Сашка засуетился.

— Я же говорил, зверопромхоз у нас. В тайге — база. Склады с продуктами, капканами, инструменты... Мы сейчас на базе живем, до сезона. Четверо. Сторож, тоже молодой парень, Степаном зовут, потом еще один... Артамон, слыхала такое имя? Мы его зовем Моня, а то пока полное имя выговоришь, медведь задерет. На базе барак есть. Там и живем. Все вместе. У сторожа свое зимовье, приличная такая избушка. Но Степке скучно, он с нами живет. Котел общий. Километров десять от нас, на крутой гриве, стариk живет, Селиванов. Еще километров семь, на Мерзляковской, я говорил тебе, там Сержека с Таней. Мое зимовье на Пихтаче, место такое есть. Я туда ухожу, когда сезон начинается. Там мой участок. Моня и Филька, они не охотники, они „бичи”. Делают, что придется, лишь бы на жратву было. Охотятся на удачу. Мы с тобой как приедем, починим сторожеву избушку и...

Оба вдруг опустили глаза. Катя покраснела и испуганно сжалась. Испугался и Сашка — не мог уже слова из себя выдавить. Катя теребила рукав свитера, прикушенная нижняя губа побелела, подбородок задрожал.

На Сашку свалилось отчаянное отрезвление. К какой он дурак! Она пошла за ним, чтобы только отвязаться от Витеньки.

Но у нее нет денег. Куда она денется? А если бы хотела только от мужа оторваться, зачем ехать к нему в Кедровую? Тайком, искоса, он взглянул на нее. Знать бы, что происходит сейчас в этой маленькой головке? Погладить бы волосы... А если напрямую?

Сашка знал в себе эту черту — действием опере-

жать мысль. На охоте это приносило ему славу. Даже Селиванов, никому не прощающий удачу, большую, чем его, однажды с завистью сказал: „Шлеп у тебя что надо, парень!”

Сашке даже иногда казалось, что он стреляет белку раньше, чем увидит ее. И когда так получалось, становилось страшновато — нечистой силой будто попахивало.

Вот и сейчас: он еще и подумать даже не успел, о чем, собственно, нужно говорить „напрямую”, как эта сила уже перебросила его на сиденье Кати, да так стремительно, что та испуганно откинулась к стенке.

Он осторожно взял ее руку, не взял, а коснулся.

— Давай так: пойдешь со мной, я скажу ребятам, что ты — моя жена, а то относиться будут не так. Что сестра — не поверят. Будем жить в сторожевой избушке, но я слова не скажу, какого ты не захочешь, не только чего...

Он чуть сжал ее руку.

— Понимаешь, меня некому похвалить тебе, но поверь, я, ей-Богу, ничего. Люди говорят, а зря не скажут. Не обижу и в обиду не дам. Гарантия.

— Что я там делать буду? — спросила она грустно.

— Посмотри на мои руки. Разве с такими руками идут в тайгу?

Под ее протянутую ладонь он подставил свою и хотя руку ее не задерживал, почувствовал в ней сопротивление. В сердце кольнула обида. Ладонь ее казалась такой нежной и хрупкой, что невозможно было представить в ней не только топор или ружье, но и любой другой предмет его таежного быта. Они никак не сочетались с этой рукой, тонкими пальцами, кольцом и перстнем. Такие пальчики можно только целовать, отогревать на морозе или просто

держать в своих до неприличия грубых руках, чтобы не забывали они о том, что на свете существует красота и нежность.

Сашка коснулся ее кольца. Катя поняла это по-своему и показала, что оно не снимается.

— Конечно, — виновато сказала она, — надо было его вернуть, но я забыла о нем... А перстень — это не от него, это отец подарил мне на день рождения... Так что же я буду делать в вашем зимовье?

— Ничего, если не захочешь, и все, что захочешь!

Сашка говорил искренно. Лишь бы была рядом! Он возвращается с охоты — она ждет его! Он уходит, она провожает! Лишь бы присутствовала в его жизни каждый час, лишь бы ладонь ее всегда так доверчиво, как сейчас, оставалась в его руке...

Но она вспомнила и высвободила свою руку осторожно и настойчиво. И села напротив, глядя ему в глаза спокойно и внимательно.

— Да, ты, наверное, хороший.

Сашка не заметил, что она перешла на ты, и только вслушивался в звук ее голоса. Но вдруг рассмеялся.

Она чуть нахмурилась.

— Я что вспомнил, — сказал он, оправдываясь, — когда с Чапой разговариваю, ну, просто говорю о чем-нибудь и гляжу на него, он ужасно мучается. Вытянет морду, уставит глаза и нервничает хвостом. И до тех пор, пока не поймет, имеет это к нему отношение или нет. Ему обязательно надо, чтобы я сказал: „Чапа — умница!” Тогда он успокаивается и ложится у ног. Или: „Поди вон!” Тогда уйдет в угол и будет переживать глазами, пока не приласкаю... Я вот на тебя сейчас тоже так смотрю. Ты, наверное, думаешь о чем-то своем, а я хочу, чтобы ты думала...

— Я о тебе и думаю — сказала она серьезно.

— По-разному можно думать...

— А я о тебе хорошо думаю.

Сашка стушевался.

Опустив глаза, Катя спросила:

— Ты сможешь быть терпеливым?.. — Колебалась она или подыскивала слова? — Если ты такой, каким сразу показался, я, наверное, полюблю тебя. Но ты не торопи меня, ладно?

Это не было требованием или условием, это была просьба. Сашка смущался.

— Да я...

В дверь заглянула проводница, молодая и рыженькая.

— Чай пить будем?

Они переглянулись.

— Будем, — ответила Катя.

Проводница исчезла.

— С чем пить будем? У нас ничего нет...

Сашка пожал было плечами, но вдруг понял: с этого момента он должен думать, решать и находить из всего выход за них двоих.

За окном совсем стемнело.

— Я устала, — сказала Катя, как бы извиняясь.

— Я лягу, а ты расскажешь мне еще о тайге и о ваших ребятах. Хорошо?

Она стала разбирать свою постель. И вдруг:

— Витенька, достань чемодан!

Сашку полоснуло. Катя испуганно замерла, пускогнувшись над одеялом, не смея шелохнуться. Потом выпрямилась, медленно поднесла руки к лицу и, уткнувшись в них, зарыдала. Сашка стоял растерянный, жалкий. Ее слезы душили его. Хотелось что-нибудь сломать, разбить, подраться с кем-нибудь.

Он кинулся к ней, схватил за плечи и повернул к себе. Она притихла.

— Ну чего ты! Чего! — кричал он. — Ведь не любишь его? Нет? скажи!

Она чуть заметно кивнула.

— Ну так чего тогда! Чего! Я же понимаю! Чего реветь! Не могу этого видеть! — И Сашка встряхнул ее так, что она вскрикнула. Руки его сами собой охватили ее лицо, и он вдруг стал жадно целовать ее, будто поцелуями хотел утолить муку радости и жажды, которые оно вызывало. Какое-то неистовство нежности и страсти захлестнуло его, но страсти удивительно чистой, как самая ранняя роса, как таежный воздух после грозы, как снежинка, не упавшая на землю, как говор таежного ручья в камнях и мху. Все самые радостные ощущения и чувства, что когда-либо дарила ему жизнь, сошлись теперь вместе, все сразу, и воплотились в зримую и осязаемую реальность — ее лицо. Воздухом он дышал, воду пил, снежинкой любовался, но не было утоления — все так же горела в нем мука радости и жажды...

Сашка очнулся, когда почувствовал руки ее на своей груди. Они не отталкивали, эти руки, в них почти не было движения, но он уловил в них просьбу и напоминание... И он выпустил ее, как выпускают, раскрывая ладони, ручного голубя, не пугающегося рук, не принимающего свободу.

Некоторое время она тоже приходила в себя. Сашка облокотился на верхнюю полку, потом приспал к ней головой и стоял так, пока не почувствовал ее руку на своем плече. Когда же обернулся, руку она не убрала.

— Выйди, пожалуйста, я лягу!

В коридоре, у темного окна, стоял пожилой мужчина и курил. Сашке захотелось тоже курить, но

просить было неудобно. Он стоял у своего окна, всматриваясь в темноту, но видел лишь свое лицо с взлохмаченной шевелюрой. Иногда отражение разрывали светлые тени мелькающих столбов или огни полустанков. Тогда темнота взрывалась светом, но снова заглатывала его.

Не сорвись он в отпуск, сидел бы сейчас в своем зимовье, а где-то далеко желтым светляком проползал бы в темноте этот поезд, и никогда не узнал бы он даже, что на свете есть Катя... Но сесть именно в этот поезд, в этот вагон, в это купе — какая удача! Так вот, бредя наугад, вдруг сталкиваешься лоб в лоб со зверем, которого чтобы только высledить иногда и троих суток не хватит. Но удача зачастую лишь на мгновение показывает себя. И все дальнейшее зависит от тебя. Сумей не спугнуть, сумей оказаться достойным ее, и тогда она не обманет, и никогда ты не увидишь ее обратного следа. Один Бог знает, за что и для чего посыпает Он удачу человеку. Над ней нельзя мудрить, не надо ее вымаливать. Но к ней надо быть готовым. Всегда.

Сашка постучал в дверь купе и вошел. Среди светлорусых волос на подушке он различил ее темные глаза и ресницы, белизну шеи. Такие только в кино бывают, но там — грим. Не верилось, что это лицо он целовал лишь несколько минут назад... Чудеса!

— Ложись, Саша. Будем лежать и разговаривать. Ты еще много должен мне рассказать.

Ложиться не хотелось. Но он так боялся ее чем-нибудь насторожить или обидеть, что бросился на свою полку как был, одетый, лишь туфли скинул. Столик загораживал ее лицо, а не видеть ее он не мог. Перекинул подушку, перевернулся. Говорить не хотелось. Лежать бы так и смотреть...

— Саша, те, муж с женой, что у вас живут, — расскажи о них.

— Чего рассказывать? Нормально живут. Серега охотится. Иногда Таня с ним ходит. Она уже стреляет здорово.

— А почему он в тайгу ушел?

— Я же говорил, — не поладил... Не знаю, не рассказывал подробно. Что-то подписал вроде. Воззвание какое или обращение. Вроде бы потребовали, чтоб отрекся. А он все бросил и — в тайгу.

Она уже засыпала. И он мог смотреть на нее теперь, сколько хотел. Но вот она повела ладонью, закрывая глаза от света. И Сашка, собрав всю свою волю, подтянулся и выключил его.

## КАТЯ

Станция Кедровая называлась так не зря. С юга тайга подступала к самому поселку и даже вклинилась в него одинокими кедрами. С северной стороны ее изрядно потеснили. Тайга отступала сама, оставляя людям сухостой да беспорядочный кустарник.

Станционное здание, магазин и еще несколько домов располагались на южной стороне, сам же поселок растянулся вдоль полотна железной дороги — на север. Между ним и полотном чернела широкая тропа в ухабинах, сейчас сухая и твердая, как асфальт, в дожди — с по-коленной грязью и лужами-ловушками.

К приезжающим на станции привыкли, научились просто не замечать их, не видеть даже тогда, когда продавали им черемшу, ягоды, орехи, варенную картошку или соленые огурцы. Всех называли

одним словом, многозначным и не очень добрым, — „туристы”.

На Сашку с Катей тоже никто не обратил внимания. И хотя Сашку знали многие, рядом с Катей он выглядел чужим. Ничуть не сожалея о том, прошел он весь торговый ряд без единого „здравствуй”.

В доме у автобусной „ожидаловки” жила Сашкина тетка по матери со своим двенадцатилетним сыном. У нее Сашка всегда останавливался, когда выходил из тайги или туда возвращался.

Родители его жили в Ростовской области, в семье он был не один, кроме него — еще четверо. Со временем родственные связи стали ослабевать. И тогда тетка Лиза сделалась самым родным ему человеком. А она относилась к нему как к старшему сыну, хоть непутевому, зато обожаемому.

Обычно вваливался он в ее дом запросто и в любое время. Нынче приближался к знакомой оградке не без робости. Что ни говори, он опять „отмочил номер”. Как-то посмотрится на все это со стороны?

У калитки остановились.

— Постой, я подготовлю тетку!

Катя осторожно взяла его за рукав.

— Может быть, все-таки не надо? На вокзале переночевали бы и утром уехали...

Сашка поставил чемодан на землю.

— Ну я же тебе все объяснил! Если я обойду тетку, она же смертельно обидится. Она же мне как мать, понимаешь!

— Понимаю! — ласково и грустно вздохнула она. — Только тяжело это... Как-то много всего сразу...

— Я быстро!

Сашка взял один чемодан и решительно двинулся к калитке. У крыльца весело крикнул:

— Плюнешь мне в глаза, если тебе будет здесь плохо!

Уже в сенях Сашке показалось, что в доме что-то не то: вокруг в беспорядке валялись какие-то ящики. Он рванул дверь и вошел без стука. Тетка Лиза стояла у печки. Обернулась, всплеснула руками.

— Ну слава Богу! Ты, чертов сын, почему никогда телеграмму не пошлешь?

Убедившись по ее лицу, что ничего страшного не случилось, Сашка радостно обнял ее.

— Люблю сюрпризы!

— Ага, сюрпризы! Через два дня в пустой дом приехал бы! Был бы тебе сюрприз!

— Чего это? — опешил он.

— Переезжаем, Саша, — сказала тетка со вздохом, в котором выказались все ее сомнения и долгиедумы о переезде. Но радость в голосе побеждала. — Все расскажу. Погоди! Чемодан-то где?

Сашка взял ее за руки.

— Такое дело... не один я...

— Эка невидаль! Первый раз, что ли!

Тетка слишком была поглощена своими делами, чтобы уловить в Сашке перемену.

— Да нет, — с досадой перебил Сашка, — не один я, не один! Понимаешь?

Тетка замерла.

— Ой! Женился?

— Почти...

Ее глаза стали округляться.

— И того лучше! Дай-ка я сяду... Подожди, не соображу! Это что ж? свадьбу играть надо?

— Никакой свадьбы! Завтра утренним автобусом мы — в тайгу... Я тебе объясню потом... Ты только ничему не удивляйся. Судьба моя решается, понимаешь?

Ошеломленные теткины глаза наполнились слезами.

— Успокойся... Она там, у калитки... Неудобно... Идем!

— Щас! — Тетка выдохнула, но пошевелиться не могла. — Без свадьбы в тайгу тащить хочешь...

Она не спрашивала, она — горько констатировала.

— Потом, потом! — торопил Сашка. — Не так все просто! Ну пойдем же!

Тетка очнулась. Резво вскочила, осмотрела себя в зеркале и торопливо сполоснула руки.

— Ну пошли! — закричала она Сашке, будто он был виноват, что они замешкались.

Увидев Катю, тетка снова обомлела. И Сашка понял это, взглянув на Катю ее глазами: городская, расфранченная красотка! На мгновенье и ему показалось, что женщина за калиткой не может иметь к нему отношения. Первоначальные намерения тетки обнять невесту племянника, расцеловать и ввести в дом вдруг отпали. Растерянная и неуверенная, она подходила к Кате медленно, не зная, как себя вести и что говорить.

— Здравствуйте, тетя Лиза! — сказала Катя так просто и хорошо, что Сашка возликовал, кинулся вперед открывать калитку, схватил чемодан и унесся в дом. Тетка и Катя остались наедине. Когда Сашка снова выскочил, он увидел подходившую к крыльцу Катю, тетка молча плелась за ней. Бурей мимики и жестов Сашка за Катиной спиной выразил тетке свое недоумение по поводу ее странного поведения. Но та только бесшумно ахала, извинялась и клялась, что сейчас возьмет себя в руки.

— Катюша, вы уж простите, что беспорядок такой, переезжать собирались, не ждали гостей! А все ты, оболтус, со своими сюрпризами! Нет чтобы по-

человечески телеграмму дать! Так, мол, и так!

И тетка влепила Сашке затрещину. Сашка тут же молча, пока Катя смотрела в сторону, объяснил ей, что она переборщила, он как-никак мужчина и обращаться с ним следует уважительней...

Тетка Лиза, за исключением последних трех лет, всю свою жизнь, а ей было сорок пять, проработала председателем сельсовета. Научилась людей чувствовать и подстраиваться под них мгновенно. Тут же заговорила она с Сашкой, как с кормильцем, хотя таковым он вовсе не был, подкидывал лишь иногда...

— Колька-то мой плохо учиться стал. От рук отбивается. Вся надежда на тебя!

Исправив свою ошибку и подмигнув Сашке, она окружила Катю хлопотами. Как вихрь пронеслась по комнатам, и тут же следа не осталось от сборов — переезда будто и не намечалось.

Когда сели за стол, Сашка, деловито нахмурив брови, сообщил распорядок дня.

— Я иду по магазинам закупать что надо, ты подготовишь ее к выходу, — ну, в смысле одежды и прочее. Потом я займусь Колькой. Спать ложимся рано, вставать — в полшестого.

Тетка лукаво наблюдала за Сашкой, искоса рассматривая на Катю. Та слушала серьезно.

— Ну! Раскомандовался! — вдруг не выдержала тетка навязанного ей тона, — все не так будет. И не пузырись! По магазинам пойду сама, не впервой в тайгу тебя собираю. Не один идешь! А может, ей чего особого надо, а ты знаешь об том?

Сашка присмирел. А ведь и верно! Может, Кате чего особенного надо... А вдруг она тушенку не сможет есть? Чем ее кормить тогда? Но Сережка с Таней живут — и ничего! Правда, они там одни, а с ним — еще трое парней... Для Сашки они хороши, а

для нее? Взять хотя бы мат. Что с ней будет, если услышит, как Моня заворачивает? Да и самому бы не сорваться...

Тетка Лиза уже который раз извинялась за скучность обеда. Но Катя ела хорошо, и это радовало и тетку и племянника.

В комнату ворвался белобрысый мальчик и радостно повис на шее у Сашки.

— Дядя Саша! А мы на Байкал уезжаем!

За всей суматохой Сашка не спросил тетку, куда они переезжают, и теперь удивленно взглянул на нее.

— Да, Саша, возвращаемся на свои места! Потом расскажу!

— Дядя Саша, вы приедете к нам? Рыбачить будем!

Вдруг Коля заметил Катю.

— Это... тетя Катя. Она завтра с Сашей в тайгу пойдет, — сказала мать.

— Здрасте...

Растерянность на его лице сменилась любопытством, затем подозрительностью, которая вот-вот готова была обернуться враждебностью. Но радость встречи победила ее.

— А вы откуда? Из Москвы?

Вопрос был задан для приличия. Теперь можно было полностью переключиться на Сашку.

— Из Москвы. А как ты догадался?

Но Катя не удостоилась ответа. Коля уже перебил Сашку, шептывая ему что-то на ухо.

Катя любовалась большеглазым курносым Колькой и впервые за эти суматошные сутки, так резко изменившие ее судьбу, обретала душевный покой. Он приглушил в ней парализующие чувства — страха, неуверенности, сомнений и отразился на лице и в глазах. Тетка Лиза реагировала на него по-своему.

— Да вы же спать хотите! — воскликнула она так громко, что Катя вздрогнула. — Я вам сейчас приготовлю постель и спите до вечера! Вечерком сберемся, посидим, а потом еще поспите перед дорогой...

Катя запротестовала было, Сашка подмигнул, чтобы не сопротивлялась. И она поняла, что им хочется поговорить наедине. От того, что говорить будут — ясно! — о ней, на душе стало холодновато и неприятно, но она постаралась не показать этого и ушла в спальню, поблагодарив за внимание и заботу.

От Кольки избавиться было трудней, но и его спровадили наконец на улицу.

Сашка разговора побаивался. Сидел чересчур свободно и независимо. Тетка вся подалась к нему через стол.

- Что, Шурка, совсем рехнулся?
- Чего? — оборонительно пробурчал он.
- Кого в тайгу тащишь, подумал?

Сашка насупился, замолчал хмуро.

— Ой! Ненормальный! Да разве она для такой жизни?

Сашка стал темнее тучи.

- От мужа взял?
- Почему?
- След на пальчике от колечка свеженький. Ну, чего молчишь, дурень?

— Ты послушай, что я тебе скажу, тетя Лиза!

И по мере того, как начал говорить, хмурость стала уходить с лица, а в глазах появлялось то недоумение, то удивление и наконец мальчишеская радость.

— Есть у нас такое место на Гологоре... Когда поднимаешься на Мерзляковую гриду, справа скала большая. На скалу это залезаешь, и с нее всю тайгу

видно, по десять грив на каждую сторону. И так здорово это, что сидел бы весь день и смотрел по сторонам... Пока в одну сторону насмотрись, другую потом снова будто впервые видишь. Я, когда по делу иду, другую тропу выбираю, чтоб соблазна не было...

— Ну и что? — спросила тетка с подозрением: Сашка уходил от разговора.

— А вот и то... Сколько на Катю ни смотрю, все мало. В глаза смотрю — будто головой ныряю куда-то, жутко даже становится, и не смотреть не могу! Чудо какое-то, а?!

— Чудо! — хмыкнула тетка. — Втюрился, только и всего!

Сашка обиделся.

— Все втюриваются, а про такое не слыхал! Я ведь не чего-нибудь там... От лица ее пьяным становлюсь, понимаешь! Чего я, — красивых не видал? Посмотришь, облизнешься, и ничего. А тут будто прирастаю. Не оторвешь! Все у меня в жизни не по нормальному получается...

Тетка улыбнулась, поджала губы и покачала головой.

— Ничего ненормального. Как раз и есть самое нормальное!

— Скажи по-честному, сильно она красивая?

— Красивая? — Тетка замялась. — Тебе-то что? Раз для тебя красивая, значит так и есть!

Сашка растерялся.

— Я не для меня, вообще...

— Она — симпатичная... Ладно, уж! — спохватилась тетка. — Красивая! Слишком даже — для твоих „бичей” да собак. Будете там в белый свет палить, вместо зверя, на нее глядючи! Ты лучше вот скажи: неразведенная она?

— Неразведенная.

— Ну, а дальше как?

— Не знаю, тетя! — Сашка отмахнулся. — Вперед загадывать не могу. Потом буду думать! А сейчас хочу, чтоб она со мной была!

— И вправду, — вздохнула тетка, — все у тебя не как у людей!

— А у тебя? — Сашка буркнул и испугался: не обидел ли? Но тетка Лиза спокойно и печально согласилась.

— И у меня. — И вдруг взволновалась. — Ладно, коли уж обо мне речь... Тоже имею, что сообщить...

— Тетка помялась.

— Я, может, замуж выйду... Смешно, а?

Сашка обрадовался.

— Нефедов?

Тетка кивнула, глядя вопросительно и виновато. Сашка через стол схватил ее за плечи и расцеловал.

Они так болтались о теткиных делах, что в магазин решили отправиться вместе.

Кате спать не хотелось. Она слышала голоса на кухне, даже пыталась вслушиваться, но говорили тихо, а долетавшие отдельные слова раздражали... Потом она услыхала, что оба уходят. Лежала и старалась ни о чем не думать. Да и перестаралась — заснула.

Когда проснулась, на улице были сумерки, а в кухне слышались голоса всех трех, звонче всех — Колькин.

Катя вышла. Сашка радостно улыбнулся, Колька замолчал, как подавился. Тетка Лиза встретила ее просто и радушно.

— Отдохнула? Сейчас поешь. Мы уже.

Есть не хотелось.

— Ну, тогда давай укладываться все вместе. Сашка, тащи чемодан.

Когда Сашка открыл свой чемодан и вынул лежащие сверху вещи — рубашку, бритву, трусы, — Катя ахнула: на дне чемодана во всю длину бок о бок лежали бутылки. Вытаскивая по одной, он комментировал:

— Шампанское — для Сереги с Таней. Петровская — Селиванову. Пара армянского коньяку — у Мони послезавтра день рождения. Сухое марочное — Фильке, он пижон у нас.

На стульях лежали два рюкзака, тетка приказала Сашке упаковать свой, а вторым они занялись вместе с Катей.

Вид собранных рюкзаков внушил Кате ужас, — так тяжелы они были. Но Сашка объяснил, что нести их придется немного: до автобуса и потом до трактора, всего — метров пятьсот. Пойдут же они налегке, лишь захватят продуктов на дорожный перекус да подарки для Сергея и Селиванова. Трактор отправится на базу дорогой, а они — напрямую, тропой, сокращая почти шесть километров. Кроме рюкзаков, вещей набралось еще на полный чемодан. Но Сашка был доволен — ожидал, что будет больше. Потом Катя примеривала резиновые сапоги, в которых должна была идти завтра. Потом подгонялись рюкзаки: регулировали ремни, перепаковывали, чтобы удобнее нести было. Когда суета кончилась, сели за стол.

— Я вам постелю на большой кровати, — сказала тетка Лиза. — Сама лягу на Колькину, а тебя, Колька, на сундуке устрою.

Катя опустила глаза. Сашка заерзal на стуле, подмигнул тетке и вышел с ней в спальню.

— Отдельно нам постели, — сказал он, глядя в сторону.

— Понятно... — озадаченно пробормотала тетка и забегала глазами по комнате.

Когда мужчины были уже в постели, тетка, задержав Катю, обняла ее крепко и сказала:

— Сашка — очень хороший парень!

— Я знаю, — ответила Катя.

— Ну откуда тебе знать-то! Человек годами раскрывается! А Сашка такой, что чем больше будешь знать его, тем больше хорошего открываться в нем будет! Мягкий он, но будь осторожна, не перегни!

Катя слушала внимательно.

— Еще что скажу. Будет он тебе арапа заправлять, что, дескать, таежник он кондовый, что это призвание его, ну и все такое... Не верь!

— Как?!

— Получилось, что в таежном деле он себя впервые человеком почувствовал. Быстро освоил, что надо. Способный он. Знаю точно, — потянет его учиться. Годы-то идут! Но пусть все сам... Ты — другое дело. Поищи, к чему интерес у него. По той же таежной части пойти можно... В общем, не знаю, дочка, чего хочешь ты в жизни... балованная ведь ты... Не спорь!

— Да я не спорю, — согласилась Катя.

— Не знаю, чего хочешь, — повторила тетка Лиза, — а только с племянником моим ой какой счастливой быть можно!

Вечером Колька слезно умолял, чтобы утром его взяли проводить Сашку с Катей. Но в половине шестого он так непробудно спал, что тормошить его не стали.

Пока ждали автобус, тетка давала Кате хозяйские да женские советы. Сашка стоял, привалившись рюкзаком к опорному столбу „ожидаловки“ и поеживался от прохлады. Уже и снег выпадал,

да за полдень стаял. Обычное для Сибири дело...

Небо было чистым, день будет теплым. Попрощадней даже лучше — идти будет легче. А подъем такой ожидается, что жарко все равно станет.

Когда автобус появился из-за поворота, наспех прощались и целовались. В нем оказались свободные места, и все приняли это как доброе предзнаменование. Автобус фыркнул дымом, качнулся и начал отваливать от „ожидаловки“, где тетка Лиза долго махала им вслед.

Проскочили открытый переезд, и лес начался сразу, с обеих сторон, но пока еще мало отличался от всех тех лесов, в каких Кате приходилось бывать. Ольха да береза. Черемушник местами, рябина. Осеннее разноцветье было здесь совсем такое же, как под Москвой, и не верилось, что это — обочина знаменитой сибирской тайги и что сама тайга где-то рядом. Катя представляла себе тайгу по картине Шишкина: обязательно поваленные громадные деревья, бурелом непроходимый, темень под кронами, громадные змеи под ногами, медведи за колодинами и тишина — жуткая и тревожная. Впрочем, допускала, что может быть совсем и не так, раз там живут люди.

Сначала тракт шел широкой долиной, которую вполне можно было поначалу принять и за равнину. Но затем быстро, прямо на глазах, долина с обеих сторон стала обрасти горами, сужаться сначала до километра, потом все теснее и теснее, и вот превратилась в ущелье, где место было всего для автобуса да для мелкой бурливой горной речушки, мчавшейся в обратную сторону по сплошному камнепаду. По берегам, плотно заросшим кустарником и мхами, камней видно не было, и потому казалось, что кто-то с вершин подступивших скал нарочно накидал камни по руслу речки...

Теперь Катя вполне могла оценить особенность горной осени. Движение автобуса создавало впечатление фантастической пляски красок. Волны зеленого, желтого, красного плыли, колыхались, разбегались в стороны. Слишком много было впечатлений, они не успевали фиксироваться и осознаваться. Минут через двадцать Кате захотелось все видимое ограничить подрамником, потому что восторг готов был перейти в подавленность. Возникало ощущение несоразмерности между тем, что она видела, и ее способностью все это воспринять. В отчаянии она оглянулась на Сашку. Он поймал ее взгляд, чуть подтолкнул, кивнул на окно и только сказал: „А?!” И она поняла, что Сашка воспринимает все это совсем по-другому: просто живет и радуется жизни. Ей стало обидно за себя... Она снова взглянула на Сашку — недоверчиво и ревниво. Может, она ошибается, может, он даже не понимает всей красоты этого мира или понимает ее поверхностно? Может, настолько привык к ней, что не замечает ее? Но такое хорошее было у него лицо, когда он смотрел в окно, что она затуманилась от зависти.

Внезапно, в один рывок автобуса, широко распахнулось ущелье, и горы, кособочась, торопливо разбежались в стороны. Автобус вырвался в долину, охмуренную желтизной сплошного березняка. В отличие от ущелья, здесь уже и на земле было изрядно листьев. Ветер гонял их по асфальту и присыпал пылью на обочинах. Здесь была уже та осень, которая навевает куда больше грусти, чем восторга: пышные цвета и оттенки ее видятся лишь как траур по лету, как похоронный красочный обряд. И люди начинают задумываться о смерти, и даже самый неисправимый оптимист нет-нет да и вздохнет украдкой.

Автобус остановился, хотя поблизости не было

никакого жилья. Сашка объяснил: воду в радиатор доливать надо, сейчас подъем начнется. Гологор, — объяснял он, — это как бы плато, хотя там километра ровного нет, пади да грибы, но самая низкая точка все равно — на девятьсот метров над уровнем моря. Автобус поднимется и пойдет вправо, в обход, а им тут и сходить. И дальше идти пешком.

На глаз подъем показался незначительным. Но уже через полкилометра автобус не катился, а полз, водитель комбинировал скоростями, выигрывал малейший накат, последние же двести метров преодолел с дымом и скрежетом первой передачи. Не только пассажиры, но, кажется, и сам автобус облегченно вздохнул, когда наконец подъем кончился. Сразу по обе стороны тракта выросли дома, мелькнули магазин, почта, клуб, какое-то учреждение с доской почета; и вот, обрастая уже пылевой завесой, автобус затормозил около „ожидаловки“. Кроме Сашки и Кати никто не сошел. На прощанье Сашка сделал шоферу ручкой, тот кивнул в ответ. И не успела закрыться за ними дверца, как автобус уже отвалил от остановки.

На другой стороне тракта какой-то парень пытался остановить проходящую машину. „Из тайги, на верное“, — подумала Катя, увидев за его спиной такой же объемистый рюкзак, как у Сашки. А Сашка вдруг радостно и удивленно вскрикнул:

— Серега! Катя, это Серега! Я тебе рассказывал!  
— Оставив чемодан, он бросился через дорогу.

— Серега, привет!

Тот приветливо подал руку, но приветливость, видимо, была не та, что Сашка ожидал.

— А я вам шампанское везу! — растерянно сказал он. — А где Таня?

Сергей нахмурился. Они отошли на обочину.

— Случилось чего? — тревожно спросил Сашка.

— Случилось, — подтвердил тот, избегая Сашкиного взгляда. — Ухожу я... то есть уже ушел... совсем!

Сашка не поверил ушам своим, но ничего не спросил.

— Татьяна не выдержала, — сказал Сергей и полез в карман за сигаретами. Протянул Сашке.

— Как не выдержала? — спросил наконец Сашка.

— Два года жила, все было хорошо, и вдруг...

— Не вдруг, Саша! Всего не объяснишь! — Он мучительно подыскивал слова.

— Два года, сам понимаешь, это, собственно, два сезона. Ну, первый прошел комом... Был интерес освоить... вжиться в роль... А дальше? Уже повторение... однообразие... Но это только одна из причин.

— Где она?

Сергей подтянул лямки рюкзака, голоснул проходящей машине, но опоздал.

— Уехала. Выражаясь иначе, ушла от меня. Женщины не любят неудачников, а я, кажется, попал в эту унылую категорию. — Сергей усмехнулся. — Женщины в этом смысле часто бывают правы. У них чутье, как у крыс на тонущем корабле...

Только сейчас он заметил Катю на другой стороне дороги. И по взгляду ее догадался, что она идет с Сашкой.

— Ты, как понимаю, собираешься повторить мою ошибку?

— Нет! У меня так не будет! — почти зло сказал Сашка.

— Не обижайся. — Сергей тронул его за плечо.

— У меня там в зимовые баражло осталось. Посмотри. Гильзы совсем новые. Камусы добрые, капканы... Зайди, а то Селиванов подберет.

— А у нас — все в порядке?

— Филька приходил. Ничего не рассказывал, значит, в порядке. Извини...

Он выскочил вперед, останавливая машину. Шофер затормозил.

— Прощай, Сашка! Наверно, не увидимся больше...

Они торопливо обнялись, и Сергей, стягивая с плеч рюкзак, полез в кабину газика.

Был человек и нету! И в руках — только раскрошенная сигарета. Сашка разжал ладонь и с остерьвением стряхнул ее. Трудно было перейти через дорогу, трудно было посмотреть Кате в глаза.

А у нее уже расположился по лицу страх. И если Сашка не сдвинется сейчас с места, она перебежит через дорогу к нему.

Когда он подошел к ней, он уже твердо знал, что ничего от нее не скроет. В конце концов, ничего страшного не произошло. Подумаешь, жена ушла от мужа! Такое везде бывает — не только в тайге! Тайга здесь ни при чем!..

— Случилось что-то, да? Только не обманывай!

Он помог надеть ей рюкзак, в левую руку взял чемодан, правой — Катю под локоть.

— Ничего ужасного не случилось. Пойдем, дорогой расскажу!

Они свернули в сторону от тракта, вышли на дорогу, что вела вдоль домов деревни в тот ее конец, откуда был виден трактор, прицепной кузовок и люди, копошащиеся возле них.

— Таня с Сергеем ушли из тайги, — сказал Сашка, начиная все-таки с полуправды. Катя почувствовала ее, и молчание ее было красноречивее вопросов, которых он ждал.

— Таня не выдержала и ушла от Сережи.

— Чего не выдержала?

Сашка остановился и почти бросил чемодан на землю.

— И я не понимаю — чего! Не понимаю! Я видел, как они жили! Она всему научилась и никогда не жаловалась! Они так хорошо относились друг к другу!

— Значит, ты чего-то не знал. Ты ведь только в гостях у них бывал? — Она грустно улыбнулась. — А при гостях принято держать марку.

Сашка схватил чемодан и так рванулся с места, что Катя еле догнала его.

— Ты не огорчайся! Чужая беда всегда непонятна!

Сашка опешил. Она его успокаивает. А он ломал голову над тем, как бы не подсечь ее этим известием! И тут ему впервые открылось: во многих вопросах, видимо, она опытнее и мудрее его; открытие это не только не огорчило, но даже успокоило — будто снял кто-то с его плеч часть тяжелой ноши.

Они подошли к трактору. Навстречу двинулся парень в грязном комбинезоне, с перепачканными руками и лицом. От него несло водкой.

Парень протянул Сашке грязную руку, которую тот пожал охотно и даже радостно. Но тут же, взглянув на ладонь, Сашка вытер ее об единственное, пожалуй, чистое место на комбинезоне своего знакомого. А тот вопросительно глядел на Катю.

— Жена моя! — не без торжественности представил ее Сашка и тут же хлопнул по мазутной руке, протянувшейся к Кате. Она растерялась было, не поняв, что таков стиль их взаимоотношений, и назвала свое имя.

— Оболенский! — прозвучало в ответ.

Катя улыбнулась его шутке.

— Как машина? — спросил Сашка.

— В ажуре! — ответил мазутный князь, продолжая во все глаза рассматривать Катю.

— В гости?

— Жить! — отрубил Сашка и повел его к трактору. Катя успела заметить, что на правой руке „Оболенского” большой палец наполовину срезан, что зубов у него — меньше половины и что под левым глазом, даже сквозь грязь, проглядывает след от недавнего синяка. „Если там все такие...” — подумала она, и чуть кольнуло сердце.

Трое мужиков перетаскивали в прицеп ящики и мешки. На Катю внимания не обращали. Вернулся Сашка.

— Порядок! Сейчас переложим, что надо взять с собой, и двинем. Они тронутся только через час, не раньше.

— Кто он? — спросила Катя, кивнув на „Оболенского”, который важно разгуливал около трактора.

— Оболенский-то? Тракторист. Он и поедет.

Катя ахнула.

— Он же пьян!

— Пьян! — захохотал Сашка. — Да он еще не начинал пить. Вчерашним дышит.

— Как же он трактор поведет?

— Как в цирке! Три года его знаю, ни разу трезвым не видел! А фамилия-то какая!

— А я думала, он щутит! — И Катя тоже рассмеялась.

— Когда-нибудь он сломает себе шею! — сказал Сашка. — Но это еще не скоро! А палец на руке ви-дела? Я тебе потом расскажу...

Было уже девять, когда они тронулись в путь. Хотя и потеплело, Сашка не разрешил Кате снять куртку, объяснив, что идти придется речкой, где

всегда прохладно до полудня. Речка называлась Ледянкой, и увидели они ее сразу, как только потеряли из виду дома деревни.

— Повезло! — сказал Сашка, стоя на каменистом берегу. — Дождей давно не было. Брод пройдем легко. А после дождей, что здесь творится! С ног, как бревном, сшибает...

Пытаясь представить себе картину, нарисованную Сашкой, Катя со страхом думала о том, как придется им брести по валунам через ревущие потоки. Но не только валуны, даже мельчайшие камешки видны были на дне там, где не было пены. Вперед речка просматривалась метров на пятьдесят, а затем начинался очередной поворот. Но и на этих пятидесяти было несколько уступов-порогов, по которым вода скакала, сшибаясь в протоках и разветвляясь среди камней на десятки русел, одно стремительнее другого. В некоторых местах, около больших валунов, поток ходил кругами, набивая на камни желтую пену, которая нарастала и взбухала, как дрожжевое тесто, а затем уносилась вдруг прочь, разбиваясь в пузыри о встречные преграды. Ширина речки была не более тридцати метров. Кое-где дна не было видно. Такие места выглядели зловеще.

— А как же трактор? — спросила она.

— Ниже есть место, Плита называется. На дне — скала. Там широко и мелко. Но большой круг делать надо. Пока трактор туда доползет, мы уже на грифе будем.

Дав Кате вдоволь насладиться на речку, Сашка предупредил:

— Когда пойдем, смотри под ноги. По всей тропе — камни да корни. Близко за мной не иди — веткой по лицу хлестнет. Устанешь — скажи...

Идти было легко. Стало совсем тепло, хотя лицом прохлада речки все время ощущалась. Местность вокруг быстро дичала. По берегу громоздились завалы до блеска отмытых водой погибших деревьев; намывы сучьев, травы, песка то и дело возвышались поперек тропы, но сама тропа мудро плутала среди всего этого хаоса, нигде не теряясь и не уходя далеко от берега.

Идти было бы совсем легко, если бы не резиновые сапоги, которые Катя надела первый раз в жизни. Они тяжелили походку, крали проворство ног и привычное ощущение устойчивости. Но Сашка оказался прав: никакая другая обувь здесь не подошла бы.

А он шел, будто земли не касался. Иногда вырывался вперед, но спохватывался и, виновато оглядываясь, поджидал Катю. В такие мгновения она успевала поймать выражение озабоченности на его лице и понимала: он думает о Сереже и Тане и боится за нее.

Самой же ей казалось, что она все откладывает на неопределенный срок важное решение. Его уже давно следовало принять, но отчасти по лености, отчасти от обилия впечатлений она никак не могла сосредоточиться на нужной мысли. Когда же она концентрировалась на ней, то искренне удивлялась: разве не решила она самого главного? Разве имеет-ся у нее какой-либо выбор? Но маята и беспокойство не оставляли ее. И тогда она начинала догадываться: она сомневается в своих силах и чувствах, подозревает себя в легкомыслии, боится будущего. И что никаких решений вообще не было, был лишь необдуманный бросок в неизвестное. Тут-то ее от размышлений непременно что-то отвлекало. Вот, например, сейчас: усиливается шум воды, уже не шум, а рев! Вот-вот ее глазам откроется очередной

порог, или даже водопад, и она остановится очарованная и потрясенная.

Усталость Катя почувствовала почти в тот миг, как Сашка громко возвестил: „Пришли!” Однако это означало лишь, что они дошли до брода. После переправы, по плану, был „перекус с дремотой”, то есть хороший отдых.

Тропа из-под ног, изогнувшись, сползла в воду и там, в камнях, даже намеком не угадывалась. Речка здесь была шире обычного, а течение не казалось тише; пенистых водоворотов, правда, почти не было. Глубину же определить на глаз было невозможно.

Сашка стоял спиной к Кате и улыбался. Он вспоминал, как всего лишь двое суток назад мечтал перенести ее через эту речку. Какой глупой и несбыточной казалась ему эта мечта! Сейчас он не понес бы ее на руках — это было бы слишком рискованно. Нести значит не видеть дороги. А здесь не тот шаг влево — сломаешь ногу в камнях, вправо — собыет потоком. И хотя нести на спине — не ахти как романтично, придется сделать так.

Обычно он снимал брюки, на босу ногу надевал сапоги, чтобы не поранить ноги о камни, и переходил. Но предстать перед Катей в длинных безобразных трусах он не решился. Потому снял только носки, чтобы зря не сушить.

Когда Катины руки обвились вокруг его шеи, он никак не мог поверить, что она только держится за него, — так мягко и осторожно было это вынужденное объятие. Он подхватил ее под коленки и шагнул в воду. Вода не показалась холодной, течение не ощущалось вовсе, сапоги не скользили по камням и брызги не слепили глаз. Он шел как по воздуху, голова у него кружилась оттого, что дыхание ее было на его щеке, а грудь касалась спины.

Хотелось свернуть и идти по течению долго и далеко! Но когда он дошел до середины, река вернула его к реальности. Он был уже мокр по пояс, и рюкзак, приспособленный им на груди, стал касаться воды. Он шел осторожнее, чтобы не создавать волны, тщательно выщупывая каждый шаг.

Когда вышли на берег, оказалось, что Катя тоже почти по пояс мокрая. Сашка был горд своей предусмотрительностью — захватил запасную одежду. Они разошлись по разным кустам.

У Сашкиных колен уже задымился костер, когда показалась Катя. Как она была хороша! Сзади схваченные ленточкой волосы ее падали на плечи, а солнце за ее спиной подсвечивало их золотом. Она, чуть наклоняясь, пробиралась меж камнями и кустарником.

Лишь самую малость смущилась она, встретив кровенную влюбленность в Сашкином взгляде. Она почти позабыла, как приятно нравиться, и сейчас заново испытывала радость этого чувства. Но вот в его глазах мелькнули напряженность и тревога. И чутье подсказало ей, что следует упростить ситуацию.

— Есть хочу, как волк! — весело сказала она. Сашка очнулся и засуетился.

Вода в котелке закипела. Сашка заварил чай, дал ему выстояться, разлил по кружкам. Катя резала хлеб и вареное мясо, не переставая говорить о всяких пустяках. Позавтракав, уложили оставшееся в рюкзак и залили костер.

По первоначальному плану они должны были ночевать у Сергея с Таней. Теперь же надо было идти лишних семь километров до селивановского зимовья. Отдых сокращался. На базу должны попасть завтра к десяти. Ночевать у Селиванова не было за-

манчиво, но Сергеева зимовья Сашка теперь боялся как дурной приметы.

— Ты про Оболенского хотел рассказать! — напомнила она.

Сашка засмеялся.

— Да вот было так, что Селиванов раздобыл пятизарядную малокалиберку. Как-то пришел он к нам на базу, а тут Оболенский трактор за дровами пригнал. Увидел мелкашку у деда и попросил посмотреть. Селиванов посмотреть-то дал, но решил подстражоваться, — ружья-то мы достаем незаконными путями, — чтобы Оболенский где-нибудь чего лишнего не ляпнул. „Дерьмо, — говорит, — а не ружье, плюется, а не стреляет, выброшу! Какая сила, говорит, может быть у такой игрушки — палец заткнешь, пуля не вылетит!” Оболенский взял да и оттянул затвор и палец подставил. Бац! И полпальца как не было!

Сашка снова засмеялся. Катя улыбнулась. Ей не хотелось обидеть его той мыслью, которую он мог прочитать в ее глазах. „Что ж смешного, — думала она, — парень покалечился, руку изуродовал. И смешно?” Этот мир, в который она бросилась сгоряча, наверное, жестокий и грубый... Как она вживется в него? И не откроется ли в Сашке что-нибудь такое, о чем она и не подозревает? В Витеньку она была влюблена, как школьница. Отношение к Сашке было еще неясное. Да и как долго она его знала? Но уже случались мгновения, когда казалось ей, что вот-вот откроется ей совсем новое чувство, которого она никогда не знала. Интуиция подсказывала ей, что чувство это будет сопровождаться спокойной, неиссякающей радостью, что откроет оно в ее душе нечто очень хорошее, что скрыто пока даже от ее собственных глаз и без которого ни настоящей женщиной, ни настоящим человеком она не станет.

От Сашки не укрылось ее состояние. Он взглянул на нее так, что Катя вынуждена была вернуться к теме, которая вызвала в ней все эти мысли.

— Ему ведь больно было... А вы смеялись...

— Ну конечно! — сказал Сашка удивленно. — Когда это случилось, у него кровь хлестнула... чего ж тут смеяться? Это потом, после как анекдот стало... А вот у меня — смотри!

Он расстегнул рукав, задрал его выше локтя, и она увидела след тяжелого ранения, белой полосой уходящий к плечу.

— Наш начальник пришел с фотоаппаратом. Стали искать место покрасивее. Недалеко от базы молния в кедр ударила, от макушки до корня винтом прошла по коре. Кедр треснул, но не упал. По трещине смола выступила, как золотом расплавленным... Красиво! Ну, я подошел, стал и облокотился. Позу принял. Локоть попал в трещину, а она возьми да сожмись! Искры из глаз! Все бегают вокруг, придумывать ничего не могут, а мне — не пошевелиться... Топорами разжали. Кожу сняло начисто. А потом — тоже как анекдот... рассказывают, будто я уже не локтем застрял, а совсем другим местом... я и сам смеюсь...

Начался подъем. Катя была уверена, что запомнит его на всю жизнь. Четыре часа, шаг за шагом, как по каменистой лестнице — выше, выше, выше... И казалось, что вот-вот эта ужасная гора или, как называл Сашка, грива, кончится, — еще несколько шагов. А перед глазами — новый подъем, и конца ему из-за деревьев не видать... Поднимались по узкому распадку, по руслу ручья, который был сразу и ручьем и тропой. Мокрые, скользкие, шатающиеся под ногой камни да хрустальная водица, которую Сашка строго-настрого запретил пить. Он утвер-

ждал, что если попьешь, силы уйдут в ручей, и тогда не дойти. А пить хотелось до ожога на губах, до спазм в горле. Она украдкой успевала иной раз нагнуться и зачерпнуть ладонью из крохотного водопадика, но от этой малости жажды превращалась в муку еще большую. Короткие передышки не восстанавливали сил. Она не знала, что длительные остановки при подъеме куда хуже — выбивают из ритма и расслабляют. Сейчас же, с каждым километром, нарастала в ней детская обида на Сашку, когда хочется от бессилия зареветь.

Наконец подъем кончился, и Сашка позволил упасть ей на землю. Она плюхнулась лицом вниз, не взглянув на него и не сказала ни слова. И к лучшему. Потому что едва ли нашла бы она объяснение кричащей радости на его лице. А Сашке было от чего торжествовать: поднимались они всего на сорок минут дольше, чем положено ему — матерому ходоку. Катя отлично выдержала экзамен, а то, что сейчас лежала без движения, это — ерунда! Он знал, что через полчаса она легко и свободно пойдет дальше, потому что режим подъема выполнен.

Сашка достал кружку из рюкзака, зачерпнул воды и подсел к ней.

— Пей! Теперь можно.

Ей очень хотелось, чтобы он заметил ее сердитое лицо, чтобы встревожился...

Но было не до фокусов. Кружку выпила одним залпом и тут же умоляюще без слов попросила еще. Он подал ей новую порцию воды. Третью кружку она чуть пригубила. Потом на нее напала приятная истома, и чудесным образом силы стали к ней возвращаться.

Сашка подложил ей под голову рюкзак, и она, свободно раскинув руки, легла на спину, сквозь ресницы наблюдая за Сашкой. Но тот и не догады-

вался. Во все глаза глядел он на Катю, впервые не пряча своих чувств.

Она вдруг заметила уже знакомое ей выражение тревоги на Сашкином лице. И снова собралась словом или жестом ослабить это напряжение, но неожиданно, с удивлением, страхом и стыдом ощутила, что и ей передается его тревога. Она закрыла глаза и всем своим существом, парализованная внезапным желанием, ждала его прикосновения. Кате почудился шорох, и она почувствовала приближение Сашкиных рук. Всем телом подалась им навстречу и открыла глаза...

Сашка лежал в стороне, обхватив руками голову и уткнувшись лицом в траву.

В Кате не возникло ни обиды, ни стыда, — только мысль, что когда их сближение случится, ей будет досадно, что оно не произошло именно сейчас. И никогда Сашка не узнает об этом.

Промелькнуло равнодушное воспоминание о Витеньке, с ним пришло чувство жалости к нему и вины. Но тут же она подумала: „Ничего, — переживет. Он слишком любит себя, чтобы страдать!” Потом представилось лицо матери в то мгновение, когда она получит ее письмо. „Нет, ты послушай, Володя, что она вытворила!” — скажет мать и сунет письмо отцу. Тот напялит очки и, прочитав, прорычает: „В самом деле! Надо же!” Но тут зазвонит телефон, и отец начнет с кем-то препираться и, бросив трубку, долго будет возмущаться вслух, грозясь с кем-то разделаться, кого-то вывести на чистую воду. В волнении сядет он в кресло на ее письмо, которое мать начнет искать, приговаривая: „Мистика какая-то! Я же его только что в руках держала!” А отец скажет: „Пошли ей денег!” И тогда снова зазвонит телефон...

Телефон! Это, пожалуй, единственное в жизни,

что Катя ненавидела люто и бескомпромиссно. На шестнадцатом году своей жизни она разбила четвертый по счету аппарат и только тогда вызывала подозрения у родителей.

На вершине гривы снова отчетливо проступила тропа. Сворачивая влево, она шла теперь вдоль гривы, по самому ее хребту. После подъема это было просто прогулкой. Маленькие подъемы чередовались с такими же короткими спусками. Здесь начинался настоящий кедровник. Деревья делались все выше, солнце, увязая полуденной осенней теплотой в иглистых кронах кедров, не нарушало внизу лесной прохлады и, прорываясь к земле на полянах и вырубках, принималось как приятный и неутомительный сюрприз.

Первую белку, что стрекоча взметнулась по стволу кедра, Катя встретила радостным воплем. Когда из-под ног Сашки взлетела копытуха, она испуганно вскрикнула и даже присела. Бурундуков по свисту узнавать научилась быстро, и Сашке не нужно было махать руками, чтоб она успевала поймать взглядом ускользающую желтую с полосками спину проворного зверька. Стая рябчиков снова было напугала ее, но один сел совсем рядом на поваленную березу и притворился сучком. И Катя смогла рассмотреть его, как в зоопарке.

Сашка только и делал, что кричал: „Смотри!”, и каждый раз это было нечто новое и интересное; а за каждым поворотом, в каждом захламленном уголке леса Катя ожидала встретить знакомую картину — медведей в буреломе, и не пугалась заранее — радостное спокойствие и уверенность Сашки передавались ей и она словно постигала науку управления чудным и загадочным миром тайги.

По гриве шли долго. Солнце незаметно перекоче-

вало на правую сторону и как бы напоминало о том, что наступила вторая половина дня.

Зимовье открылось внезапно. Это была маленькая бревенчатая избушка с односкатной крышей, покрытой рубероидом, с железной трубой и маленькими оконцами. Рядом виднелся навес с поленницей дров, возле валялся разный хозяйственный инвентарь. Катя, не успев ни о чем подумать, поняла, что зимовье пусто.

— Здесь Серега с Таней жили! — сказал Сашка мрачно.

Он открыл дверь и вошел, пригнувшись. Катя — за ним. Жилье еще хранило все признаки обитания, но тот особый беспорядок, что был снаружи и здесь, внутри, говорил о том, что люди отсюда не ушли, а убежали без возврата.

Два маленьких оконца еле пропускали свет. Он не только не разгонял сумрака, но даже усиливал и без того нерадостное впечатление. Слева, вдоль стены, возвышались деревянные широкие нары. Пол был дощатый, неструганый. У окна стоял столик, вколоченный в пол, и чурки вместо стульев, в углу — железная печка; возле нее — в несколько рядов — полочки с нехитрым набором посуды. Баночки и коробочки, весь этот свал барахла показывал, что жили здесь долго и приспособились к жизни вполне. И вдруг грянула беда! Но это „вдруг“ касалось лишь вещей. Люди, вероятно, задолго предчувствовали подступающее к ним несчастье, сохраняли лишь видимость обыденности и благополучия. Вещи были обмануты людьми. Да что веши! Сашка и сейчас еще не мог понять причин, заставивших двух хороших людей исковеркать жизнь друг другу.

С угрюмым лицом начал он методически-деловито просматривать все зимовье, перебирая вещи и

откладывая в сторону нужное. Аккуратно свернул постель и перетянул веревкой, что валялось под нарами. Оттуда же выволок связку капканов и сунул ее в свой рюкзак; гильзы и прочие предметы охотничьего ремесла отправились туда же. Посветив спичкой, вытащил из щели в полу листок бумаги, поднес к свету. Оказалось — письмо. Прочел его дважды и нахмурился. Подошла Катя, он протянул ей.

„... я говорю о твоей трагедии как о чем-то производном от тебя самого. И слово „трагедия” употребляю лишь потому, что мне известны детали. Посторонний назвал бы это фарсом. Кто-то сильно виноват в том, как ты воспринимаешь мир! Надеюсь, что это не Филька, хотя начало твоего „сдвига” совпадает со временем знакомства с этим пустозвоном.

Каждую минуту в мире реализуется справедливость и несправедливость, правда и ложь, истина и заблуждение. Это и есть жизнь! Я не говорю: „Такова жизнь”. Пошлая фраза! Но все, что случается вокруг нас, есть жизнь. Реальность! А все, что не случается, не осуществляется, не реализуется, есть не жизнь, а пожелания, видимость жизни. Надо уметь любить жизнь такой, какая она есть. Жизнь по сути — драка! А в драке надо уметь не только наносить удары, но и получать их! Не знаю, чего тебе не хватает — юмора или реализма. В твоем бунте есть известное этическое качество. Ну а дальше что? У твоей истории нет продолжения.

Красиво пишешь: „Я бью ложь единственно доступным мне оружием — бунтом!” Ты бьешь! А ты уверен, что ложь ощущает твои удары? А итоги? Наука потеряла очевидный талант, а пушная промышленность, судя по твоему финансовому положению, ничего не приобрела.

Ты обвиняешь меня в предательстве! Но разве я клялся тебе в верности? Я поддерживал тебя, пока ты не начал рыть землю копытом. Бунтом жить нельзя, Сергей! В любой ситуации существует оптимальный вариант, и найти его подчас бывает труднее, чем врубиться лбом в стену! Ты выбрал последнее. Я сочувствую твоему лбу, но не следую твоему примеру!

Ты запретил мне говорить о Татьяне, но я скажу о ней, пользуясь тем, что ты все равно прочтешь. Татьяна почувствовала в тебе фантом. В понятие мужчины женщины вкладывают не только качества, присущие от биологии данному полу, но и специфическое отношение к жизни. Это отношение можно назвать творчеством или деятельностью, но главным признаком его являются борцовые качества. Твой бросок в тайгу Татьяна ошибочно приняла за деятельность, за действие, но потом совершенно правильно поняла, что это — уход от действия, отстранение. Ты в ее глазах потерял главный признак мужчины, а твоя киношная мужественность таежника могла очаровать какую-нибудь более примитивную натуру, чем Татьяна.

Если ты, не умеющий плавать, увидишь на середине реки тонущего человека, бросишься ли ты в реку? Нет ведь! Потому что только увеличишь количество утопленников. Ты не помог тем, за кого вступился. Поломал свою жизнь. И может быть, жизнь Татьяны! Еще не поздно, Сергей! Еще можно исправить..."

Катя вернула листок.

— Сволочь! — сказал Сашка и посмотрел на нее, ища поддержки.

— Не знаю, — серьезно ответила Катя.

— Выходит, если кто-то тонет, стой и смотри?! — сказал он вызывающе.

— А если правда не умеешь плавать? — неуверенно спросила Катя. — Я, конечно, не знаю, что там произошло...

— Неважно! — резко ответил Сашка. — Не умеешь плавать, сиди дома и не шляйся по берегу!

Но, чувствуя неубедительность своей реплики, он повторил решительно: „Сволочь!” Листок же сложил аккуратно и сунул в карман. — Фильке покажу. Он, наверное, знает этого типа.

Катя подошла к нему, взяла за руку.

— Она его не любила, понимаешь! Ей сначала показалось, что любит, а потом...

— Но ты же не знаешь, как все было... — хмуро возразил он.

— Этого не нужно знать. И этот... он тоже ничего не понимает... Развел философию... фантомы, примитивные натуры, борцовые качества... Ерунда! Сначала любят, а потом уже думают, за что! Но есть в его словах что-то, против чего трудно возразить...

— Она оглядела зимовье. — Уйдем отсюда! — сказала она.

Сашка разыскал гвозди и заколотил дверь. На крыше закрыл трубу: „Чтоб дождь печку не заливал. Сырость заведется, не избавишься!”

От зимовья тропа поползла вверх. Казалось, куда еще выше. Тайга стала гуще — сплошной кедровник. Чаще попадались завалы, каменные россыпи, в которых тропа теряла свои очертания. Солнце безнадежно запуталось в кедровых лапах и вяло тлело едва ощутимым теплом. В низинках земля задышала сыростью; голоса тайги утратили дневную безмятежность и зазвучали озабоченно и тревожно. Усталость ощущалась во всем: в очертаниях крон, в позах старых деревьев, в полете птиц.

Шли уже больше часа, когда тайга вдруг распах-

нулась: они оказались на вершине горы, откуда видно было далеко во все стороны. Тропа из-под ног клубком размоталась вниз, в глубокий распадок, который пропастью отделялся от соседнего хребта — гривы. Она тянулась параллельно той, на которой они стояли. Гривы и распадки чередовались до самого горизонта, в тумане которого намечались очертания снежных вершин, целая горная страна, какую Кате случалось видеть только в кино или на картинках.

— Ну, — радостно заявил Сашка, — отсюда до Селиванова на... на штанах докатимся! Не смотался бы только куда! Проворный старик! Редко в зимовые сидит. Покатились!

— Как? — с недоумением спросила Катя.

Сашка засмеялся.

— Это мы зимой в таких местах садимся на лыжи — на ногах-то не устоишь! И катимся вниз, пока не врежемся в какой-нибудь пень.

Катя поежилась.

— Пошли!

Сначала спуск доставлял удовольствие, но вскоре Катя поняла, что крутой спуск сильно бьет по ногам. Вынужденная расправленность плеч и напряженность в пояснице очень скоро превращались в усталость, а затем в боль. Несколько раз Сашка, идущий впереди, подхватывал ее, теряющую равновесие и взмахивающую руками. Вдруг он остановился, повернулся к ней и взял ее за руки.

— Устала?

— Да, — радостно согласилась она.

Он обнял ее за плечи.

— Смотри, — показал вперед и вниз, — что видишь?

Катя пожала плечами.

— Подсказываю. Внизу, вправо от тропы...

Она долго всматривалась и наконец радостно вскрикнула:

— Дым!

— Пришли. Метров двести осталось.

Мгновенно он подхватил ее под коленки, и она, инстинктивно обхватив его за шею, оказалась у него на руках.

— Сашка! Ну что ты!

— Я в поезде мечтал тебя через всю тайгу на руках пронести. И пронес бы!

Тропа уже теряла крутизну. Сашка шел уверенно и легко. Дымок приближался, но зимовья еще не было видно, казалось, что дым идет прямо из-под земли. Катя закрыла глаза, и сердце ухнуло. Такая слабость овладела ее телом, что она даже руки с трудом удерживала на Сашкиной шее.

Когда они вошли в зимовье, на нарах с рычанием вскочили две лайки. Узнав Сашку, умолкли, но тут же насторожились снова, заметив второго человека. С других нар поднялся хилый мужичишка — хозяин. В зимовье горела лампа, оконца здесь были еще меньше и даже в полдень не справлялись с сумерками.

— Привет, Селиваныч! — громко сказал Сашка.

Селиванов закряхтел, шагнул навстречу, пожал Сашке руку и заглянул через его плечо.

— Знакомься! Женился я. Катя это.

— Ну-у... — протянул Селиванов не то удивленно, не то одобрительно. — Гости — всегда хорошо, — сказал он, разглядывая Катю. — А то тут опухаешь со скуки. — Пшли вон! — обратился он к собакам, и те радостно вылетели в дверь. — А у меня как раз чаек на пару.

— Кое-что покрепче чайка имеем! — подмигнул Сашка.

— Само собой, — согласился хозяин. — Раз женился, с пустыми руками не придешь! А я уж забыл, как это дело на вкус бывает. Зато у меня на заглоткой-что имеется!

Селиванов самодовольно хихикнул. Глаза у него были с прищуром, себе на уме. В движениях проступала упругость и кошачья хватка. И, конечно, трудно было предположить, что ему шел уже седьмой десяток.

Собачье ложе он проворно переоборудовал в приличную постель. Так же быстро на столе появился минимум трапезного инвентаря.

Катя очень хотелось есть, но, даже не задумываясь, пожертвовала бы она ужином в пользу немедленного сна. Она сидела на нарах. Волнами шло к ней тепло от железной печурки и размаривало. Надо было бы ей принять участие в подготовке к ужину, но силы были исчерпаны.

Сашка суетился, помогая Селиванову. Попутно обменивались информацией.

- Про Сережку знаешь?
- Встретил его.
- Уже ушел? — спросил Селиванов.
- Зимовье я заколотил.
- Собака-то его где? — спросил Селиванов.

Сашка пожал плечами. И верно, у Сергея была хорошая собака. Куда ж он ее дел? Может, Фильке отдал на базу?

- Приходил он ко мне, — говорил Селиванов, — смурной, вопросы задавал с провокацией!
- Чего?! — удивился Сашка.
- Кому, говорит, ты нужен на белом свете?
- Не похоже на Сергея, — засомневался Сашка.
- А я что говорю! Приперся в дождь. Под этим делом.

— Сережка? Пьяный? — Сашка рот открыл от удивления.

— Я, говорит, тебе сейчас лекарство принесу. Только его и видел.

Уточнять Сашка не стал. Старики — известный путаник. Все знали: недолюбливали они друг друга. Участки охотничьи были у них близко. А на этой почве — всегда недоразумения. Селиванову пальца в рот не клади. Из-под руки подранка забрать может. Для него Сергей был „бич”, а по селивановскому кодексу по отношению к „бичам” мораль не существует.

Наконец сели за стол. На нарах Сашка с Катей. Селиванов напротив. Сашка налил Кате два глотка, себе немногим более, Селиванову — стакан.

— Чего так? — обидчиво спросил тот.

— Мы свое завтра доберем!

Селиванов выпил, прищурился до исчезновения глаз, промокал губами.

— Ничего! Только Петровская водка здесь не нюхавала! Уж мы-то знаем, что такое была Петровская водка! — Через стол хлопнул Сашку по плечу. — Но все равно — угодил старику. Считайте, что за ваше счастье выпил! Тостов говорить не умею, покамест до нормы не доберу.

— Какая у тебя норма, Селиваныч? — спросил Сашка, отрезая Кате кусок изюбрятины.

— Три раза помрешь с моей нормы и один раз воскреснешь!

Катя смеялась вместе с ними. Потом Сашка пил с Селивановым. И разговор их слышала Катя уже сквозь сон, отпросившись на отдых и получив на то согласие мужчин, жаждавших „профессионального общения”.

Но вот Селиванов подмигнул Сашке и полуслепо-тот спросил:

- Стволы иметь хочешь? С нарезкой!  
Приобрести карабин — мечта старая и упорная.  
— Сколько? — спросил Сашка, не скрывая волнения.  
— Возьму недорого, шкурку.  
Это означало сто рублей. Дешево. Подозрительно... Старик понял его.  
— Завязываю я с этим делом, парень!  
— С чем? — не понял Сашка.  
— С тайгой!  
Это было что-то новое или чистая липа.  
— План я свой жизненный выполнил, вот что!  
Больше тебе ничего не скажу. Но о Селиванове еще услышите! Ты думаешь, я кто?  
Он улыбнулся таинственно и зловеще. И что-то ранее незамеченное увидел в нем Сашка.  
— Ты таких, как я, в кино не видел! Понял?  
— Может быть, — уклончиво сказал Сашка.  
— Стволы принесу сам. Деньги отдашь, когда будут. Адрес оставлю. Верю тебе, хоть ты был „бич”, „бичом” и остался!  
Сашка не обиделся. По сравнению с Селивановым он, может, и вправду — бич.

Выговорились далеко за полночь. Селиванов долго кряхтел на своем жердевом ложе. Сашка осторожно подлег к Кате. Она, не просыпаясь, повернулась к нему, и голова ее оказалась на его руке. Боясь шелохнуться, пролежал он так долго-долго. И даже потом, уже во сне, все время помнил, что на его руке поконится его бесценное и хрупкое счастье.

## ВСЕ

— Филя, я все хотела спросить, почему ты себя так называешь? Ведь ты сам захотел, чтобы тебя Филей звали?

— Не Филей, а Филькой! И здесь существенная разница!

Катя с Филькой, сидя на сосновых чурках, чистили картошку. Моня в углу за столом заряжал патроны. Сашка со Степаном на улице кололи дрова, и оттуда доносились их голоса, чаще Сашкин — веселый и звонкий, реже Степанов — глухой, хриповатый.

Филька бросил очищенную, точнее, изуродованную картофелину, протер широкое лезвие охотничего ножа, пальцы ополоснул в ведре.

— „Филя” — это профанация той идеи, которую я оформил своей кличкой!

Он говорил, как всегда, многозначительно, подчеркнуто серьезно, словно был уверен, что если уж открывает рот, то лишь для того, чтобы сообщить несомненную истину.

Поначалу Катю раздражала его манера пророчествовать, но вскоре она поняла, что слушает Фильку всегда с интересом. А его манера говорить сродни тому упорству, с каким он отстаивал свою кличку. И спросила его об этом неслучайно.

Филька пристально посмотрел на нее, чуть приподнял бровь.

— Кличка эта справедливо квалифицирует мое место здесь, в этой обстановке. Сашка отлично стреляет, Степан выносив, как медведь, Моня — шарлатан по призванию...

Моня за столом обернулся и улыбнулся сконфуженно.

— Моня и тот умеет кое-что лучше других! К примеру, быстро и хорошо заряжать патроны, хотя закрывает глаза, когда приходится стрелять. Я назвал лишь некоторые достоинства наших друзей. Я же сам не умею ничего и не обладаю желанием научиться. Нелегко было признаться себе в этом, по-

верь, но пришлось, потому что нежелание — это и есть неспособность.

— Но тебя все здесь любят, — возразила Катя. — Сашка мне о тебе...

Он повелительно перебил ее.

— Не то! Любят? Это значит — не ненавидят. А за что меня ненавидеть? Я никому зла не причиняю, чужой хлеб не ем. В мире так много ненависти, что ее отсутствие мы готовы принять за любовь. Любовь — это не то. Любовь — явление чрезвычайно редкое.

Катя с сомнением покачала головой. И сказала искренне:

— Я вот всех вас люблю!

— И Степана? — спросил тотчас Филька, будто иглу воткнул.

— А почему я должна его не любить? — смутившись и даже испугавшись, вопросом на вопрос отвела Катя.

Филька посмотрел на нее пристально, чуть-чуть, лишь уголками тонких губ, ухмыльнулся.

— Опасная тема? — не то спросил, не то подвел черту.

Уже который раз в разговорах с Филькой Катя терялась. Ей вечно хотелось возражать ему, часто его утверждения казались ей не просто неверными, а будто сознательно искаженными. Но именно тогда, когда она уже готова была уличить его в нелогичности или в ошибке, он вдруг какой-нибудь фразой врывался в запретные области ее дум. Она боялась Фильки, но страх был такого рода, что порождал соблазн испугаться еще раз.

Другое дело — Степан!

В тот суматошный первый день, когда они пришли на базу, она о Степане сказала Сашке: „Какой-

то он... угрюмый..." Сказала очень осторожно и не пожалела об этом, потому что Сашка горячо возразил: „Зато верный!"

В отношениях Степана и Сашки была какая-то особая близость, причины которой ускользали от Кати. Ее беспокоили их отношения, внушали смутный страх...

Моню она приняла сразу. В тот первый день он подошел к ней и сказал:

— Ты знаешь что, если я... это... нечаянно матюгнусь... ты не обижайся, ладно?

В заключение он так смешно шмыгнул своим зигзаообразным носом, что она рассмеялась и ответила от всей души: „Ладно!"

— Я хороший! — сказал он. И Катя снова рассмеялась. Моня был первым, с кем она заговорила, через кого нашла общий язык с Филькой, вошла в их компанию на правах „своего".

Моня был разгильдяй и лодырь феноменальный. Но в той небрежности, что сквозила в отношении к нему всех остальных, не было презрения. И даже Степан, мрачный и немногословный, когда говорил с Моней, добрел голосом.

В тот первый день, когда праздновали Монин день рождения и „свадьбу", после изрядного количества тостов, Филька пел под гитару давно надоевшие романсы. Но в этой обстановке они звучали удивительно. Потом гитару взял Моня. Он спел блестящую песню. Катя так и не поняла, как сам Моня относится к своему пению. Он выпячивал челюсть, закатывал глаза, тряс головой в ритм, плакал и скулил, и казалось, что брякал по струнам как попало.

И мамаши своей я не помню!  
Дайте крылья, я к ней улечу!  
Воспитать меня Север не сможет,  
Потому что я сам не хочу!

Пел он и про „пацианку”, которая „хоть ты и женщина, но ты еще дитя!” Компания хохотала, хлопала и топала ногами по непроструганным половым доскам.

Филька утерял всю свою важность и неистово готовал. Потом Моня неуклюже плясал под гитару „цыганочку” с таким азартом, что заразил всех, и даже Степан дважды пробухал сапожищами вдоль барака.

Монина никчемность в делах странным образом обращалась в свою противоположность — в редкий дар быть нужным всем, с кем он общался. Моня умел быть в помощи своей безотказным, и Катя не без основания подозревала, что именно он — тот стержень, который скрепляет воедино столь разных по характеру людей.

Это Моня закричал „Горько!”, когда перешли ко второму вопросу „повестки” того первого дня. Это его радостный взгляд подтолкнул Катю ответить быстро на неловкий поцелуй Сашки. Уловив движение ее губ, Сашка вдруг по-настоящему почувствовал себя женихом и сразу преобразился.

— За постоянство твоего одухотворения! — произнес Филька тост, заметив Сашкино оживление и пронизав Катю взглядом человека, претендующего на знание человеческой природы.

И только Степан тогда ничем не выразил своего отношения и опростал кружку, словно выполнил установленный ритуал.

Ростом он был ниже Сашки на полголовы, но вдвое шире в плечах, кряжист и ухватист: сила

чувствовалась в нем медвежья, и в лице было нечто от хозяина тайги: широкий нос, глаза с глубокой посадкой, такие же черные, как и его борода, от висков уходящая за воротник. Короткие толстые пальцы, когда собирались в кулак, казалось, сливались воедино и могли нанести сокрушительный удар. Усы азиатским изгибом уходили в бороду и скрывали выражение губ, почти всегда плотно сжатых и неподвижных. Говорил он глухо, малоразборчиво, хмурясь и никогда не повторяя сказанного. На зов не откликался, а лишь поворачивал голову, отвечая кивком или жестом. Казалось, его должны были бояться, но никто не испытывал перед ним страха. И Катя ломала голову над тем, что такое знают о нем ребята, чего она не может уловить, чтобы верно его понять.

У Фильки на этот счет ничего выведать не удавалось, но ее интерес к Степану был им замечен.

Иногда Кате казалось, что все они не боятся Степана лишь потому, что не знают его. Но эта мысль строилась ни на чем, и Катя отказывалась от нее, как только она возникала.

Ей, конечно, повезло, что прибыла она в эту компанию в день общего веселья. В такой обстановке срок сближения резко сократился. Да и Сашка приоткрыл ее тогда с нескольких сторон сразу, и ни одно открытие не принесло ей разочарования.

Во второй половине того дня появился с трактором Оболенский с двумя рабочими. Упившись, они заночевали на первой гриве и прибыли на базу в самый разгар застолья. Неожиданно появился Селиванов и притащил свежего мяса.

После пения и плясок, к исходу дня открыли стрельбу из всех видов оружия. И как только остались целыми! Сначала лупили по неподвижным

мишениям, потом стали подкидывать старые консервные банки в воздух, вертели стволами, толкая друг друга прикладами и расхваливая до хрипоты свои способности. К концу дела дошло до того, что стали малокалиберками выбивать банки из рук. Когда же стрелял Сашка или, держа банку на вытянутой руке, превращался в мишень, Катя сжималась от ужаса и клялась впредь любыми мерами такой забавы не допускать.

На смену мелокалиберкам пришли страшные пиратские ножи. Их кидали в стенку склада. Если в стрельбе абсолютным чемпионом был Сашка, то здесь Степан проявил себя на грани циркачества. Из любого положения он втыкал нож за пятнадцать шагов в пачку „Беломора”. „Еще бы! — с завистью сказал Моня, — пять лет тренируется!”. На удивление Кати, азартный интерес к этому занятию проявил Филька, и кидал он прилично, и гордился всерьез. „Все мужчины в чем-то дети!” — подумала Катя. Ушлый Филька словно подслушал мысль:

— Рудимент! Гальванизация хищнического инстинкта первочеловека!

И побежал к черте, чтобы не упустить свою очередь.

Моня втыкал ножи ручкой в стену.

— Весь день на манеже известный „бич” Гологора по кличке „Моня”! — комментировал Филька.

А собаки! Они были участниками во всем происходящем. Встретили они Сашку с Катей на тропе, когда еще базы не видно было, и с радостным визгом повисли на Сашке. Их было три. Две Сашкины и одна Степана. Сашка представил их Кате, и она сразу поняла, почему одного зовут Чапой, другого Хуком, а Степанова кобеля, рыжего и косматого, нарекли традиционной кличкой „Рекс”, определявшей особенность его лая и рычания. Все три были

лайки, и когда неслись по кустам, их закрученные хвосты — рыжий, белый с черным и черный, — казались самостоятельными живыми существами.

В тот день с Селивановым пришли еще два пса и тотчас подняли скандал на всю тайгу. Нужно отдать им должное: они ничем не уступали трем противникам, а когда их разняли, то держались вызывающе и победоносно. Во время стрельбы все пять вели себя крайне нервно и никак не могли понять ее смысла, явно не одобряя своих хозяев.

Вместе с другими обязанностями по базовому хозяйству к Кате перешло кормление собак. Раньше этим занимались все по очереди. Собаки привыкли к Кате быстро. Они сопровождали ее на ручей, что пробивался кверху из-под камней метрах в пятидесяти от базы. Тропа к нему уходила вниз, и база через десять шагов уже скрывалась за деревьями. С обеих сторон тропу плотно охватывали заросли жимолости, а кедры почти смыкались над головой кронами, отчего внизу всегда было сумрачно, даже в солнечные дни. Катя боялась ходить за водой одна. С собаками она чувствовала себя уверенней, хотя часто они предавали ее, уносясь в заросли за очередным бурундуком.

Более других Кате нравился Чапа — сдержанностью поведения и прямотой взгляда.

К Степановой собаке она долго относилась с подозрением, но убедившись, что Рекс на редкость добрый и привязчивый пес, полюбила его и перестала связывать его с хозяином.

Со Степаном же было куда сложнее.

Когда к ночи, после общего пиршества, Катя с Сашкой пришли в отведенную им сторожевую избушку, там оказалось все прибранным, даже постель приготовлена. Выяснилось позже, что это бы-

ло делом рук Степана. Он же прибил умывальник и полочку к ближайшему от избушки кедру и заделал дыры в единственной кабинке туалета, просматривавшейся скворечником в редком березняке.

А настороженность к нему у Кати не проходила. Ее рождали мимолетные взгляды Степана, выражение внезапной открытости, доброты и ясности на его лице. В такие мгновения она всей душой тянулась к нему — Сашкиному другу. Но в миг все исчезало, и снова закрытым был этот человек для нее, и снова Катя впадала в непонятную тревогу.

Кате почему-то казалось, что, пока она не разберется в Степане, и Сашка в чем-то останется для нее закрытым. „А если бы Степана не было?” — спрашивала она себя. И сама удивлялась назойливой мысли: „Лучше бы его не было!”

Если не считать этой тревоги, которая, впрочем, не столь уж часто посещала ее, жизнь ее с каждым днем все больше наполнялась радостью.

В тот первый вечер на базе они, оба изрядно захмелевшие, поздно пришли в свое новое жилище. Степан, понятное дело, приготовил им одно ложе. И Сашка с чрезмерной деловитостью тут же стал растаскивать постельные принадлежности на два комплекта. Катя стояла у входа, привалившись к струганому косяку, и с улыбкой наблюдала за его суетой. Вдруг она шагнула вперед и тронула Сашку за локоть:

— Не надо, Саша, оставь!..

Он рванулся к ней. А она почувствовала себя молоденькой девушкой, впервые подходящей к брачному ложу. Ее охватили робость, стыд, радость и страх.

Было уже совсем светло, когда она выставила Сашку из избушки. Выскочив на поляну, он ку-

выркнулся по траве, и спина его стала влажной от инея. Но холода он не чувствовал. Подкрался сзади и набросился на вышедшего из барака Степана. Тот молча и спокойно вывернулся, уложил Сашку на лопатки и пробурчал в бороду:

— После бабы на мужика бросаешься? Ветром, поди, качает после такой ночки!

На третий день начались дожди. От них Катю спасала хозяйственная суэта и Сашка. Иногда ей казалось, что первую половину дня он только тем и занят, чтобы во второй половине подготовить для нее приятный сюрприз. Иногда это был и вовсе пустяк. Но он приносил радость. Это мог быть перепуганный бурундучок, которого она, подержав в руках, тут же выпускала. Или полочка для ее вещей, приспособленная к месту. А могла быть и просто похвала ее новому умению. Катя пыталась быть такой же по отношению к Сашке, но он не замечал ее сюрпризов, может, потому, что всю ее воспринимал немыслимым сюрпризом судьбы. Иногда у нее тревожно сжималось сердце: долго ли может длиться такая радость?

Дождь колотил по рувероидной крыше так звонко, будто и крыши вовсе не было, а лишь легкий навес над головой. Дождь так нагибал ветки кедров, что вид их вызывал сочувствие. У крыльца возник ручей. Огибая его, ручей тек по тропе к колодцу и дальше — по готовому руслу. Колодец наполнился до краев, вода помутнела, и Катя собирала воду прямо с неба, выставляя на ночь ведра.

По утрам и вечерам из распадков подбирался к базе туман, да такой плотный и серый, что, если бы не дождь, его можно было принять за дым от большого пожара. К середине дня он сползал назад, в распадок, и оседал на его дне белым облаком.

У парней в бараке творилось неимоверное. Филька с Моней наверстывали упущенное: все помещение было завалено сосновыми чурками. Широкими, чудовищной остроты ножами превращали они полуметровые в диаметре сосновые чурки в тонкую дранку. За тысячу штук платили пять рублей.

Сашка и Степан смотрели на такой способ заработка с нескрываемым отвращением. На осторожный намек Кати „помочь бы” Сашка рассмеялся, а Степан поджал губы до полного исчезновения. Правда, остальную работу по хозяйству — топку, заготовку дров и даже заготовку самих чурок — они взвалили на себя, чтобы Филька с Моней „вкалывали” вполне производительно.

Вечером в гости к Сашке и Кате приходил кто-нибудь потрепаться, чаще других Филька, реже — Степан. Моня, забегая к ним, каждый раз извинялся, порываясь уйти, „если помешал”, но в итоге сидел до самого поздна, пока Сашка бесцеремонно не вытеснял его. Иногда собирались на общий ужин в бараке, где теперь до одури пахло сосновой. Рубились втроем в дурака. Потому что Филька, получив в лице Кати терпеливую и благодарную аудиторию, весь эманировал в идеи.

Катя пыталась незаметно повышать интеллектуальный уровень компании. Даже организовывала по транзистору прослушивание классической музыки. Но интерес к этому проявил только Сашка. Степан молчал. Моня хлопал глазами и швыркал носом. А Филька в итоге высказался:

— Общество приучило меня любить классику. Но я могу обходиться без нее, как и без всего прочего, к чему меня приучило общество.

Однажды разговор зашел о Сергее и Тане. Вспомнили о письме, что нашли в зимовье. Филька знал автора и охарактеризовал его однозначно:

„подлец”! Оболенский, прибывший с трактором за дранкой, сообщил, что Сергей уволился и исчез. Канул как в воду и Селиванов. Сашкины надежды на карабин лопнули. Теперь два охотничьих угодья пустивали, сезон был на носу, значит, новых охотников не будет. Степан был особенно доволен. Селивановское зимовье недалеко, участок его хорош. Степану, как сторожу, надолго уходить было нельзя. А теперь пошарь себе по селивановским тропам — место соболиное. Сашка от этого ничего не выиграл: его участок был в противоположной стороне. Но чем меньше охотников, тем лучше.

К сезону готовились. Сашка уже сбегал раз на свой участок, оттащил туда капканы, петли, кое-что из хозяйственного инвентаря. Пробыл два дня. Кое-что подлатал, проверил запасы дров, привел жилье в порядок. Избушка была похоже сторожевой: меньше размером, ниже потолком, мельче окнами. И Сашка уже планировал на следующую весну сколотить настоящие хоромы.

Становилось холоднее. Пошла в ход вся теплая одежда. Затем выпал первый снег. Продержался двое суток и растаял от дождевой мокроты, — но только на ближних гривах. Хребты повыше остались белыми, будто голыцы, что начинались за сто километров, подступили к базе. Зима брала Голоторг в окружение.

Катя с Филькой чистили картошку. Планировался совместный ужин в честь Сашкиной удачи. Ему повезло — удалось подстрелить пару глухарей. Филька грозился приготовить особое блюдо. Катя с удовольствием перешла в его подчинение. Но когда Филька уже в который раз изуродовал картофелину, она решительно отобрала у него нож. Картошка в тайге — дефицит. Труден завоз, а доставка по зи-

мовьям идет на горбу. Много не занесешь, потому и употребляется она как праздничное блюдо.

Разжалованный Филька радостно потянулся, расправил спину и присел несколько раз.

В это время Моня за столом громко вскрикнул, затряс пальцем и выматерился. Спохватившись, забыл про отбитый палец и растерянно повернулся к Кате. Катя, покраснев, опустила голову. Филька укоризненно покачал головой, Моня сник еще больше.

— Между прочим, — произнес Филька, подсаживаясь к Кате, — в тебе сейчас сработал предрассудок. Да, да! — подтвердил он, когда Катя удивленно на него взглянула. — Моня, в сущности, не сказал ничего плохого! Просто для выражения своего состояния он использовал слова, не принятые цензурой. Но разве ты не заметила, что он употребил их в смысле, не имеющим ничего общего с их первоначальным содержанием?

Филька уселся капитальнее, и это означало, что сейчас он начнет „эманировать”.

— Я тебе объясню, и ты станешь так же, как и я, наслаждаться матом.

— Еще чего! — возмутилась Катя.

Но Филька не удостоил вниманием ее реплику, а Моня, обрадовавшись, что его забыли, торопливо сгребал со стола оставшиеся заряды.

— Язык, — продолжал Филька, — явление развивающееся. Его развитие отражает усложнение человеческой природы в сторону утонченности восприятия окружающего мира, а также непрерывающийся процесс самопознания. Источником развития языка в России всегда было мужицкое восприятие. Именно язык мужика ввел Пушкин в литературу. Ведь было время, когда от слова „рубаха” барышни бледнели и падали натурально на руки прислуги.

Да! Не улыбайтесь! А между прочим, поклонение русскому мужику в среде русских интеллигентов имело под собой большее основание, чем это принято думать! Бытие мужика есть продолжение бытия земли, на которой он трудится, и чувствует он природу без всякой шизофрении и рефлексии, таковой, как она есть. А есть она намного больше наших способностей ее понять. Весь наш комплекс ощущений и восприятий беднее окружающего нас мира. Если же мы еще и удаляемся от него, замыкаемся в скорлупе своих жалких переживаний, то беднеем при этом вдвое.

Филька встал, заложил руки за спину и зашагал вдоль барака. Вдохновение распирало его.

— В России, как нигде, красота языка шла от мужика, а пошлость — от пролетария. Революция объявила мужицкое сознание аморальным вместе с его бытием и превратила его в пролетария. Источник развития языка засох. Мат есть детище города, городского предместья. Мы по сей день в литературе паразитируем на пушкинском языке. А дальнейшее развитие языка пошло по руслу мата!

Катя даже картошку чистить перестала.

— Есть мнение, — продолжал Филька, вышагивая по бараку, — что мат всего лишь ритмо-мелодическая единица речи!

— Как?! — не утерпела Катя и залилась смехом. — Как?! Ритмо... чего?

— Ритмо-мелодическая единица речи, — повторил Филька холодно, подчеркивая неуместность ее смеха. — Не нужно запоминать эту легкомысленную формулировку, потому что положение намного серьезнее.

В барак вошел Степан с охапкой дров, грохнул их на пол у печки и задержался, хмуро слушая Филькину болтовню.

— Вот, к примеру, Степан.

Филька повернулся к нему.

— Я насчитал в его лексиконе девять слов и словосочетаний, обозначающих процесс удара. А только трем из них нашел адекватные слова в литературном языке.

— А ты назови, — посоветовал Степан.

— Увы, дама не подготовлена к этому! Или вот Моня...

Моня уже сидел по-турецки на нарах. Филька подошел к нему. Тот задрал голову и расплылся в улыбке.

— Моня у нас образец девственного сознания.

Моня проглотил улыбку. Филька зашагал снова.

— Моня может сказать о женщине грубо и глупо, но пошло — никогда! А между тем, процентное отношение мата в его речи к словам литературным далеко не в пользу последних. И с твоим прибытием, — Филька укоризненно посмотрел на Катю, — он явно поблек и поглупел речью. Ты тормозишь его филологическое творчество, и ему грозит дегенерация. Итак, господа, — резюмировал Филька, — литературный язык станет ученой латынью, а русские люди будут говорить на языке мата. Нация разделяет судьбу языка,rudиментируя вместе с ним. Впереди — всеобщее интеллектуальное пролетарство и торжество матерщины!

Филька замер в скорбной позе, опустив голову и закрыв глаза.

— Плачет по тебе академия, — сказал ехидно Степан.

— Тюрьма по нем плачет! — хохотнул Моня.

Филька сразу оживился, поочередно ткнул пальцем в того и другого и повернулся к Кате.

— Обрати внимание! Редчайший парадокс формальной логики. Оба утверждения одинаково вер-

ны. Хотя Монино, в известном смысле, ближе к истине.

Степан, уже у порога, спросил:

— Так я не понял, матерщина хорошо или плохо?

— Плохо! — громко ответила Катя. — Плохо! — повторила она, зачеркивая Филькину грамоту.

— Ты уверена в этом? — спросил Филька надменно-строго.

— Уверена, — сказала она.

— Ну что ж, — вздохнул Филька с явным сожалением, — значит, Россия еще жива! Пока порок имеется пороком, он не торжествует.

С улицы крикнул Степан:

— Кончай трепаться! Дрова таскать!..

— Между прочим: „трепаться”, — не унимался Филька, натягивая телогрейку, — на редкость емкое слово. Попробуй найти его в словарях! „Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало!”. На современном языке это должно звучать: „Я пришел к тебе потрепаться!” Здоровый цинизм — вместо чахоточной сентиментальности. Как-нибудь при случае я разовью эту тему более полно! — пообещал он, высказывая наконец из барака.

Как только дверь захлопнулась, Моня спрыгнул с нар и подсел к Кате.

— А в меня в десятом классе девчонка была влюблена — еще красивей тебя!

Катя растерялась: вызов или комплимент?

— А ты? — спросила она, скрывая смущение.

— А я не знал.

Моня погрустнел.

— Она меня всегда на собраниях ругала. А узнал я, когда школу бросил. Знал бы, не бросил.

— Она тебе нравилась?

— Всем она нравилась. В нее наш физик влюблен был. Вызовет ее к доске и смотрит, а мы переми-

гиваемся. Не веришь? — вдруг спросил он агрессивно.

— Чему?

— Ну, что она в меня влюблена была.

— Верю, — торопливо сказала Катя.

— А как это девчонки влюбляются?

Моня, кажется, зацепил свою больную тему.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну вот, ничего... все как обычно... и вдруг — влюбляется... Она мне с пятого класса нравилась. А она в меня только в девятом... А до этого за человека не считала...

— Может, это не так? — усомнилась Катя.

— А ты бы могла в меня влюбиться? — с каким-то бескорыстным интересом спросил Моня.

Он смотрел ей прямо в глаза. Катя взглянула на него по-новому и с радостью отметила, что у него длинные, причудливо изогнутые ресницы, на редкость чистая кожа, густые волосы. Надо бы еще убрать с лица ставшее маской выражение дурашливости. А если еще одеть его... Вполне симпатичный парень!

Она сразу ощущила себя свободнее и сказала с легким сердцем:

— Ты славный парень, Моня, но, так сказать, не моего типажа.

— Врешь ты все! Типаж! — Ерунда! — сказал Моня. — Есть красивые и некрасивые. Мы все здесь разные, а ты всем нравишься: и мне, и Фильке, и Степке!

Катя побледнела. Напоминание о Степане испугало ее. „Почему”? — спросила она себя, но ответа не нашла.

В это время распахнулась дверь и показалась огромная охапка дров, как бичевой, перехваченная рукой Сашки. Потом появился он сам, улыбающий-

ся и румяный. Он хотел что-то сказать, как вдруг охапка, почти поленница, в руке его покачнулась и с грохотом развалилась у ног. Сашка чертыхнулся и стал перекидывать дрова к печке. Моня хотел было помочь, но раздумал.

— Вот если бы это со мной так, сказали бы, что я недотепа. А у него совсем по-другому... Почему?

— Катя вслушалась в интонацию: не услышится ли зависть? Нет, Моня рассуждал о себе как о постороннем.

— Сачкуешь, Моня! — крикнул Сашка.

— Нет. Объясняюсь в любви твоей жене. Можно?

— Валяй! — разрешил Сашка и вышел из барака.

— Видишь! Он уверен, что ты в меня не влюбишься!

Катя улыбнулась.

— Он просто знает, что я его люблю!

— Это конечно, — возразил Моня, — но если б на моем месте был Степка...

— То что? — резко спросила она.

Моня вздрогнул. Испуганно захлопал ресницами.

— Не... я просто хотел сказать...

— Не будем больше на эту тему, ладно?

Моня сник и подурнел.

— Затапливай! — Катя сунула Моне в ладонь спички и, накинув телогрейку, вышла из барака. Дождя не было, но небо хмурилось над тайгой, и сама тайга сумрачно ждала настоящих холодов. Вот когда проверяется все живое: серьезно ли относится к жизни и как подготовлено к ней? В тайге ветра не было, ветер редок здесь, разве только по распадкам, и то скорее сквозняк. На небе же, видно, злобствовал ураган, потому что тучи быстро неслись и тут же на глазах разрывались в клочья; а клочья летели в несколько слоев, и самые нижние нет-нет да цеплялись за верхушки грибов и пови-

сали на макушках кедров на скалистых выступах. От тех же туч, что шли со стороны Байкала, попахивало настоящим снегом.

На дворе парни закладывали третью поленницу. Под руками Степана она приобретала вид архитектурного сооружения. Катя уже заметила: что бы Степан ни делал, все получалось у него красиво и фундаментально. И эта уверенность, что была во всех движениях и действиях Степана, почему-то пугала Катю, и она с нетерпением ждала того дня, когда они с Сашкой уйдут на его участок и целыми днями будут одни на десятки километров тайги.

Из-за продуктового склада напротив выскочили собаки и радостно засуетились вокруг Кати. Они были мокры и перепачканы землей — видно, снова пытались добраться до бурундучьего гнезда или промышляли мышей подо мхом. Собаки крестились вокруг нее, норовя потаскать за рукав телогрейки, и ревниво отталкивали друг друга. Степан цыкнул на них. И собаки разбежались в разные стороны; вскоре лай их слышался откуда-то из леса.

Когда с дровами было покончено, все вернулись в барак. Трещали дрова в печке, около нее колдовал на плите Моня. По Филькиному рецепту варилась картошка. Чайник, громадный, с обколоченной эмалью по бокам и проволочной ручкой, уже вскипал.

Филька, не раздеваясь, проинспектировал приготовление, внес некоторые уточнения, добавил соли и передвинул кастрюлю на менее горячее место.

Сашка со Степаном, сняв телогрейки, завалились на нары, не снимая сапог.

Сашка прикидывал вслух, сколько груза наберется, если зайти на зимовье одним разом. До Пихтача, где стояла его избушка, от базы было километров пятнадцать. Через неделю он планировал,

если даст погода, уйти туда с Катей совсем. Получалось, что без помощи не обойтись. Ребята уже раньше предложили, что пойдут все провожать Сашку с Катей, заночуют у них, помогут в устройстве и потом уж оставят их одних на целую зиму.

Моня, передав командование плитой Кате, тоже ушел на нары. Сел и загрустил. Катя подумала о скором расставании и почувствовала, что и Мони ей будет не хватать, и Филькиной болтовни. Но об уединении с Сашкой она мечтала давно. Постоянное общение со всеми отвлекало ее от Сашки, ей же хотелось со всем вниманием присматриваться к нему, разобраться в нем и понять его как можно глубже. Вот уже и месяц прошел, а он еще часто бывал для нее неожидан то в словах, то в жестах, то в поступках. Это мешало ей ощутить Сашку по-настоящему своим. И не раз ловила она себя на мысли, что ей очень хочется приручить его. Но чтобы он сам захотел приручиться. В этом уверенности еще не было, поэтому так хотелось ей поскорее остаться с ним наедине. В последние дни Сашка бывал раздраженным, что вообще-то ему свойственно не было. Ему тяжелы были вечерние визиты к ним в избушку, тяжелы были зазывания в барак, да и совместные трапезы становились в тягость. Ему не хотелось делить Катю ни с кем. Она понимала его и сама испытывала то же, с трудом подавляя в себе ревность к Степану. Теперь же ревность перешла в неприязнь. Но именно Степан бывал у них реже всех и почти никогда не приходил вечером. Катя не относила это за счет его тактичности. Просто Степан уступал ей Сашку с определенного часа суток. С утра же он предъявлял на него свои права: то отыскивались совместные дела, то следовало что-то вдвоем обсудить. При ней этого он не делал, и если уж приходилось, то так, будто она не присутствует.

Если же Катя свое мнение высказывала, Степан замолкал до тех пор, пока она не оставляла их в покое. Во всем его поведении чудилась Кате демонстрация, даже в постоянной готовности Степана в чем-либо помочь ей. Это была как бы дерзость наизнанку.

От Степана она мечтала не только сама избавиться, но, главное, избавить от него Сашку.

Постепенно барак наполнялся вкусными запахами. Все заинтересованно поглядывали в сторону плиты. Филька явно нервничал. Рецепт, по которому приготавлялась глухарятинна, он вычитал в художественной литературе. И художественная литература здорово сегодня рисковала своей репутацией. В итоге, правда, все обошлось наилучшим образом. Мясо оказалось на редкость вкусным, подлива напоминала ресторанное блюдо. А ресторан, где все дорого, вкусно и можно курить прямо за столом — мечта почти каждого таежника.

Степан с Сашкой ковырялись в кастрюле. Выловив три небольшие кости, Сашка понес их собакам.

И тут Катя не преминула похвастаться Сашкиной любовью к собакам. Филька хмыкнул и прищурился.

— Полгода назад Сашка застрелил Степанову собаку. Кобель был такой, Жук. Тебя тянет на сентиментальность. В тайге же между людьми и собаками — отношения чисто деловые.

Катя поперхнулась.

— Правда? — спросила она Степана.

Тот кивнул. Вошел Сашка.

— Это правда, что ты убил Степанову собаку?

Сашка не уловил тона, спокойно, даже как-то равнодушно сказал:

— Было дело.

— За что?

Голос у Кати задрожал. Это заметили все. Филька с любопытством наблюдал. Неожиданно объяснил все Степан.

— Стал из капканов зверя жрать. От такой собаки какой толк.

— Обязательно толк нужен?

Степан нахмурился.

— В городах собак для прихоти держат, а у нас — работа... Куда ее девать? Прогнать — не прогонишь. Другому отдать — хорошо если убьет, а то сгоряча и покалечит. Если из капканов зверя ест, значит собака больная...

— А почему Сашка убивал, а не ты?

Степан совсем сдвинул брови.

— Не смог.

Катя с обидой повернулась к Сашке.

— А ты смог?

— Свою тоже бы не смог. А кому больше? Фильке, что ли? Так он не попал бы или ранил. Собака вину чувствовала, не подходила близко.

Настроение у всех было испорчено. Заканчивался обед в полной тишине. Когда Степан сказал „не смог”, Катя впервые подумала о нем хорошо. Но и Сашку она понимала. Досада же оставалась, и Катя обратила ее против Фильки.

— А что бы ты сделал на их месте?

Тот пожал плечами.

— Я не охотник, в такую ситуацию мне попасть невозможно. — Потом подумал и подчеркнуто равнодушно добавил. — Но убить собаку я в принципе могу.

— А человека? — вызывающе спросила Катя.

— Человека убивать легче, чем собаку, потому что никакую собаку мы не можем так ненавидеть, как порой ненавидим человека.

Филька не замечал или делал вид, что не замечает Катиной задумчивости. Он оторвался от кости, которую обсасывал, и неловко подмигнул Моне.

— Интересно бы подсчитать в процентном отношении, сколько за свою историю человек истребил животных и сколько — себе подобных. И вообще: сантименты по поводу убийств человеческих — сильное недоразумение. Человек не травояден, а значит, убийство санкционировано самой его природой. Каин убил Авеля, в сущности, из чистого любопытства. А любопытство и есть главная пружина науки. Таким образом, убийство научно обосновано и...

— Да иди ты... Врешь ты все! — взорвался молчаливый Моня. — Всегда говоришь, говоришь, говоришь, сам не знаешь чего! Таким, как ты, надо языки обрезать, чтоб другим жить не мешали!

— Вот! — радостно ткнул Филька пальцем в сторону Мони! — Вот! Я всегда говорил, что Моня — кристалл национальной психологии! Образчик, так сказать! Но отрезать язык — полумера, уступка гуманистическому порыву! Если довести Монино искреннее высказывание до логической полноты, оно будет звучать: „Убивать таких надо”! В переводе на просторечие: „К стенке!”

Моня махнул рукой. Сашка попытался примирить их.

— Филька отчасти прав... Всю историю люди убивают, но ведь люди понимают, что это плохо... Так получается.

Он взглянул на Катю и, не найдя в ее глазах поддержки, сконфуженно замолчал.

— Как раз наоборот! — вспыхнул Филька. — Люди до сих пор не понимают, что убивать необходимо и морально!

Даже Степан перестал есть.

— Выдвигаю тезис: для человека морально то, что сохраняет человеческий род! Согласны?

Все промолчали. Моня — равнодушно, Сашка и Степан с любопытством, Катя подозрительно. Молчание удовлетворило Фильку.

— Теперь представим себе, что люди начисто отказались от убийства людей. Что дальше? Тогда они должны прийти к мысли, что животных убивать тоже дурно. Потому что достаточно лишь на некоторое время перестать убивать, как убийство станет противно человеку, и понятие убийства расширится. Спилить дерево — разве не убить его? Ведь дерево живое. Уже не говоря о комаре, жуке колорадском, скорпионе или бактерии. Далее просто следует вегетарианство, синтетика в одежде, полное непротивление и в итоге — вырождение людей. Следовательно, не убивать неморально.

— Бактерию с человеком равняешь? — пробурчал Степан.

— Нет! Я доказываю, что убийство, то есть лишение жизни живого, — потребность естественная, и в ней есть положительный смысл.

— Ерунда! — сердито сказал Моня. — Я могу убивать собаку, а человека — не могу! Вот и вся твоя философия...

И так захотелось ему вставить хлесткое словечко из нецензурного багажа, что даже уши покраснели от напряжения. Мысленно Катя позволила ему стегануть Фильку, больно уж он раздражал ее сегодня, но внешне на Моню смотрела укоризненно, и тот промолчал.

— Чего это мы сегодня на такую дурацкую тему взялись трепаться! — не выдержал Сашка. У него было отличное настроение, и его искренне огорчала натянутость, возникшая за столом. Свои же ребята, хорошие парни, и Катя среди них всех, как Бело-

снежка... и все любят друг друга. Ну кому нужны эти дурацкие разговоры, если из-за них портится настроение... А главное: всякая болтовня — сама по себе, а жизнь — сама по себе.

— Никто ничего толком о жизни не знает, — пошел он на компромисс, — надо просто жить... и все! Мне вот интересно жить! А тебе, Степан?

Тот пожал плечами, запустил руку в бороду.

— Не думал... живу... Сегодня прожил, а может, завтра что-нибудь новое будет...

— А если не будет? — всунулся Филька.

— Вешаться, что ли?

— И мне тоже интересно жить! — громко заявил Моня, — и ни о чем думать не хочу, что интересу мешает. И на всякую философию я... — тут он снова спохватился, — плевать хотел! Вы его не слушайте, — кивнул он на Фильку. — Зимой, я помню, он совсем другое толковал. Он на любую тему заводится в любом направлении. Ему лишь бы потрепаться.

Филька энергично догрыз кость, которую отложил перед этим, причмокнул и сказал:

— А что-то я не слышал отзывов на мое блюдо?..

— Здорово! — охотно переключился Сашка на безобидную тему. Катя тоже похвалила.

— Погоди, — хвастливо заявил он Кате, — я тебя еще медвежатиной угощу. Скажи-ка, Моня, как это у меня получается?

— Во! — ответил Моня, выставив над столом свой большой палец с перебитым ногтем.

— Вы убивали медведя? — спросила Катя и взглянула, сама тут же удивившись этому, на Степана.

— Было дело! — ответил Сашка не без гордости.

Наперебой начались рассказы об этом приключении, потому что все четверо участвовали в деле. Даже Степан кое-где подавал голос, кого-то поправлял

и своей роли не замалчивал. Теперь все они нравились Кате, и не хотелось с ними расставаться.

Два дня стояла сухая холодная погода. И к вечеру второго Сашка начал подготовку к переходу.

Дожди прекратились. Они замерзали на полдороге, в холодном небе запахло скорым снегом. Утроми колодец покрывался ледком. В избушке, хоть и топили вечером, к утру из-под одеяла вылезать не хотелось. В умывальнике вода тоже замерзала, и Катя корчилась от холода, когда глядела на спартанские упражнения парней под ледяной водой. Себе она с вечера оставляла на плите горячую воду.

К восьми часам утра третьего дня вся компания была готова к переходу. Парни выглядели живописно: с огромными рюкзаками, с ножами на поясах, с ружьями (даже Моня). Они казались Кате героями знакомого фильма. Сама же себе она представлялась случайно забредшей в их компанию.

У собак было праздничное настроение. С шалыми мордами носились они вокруг базы, выскакивая вперед по тропам, пытаясь предугадать, в какую сторону пойдут люди. И как только Сашка махнул рукой и сделал первый шаг, они мгновенно сообразили и тут же исчезли за поворотом.

Сашка шел первым, за ним — Катя, потом Филька и Моня. Степан замыкал группу. Теперь тайга была уже не той, какой Катя видела ее в первые дни. Преобладал серый цвет, даже зелень кедров и листвяков утратила краску и слилась с общей пасмурностью земли и неба. Деревья будто впали в бессознание. Зимой скажешь: „Вот как дерево качает!” А летом: „Дерево качается”.

Кате казалось, что некоторые кедры, особенно на склонах, стояли в каких-то неестественных позах, будто захватила их так зима, заколдовала холодом,

и они не успели выпрямиться. Ей жалко было эти деревья. И жаль было все вокруг — такое озябшее, слинявшее, посеревшее.

Спуск, подъем, еще спуск, еще подъем — почти пять часов неторопливого хода, след в след за Сашкой... Каблуки его сапог да тропа со своими сюрпризами: корнями, камнями, колодами, наледями ручьев, лужами и промоинами — вот и все, что видела она во время пути. Были перекуры, один даже с костром и чаем. Был Филькин треп и Монин хот. Сашкины заботливые взгляды и настойчивые предложения остальных облегчить ее рюкзак. Так и произошло — последние два-три километра она шла налегке.

Избушка, где им предстояло провести зиму, хотя была ниже и меньше прежней, не испугала Катю. Очень уж обещающие звучали Сашкины планы летней перестройки. Послушать его, так хоромы намерен возвести он посередине тайги. Но пока что в наличии имелось зимовье всего пять шагов в длину, а в ширину — ни шагу, потому что посередине, между нарами, столиком у окна и железной печкой громоздко и навечно расположился самый настоящий пень, корни которого скрывались под полом. Пень был гордостью Сашки. Он нарочно поставил зимовье таким манером, что стол для заряжения патронов, обделки шкур и прочих работ оказался готовым. Было в этом еще нечто такое, что придавало всему зимовью нерукотворный вид. Произошло все потому, что Сашка тщательно замаскировал зимовье от случайных бродяг — дикарей-охотников, которые законов тайги не признают. Одной своей стороной зимовье как бы врезалось в небольшую скалу. По ней можно было пройти и совсем его не заметить. От основной же тропы отворот Сашка не протаптывал, потому что жил здесь толь-

ко зимой. Так что летом, кто бы ни шел, мимо зимовья наверняка проскочит, если не знает, что оно тут.

Все столпились в избушке и расхваливали ее кто как мог. Каждый находил в ней особое достоинство. Расхваливая, косились на Катю. И если она не кивала согласно, пуще прежнего старались убедить ее в том, как здесь здорово и как они все ей и Сашке завидуют.

Сашка притащил припрятанную еще с прошлой зимы канистру с соляркой и заправил лампу. Моня вычистил стекло. Когда же лампа выдала пламя сердечком, в зимовье и вправду стало уютно. Задвигались тени по крохотным оконцам, столу-пню, нарам и людям с ружьями и рюкзаками. И Кате вдруг показалось, что она все это уже раз где-то видела — то ли в забытом фильме, то ли снилось ей когда-то. Как снится людям иной раз судьба...

Весь день ушел на уборку и устройство жилья. Около зимовья под навесом выросла к вечеру поленница дров. Крышу заново перекрыли рубероидом, входную дверь утеплили ватной обшивкой. Оконца утратили сквозняки, пол — щели, под ноги легла пожертвованная обществом медвежья шкура. На новенькой полочке был водружен также пожертвованный обществом транзистор. Стол-пень покрылся чем-то похожим на скатерть. А нары! Нары напоминали королевское ложе; на них ушло все мягкое и не рваное, что было в компании. На стене над ложем расположились на гвоздях Сашкино оружие, патронташ и бинокль. В небольшом проеме между печкой и стеной соорудили шкафчик для посуды. С другой стороны печки на полке встали Филькины тома Джека Лондона и Мамина-Сибиряка. Две книги мудреного философского

содержания Филька оставил все-таки себе, хотя не раз заявлял, что с книжностью навсегда покончено.

Нечего было и думать разместить всех на ночь в зимовье. Парни полезли на чердак — вместительный, хорошо обшитый по торцам и хранивший тепло от проткнувшей чердак насквозь железной трубы.

До полуночи слышался сверху их гогот и матюганье. Но ни Сашка, ни Катя не обращали на то внимания. Они были пронизаны ожиданием нового, будто только теперь по-настоящему заживут как муж и жена.

Она лежала на Сашкиной руке и слушала его фантастические планы, как превратит он зимовье в хуторское хозяйство. И легко верила всему, что должно сбыться по Сашкиной доброй воле, и ни одного сомнения не промелькнуло в ее душе...

Утром прощались долго и не без торжественности, и все никак не могли проститься. Филька, против обыкновения, ничего „не выдавал”, и был даже сумрачно молчалив; Моня по-мальчишески грустен; Степан хмур. Давали взаимно бесконечные советы, но тут же их забывали. Долго обсуждали проблему собак, хотя заранее было решено, что у Сашки останется пока только Чапа.

— Ну, если в случае чего... так... это самое... — говорил каждый.

— Понятное дело! — бодро отвечал Сашка.

Последним подошел Степан, неразборчиво прорычал что-то Сашке, тот кивнул в ответ. Потом взглянул на Катю. И она впервые прямо встретила его взгляд, теперь ей было не страшно: Сашка остается с ней, а этот непонятно-опасный человек будет жить за двумя гривами. И Степан первый отвел глаза.

Под конец палили из ружей, и Катя жмурилась и затыкала уши. Прощанье затянулось и утомило. Но вот небольшая поляна перед зимовьем опустела, рассеялся дым и запах пороха, отзвучало эхо голосов и лай собак. И двух оставшихся будто всосала в себя подступившая тишина осенней тайги.

## СТЕПАН

В то утро снегопад привалил входную дверь. Сашка боролся с завалом и напустил холоду. Катя лежала, завернувшись в одеяло, как в спальный мешок. Наконец он отвоевал у сугроба щель и протиснулся в нее. Снаружи слышался Кате шорох деревянной лопаты да Сашкино посвистывание. Надо было бы встать и затопить печь, пока он там расчистит в снегу коридор до навеса с дровами, откопает поленницу и освободит от снега окна. На растопку дрова закладывали с вечера, да под нарами всегда держался в неприкосновенности аварийный сушняк, зажигающийся от спички.

Сегодня Сашка пойдет проверять капканы, петли и ловушки. И не столько на предмет добычи, сколько из опасения потерять их. Уйдет на весь день — значит, надо вставать, готовить солидный завтрак и на дорогу набрать сухим пайком... Но страшно высунуться из одеяла, кажется, холод мгновенно схватит в колючие объятия и превратит в льдину.

А если не встать? Если сказать: „Мне сегодня вставать не хочется. Холодно!” Что будет? Ничего! Сашка согласится, сам затопит, сам сварит и приготовит себе в дорогу все, что нужно, да и ей еще в постель подаст.

И дождалась. Пока Сашка не вошел и не сказал:

„Лежиши, неженка? Холодно! Ну, лежи, лежи, я сам!”

Но она уже торопливо одевалась. Подскочила к зеркальцу, нашла себя милой и через минуту уже суетилась у печки.

Железная печурка добросовестно затрещала, заскрилась, пламя язычками запрыгало из-под каструли, оставляя на вычищенных боках хвостики сажи.

Тепло в зимовье имеет запах. Конечно, это запах горящей березы, сосны или кедра. Но всегда, растопив печь, Катя говорила вслух с радостью: „Ну, вот и теплом запахло!” Иногда, правда, этот запах граничил с духотой, и в городской квартире Катя наверняка бы стала открывать форточки и жаловаться на сердце. Но здесь сердце вовсю радовалось теплу. Особено нравилось Кате, когда можно было снять с себя все шерстяное и усесться на нарах с книжкой или просто так, ничего не делая. Было что-то чудесное в том, что кругом снег, мороз, тайга, а посередине — крохотная избушка, и в ней, в разгар сибирской зимы, сидит она в платьице без рукавов, босая, будто в другом измерении. Когда же снаружи доносился голос пурги, Катя чувствовала себя как в сказке...

Сначала ей страшно было оставаться одной. Мерещились таинственные шорохи вокруг. Но страх постепенно уступал уверенности, что все хорошо, и плохо быть не может. И только когда Сашка задерживался по темноте, запирала она дверь на крючок, ружье клала возле себя на нарах и напрягала слух до головной боли. Насколько понятной и дружелюбной казалась ей тайга днем, настолько враждебной становилась в сумерки и дышащей угрозой — ночью, словно утоньчавшей толстые стены зимовья.

Утрами, после снегопада, на прогнутых лапах

кедров и сосен снег лежал красивыми белыми сбаками, и, казалось, свистни, сорвутся они со своих лежанок и помчаться по тайге белой выюгой, и только оставленные ветки долго будут недоумен-но качаться.

По свежему снегу часто ходила она с Сашкой по тайге просто так, на прогулку. Широкие, охотничьи, обтянутые мехом лыжи-камусы не проваливались в снегу, мягко скользили вперед, и совсем легко в них шлось на подъем — лосинный мех тормозил при обратном скате.

По свежему снегу следы всякого зверя отчетли-вы и будто даже сохраняют тени своих хозяев. Сашкино толкование следов казалось Кате слиш-ком будничным. Где след соболя говорил Сашке, что тот шибко торопился, Кате он казался чьим-то каллиграфическим почерком. Беличьи тропки рас-сказывали ей о суетливой, полной забот жизни... След колонка — будто мячиком шероховатым по-играл кто-то. Глубокие рваные следы изюбря вы-зывали жалость: ей думалось, что такому крупному красивому зверю должно быть грустно и пустынно в зимней тайге. А наблюдая Сашкин азарт при встрече со свежим следом изюбря (мяса на два ме-сяца!), она никогда не разделяла его и не желала ему удачи. То же касалось поначалу и куропаток. На ночь эти шумливые птицы устраивались в снегу на полянах, а утром, почти с рассветом, Сашка не раз поднимал их в воздух, бесшумно подкравшись к ним, и клал их выстрелами влет. В первый раз Катя, присутствуя на такой охоте, будто нечаянно, попыталась спугнуть спящих птиц и была искренне опечалена, когда Сашка все же подстрелил двух взлетевших. После этого долго отказывалась ходить с ним на куропаток. Но скоро стала до отвра-щения приедаться ей тушенка и пакетные супы. И

сама она не заметила, когда впервые обнаружилось в ней радостное волнение при виде пернатой добычи. К обычному ожиданию Сашкиного возвращения стало примешиваться у нее ожидание и жажда его охотничьего счастья. Она постепенно превращалась в жену охотника. Восхищенно поглаживая свежую соболиную шкурку, она не только испытывала эстетическое удовольствие, но видела в ней и двухместное купе вагона „люкс”, и море, и фрукты, и тысячи других удовольствий, что будут сопровождать их во время будущего отпуска.

Зима в этом году выдалась снежная. Вдоль тропинок от избушки возвышались снежные валы в рост человека, а снег в отвалах так утрамбовался, что днем, когда Сашки не было, она прокапывала поперечные коридоры, превращала их в лабиринты и играла с Чапой в прятки. Иногда их, баражтающихся, заваливало обрушившейся снежной стеной. Они выкарабкивались с визгом — чей громче — не разберешь! — отфыркивались, отряхивались, и Катиному хохоту вторил по тайге игривый лай Чапы. Бывало, что такую забаву устраивали втроем. И когда Сашка набрасывался на Катю, Чапа яростно оттаскивал его. Или носился с лаем вокруг Сашки, когда тот закидывал Катю снежками.

По вечерам они читали или слушали радио, а Чапа устраивался на дальнем конце нар, где для него подворачивалась постель, и слушал ночную таежную тишину.

Никогда раньше, даже в шестнадцать, в семнадцать лет, не чувствовала Катя себя такой молодой. Во все четыре года своего замужества не подозревала в себе способности так любить.

Сашка уже затягивал на поясе патронташ, когда не по-обычному залаял снаружи Чапа. В ту же минуту послышалась возня и радостный визг нескольких собак. Катя, стоявшая к двери ближе, раскрыла ее, и в зимовье влетели вместе с Чапой Хук и Рекс. Чуть не сбив Катю с ног, они радостно заметались по избушке.

— Ребята идут! — закричал Сашка, выгоняя собак из зимовья. Он вышел, Катя поспешила за ним. Отбиваясь от собак, они взволнованно смотрели поверх сугробов туда, где слышались уже голоса и скрип лыж. Из-за деревьев вдруг показался Моня и сразу замахал руками. За ним, след в след, шли Филька и Степан. Выкатившись на поляну, все разрядили стволы, вызвав вопль собак и снегопад с ближайших деревьев. Рукопожатия и хлопанье по плечам сопровождались радостными восклицаниями, суматошным топтанием и борьбой. Собаки вели себя тоже как люди, сплетаясь в один подвижной клубок. Но вот из человечьего клубка вывернулись Сашка со Степаном и отошли в сторону. Катя увидала вдруг, как радостно Сашка схватил Степана за рукав. Она потянулась к ним, но ее отвлек Моня: показал ей большой палец и таинственно подмигнул.

— Слышишь чего! — Сашка кинулся к ней навстречу. — Михаила Иваныча брать будем!

Катя не поняла.

— Берлогу нашел Степка, понимаешь!

Сашка весь светился от радости. Катя растерялась. Но всеобщий азарт передался и ей. Не представляя еще себе, как все будет происходить, она пыталась лишь из общего разговора понять, есть ли основания для тревоги... Внимательнее всего она наблюдала за Степаном. И его хозяйствская уверен-

ность в себе совершенно ее успокоила. Более того, она даже потребовала:

— Я тоже с вами!

Никто не удивился и не ужаснулся.

— А что? А? — спросил Сашка у всех.

— Не дело, — спокойно сказал Степан, и все с ним согласились.

— Обед нам приготовишь, — примирительно сказал Сашка.

Просыпалась она или засыпала?.. Отчего такая тяжесть в груди? И боль в голове? Почему ничего не помнит? Где она? Все забыла... Но вот-вот начнет вспоминать. „Не хочу!” — кричит она и хочет вырваться, но кто-то ее держит. Она слышит голос, и лицо перед ней — очень знакомое... „Сейчас, сейчас вспомню и голос и лицо”... И снова кричит: „Не хочу!” И бьется головой о что-то твердое, и волосы хлещут ее по лицу. Но пустота незнания сразу заполняется болью и отчаянием.

Моня по-прежнему крепко держит ее за руки. Филька подложил ей под голову мокрую от снега шапку. И этот холод тающего снега окончательно вносит ужасную ясность в сознание.

— Сашенька! — кричит она, вырываясь из Мониных рук и бросаясь к нарам. На этом месте она только что потеряла сознание.

— Не кричи! — властно обрывает ее Степан и отстраняет от нар.

— Как же это, Филька?! — говорит она шепотом, обводя всех измученным взглядом.

— Два их там оказалось... — тихо отвечает Филька, не глядя на нее, — одного уложили, а тут второй...

— Но почему Сашка?! А вы? Разбежались?

Она подступает вплотную к Фильке и, кажется,

ся, вот-вот вцепится ему в лицо. Филька смотрит ей в глаза.

— Нет, мы не разбежались.

— Хватит! — раздается за ее спиной окрик Степана. Она мгновенно оборачивается.

— Ты чего командуешь? Там надо было командовать! Ненавижу! Уходи отсюда!..

Обезумев, она хватает Сашкин ремень и замахивается на Степана. Но ее руку перехватывают то Филька, то Моня, и она в отчаянии хлещет их обоих, пока Филька, изловчившись, не обхватывает ее крепко и бесцеремонно. Гнев и боль сменяются апатией. Обессилев и охрипнув, Катя повисает на Филькиных руках, захлебываясь беззвучными слезами.

Сашка не приходил в сознание. Ему смыли кровь с лица. Как могли, перебинтовали голову. Но не эта тяжелая рана приводила друзей в ужас, а сломанное ребро, проткнувшее кожу и высунувшееся наружу. Малейшее движение причиняло Сашке боль. Кровотечение ослабло, но возобновлялось при каждом движении тела. Сашка дышал ртом, и вздоху вторил глухой хрюк в покалеченной груди.

Если б сразу обнаружили эту рану, скорее всего понесли бы Сашку не в зимовье, а на базу. Оттуда — на пятнадцать километров ближе к тракту. Теперь же и думать нечего было. Растряянность овладела всеми.

Степан опомнился первым.

— Лазуритка! — сказал он вдруг, будто самому себе.

— Лазуритка! — громко повторил Моня.

— Это — мысль! — одобрительно подтвердил Филька.

— Что? — спросила Катя.

Присмирев, она сидела теперь около Сашки, держала его за руку и незаметным движением прослушивала пульс, неровный и тревожный.

Никто не ответил ей. Все думали.

На четвертой гриве от Пихтача, в сторону гольцов Хамар-Дабана, геологи вели опытные разработки лазурита. Там был врач, вертолет и рация. Летом туда вела еле заметная тропа.

Зимой от нее не оставалось и следа. Если направлять, как по воздуху, — километров двадцать пять. А тут три гривы — три тяжеленных подъема, четыре спуска по сугробам и бурелому... Под силу это было только Степану. И Моня с Филькой смотрели на него, не смея ничего предложить.

Степан взглянул на часы:

— Половина первого...

И все молча прикидывали, успеет ли он до темноты добраться к геологам.

— Если налегке... — пробормотал Филька.

— Конечно, налегке... — Степан кусал губы и подергивал бородой.

Катя тоскливо переводила взгляд с одного на другого и больше не спрашивала. Мужчины искали выход. Мужчины принимали решение. И она только желала, чтоб это решение — любое! — скорей превратилось в действие, потому что бездействие было как приговор без помилования...

— Мясо... сухие носки... — сказал Степан.

И все заметались по зимовью. Степан внес в избушку камусы, тщательно осмотрел их.

Катя робко суетилась, заглядывая ему в глаза и пытаясь что-то сказать. Степан не замечал ее, еще и еще мысленно прикидывал он шансы на успех.

Прошло не более получаса, как стонущего Сашку внесли в зимовье. И вот Степан уже стоял на камусах с рюкзаком и „тезовкой” за плечами. Напутст-

вий не было. Лишь в короткой паузе застыли все на снегу возле зимовья. Потом — глубокий вздох из Степановой груди и первый толчок, сорвавший его с места. И Степан бросился навстречу километрам занесенной снегом тайги, как нырнул с разбега в белое марево. Вслед ему сочувственно покачались задетые им на ходу ветки молодых кедров.

Катя кинулась в зимовье, вцепилась в Сашкино запястье. Пульс был все так же неровен, дышал же он чуть спокойнее, хрип слышался тише, на щеках и лбу выступил легкий румянец. Закрытые веки стали вздрагивать, как у просыпающегося. Моня с Филькой замерли за спиной у Кати. Сашка открыл глаза. Катю поразило их выражение. Казалось, что Сашка просто крепко спал и просыпался с трудом. В глазах боли не было. Но едва он пошевелился, как гримаса боли искривила лицо. Удивление и беспокойство отразились в глазах. Румянец мгновенно исчез, лицо побелело, и всем показалось, что Сашка сейчас снова потеряет сознание.

Но он спросил спокойным, твердым голосом:

— Как все кончилось?

Филька, отстранив Катю, склонился над ним.

— Порядок... Обошлось... Второго взяли... Помял тебя малость...

— Грудь больно... — так же отчетливо сказал Сашка.

— Терпи, Сашенька, — залепетала сквозь слезы Катя, — терпи, миленький, Степан ушел...

— На Лазуритку! — вставил Моня.

— Ты не шевелись, лежи спокойно... Хочешь чего-нибудь?.. — робко спросила Катя.

— Пить! — торопливо шепнул Сашка.

Моня метнулся за водой, и Катя осторожно влила Сашке в рот несколько глотков. Закрыв глаза и скжав челюсти, он несколько минут лежал молча.

- Больше никто?.. — спросил, не открывая глаз.
- Хука задрал... — выскочил Моня и тут же получил пинок от Фильки.
- Хук?! — открыл глаза Сашка. — Хук! — повторил он. — Совсем?

Филька кивнул.

О том, что Чапу тоже пришлось застрелить, никто не заикнулся.

— Чего плачешь? Заживет... как на собаке...

Катя ощутила движение его руки. Сашкино слабое рукопожатье вселило в нее надежду в счастливый исход, который теперь целиком зависел от Степана. Она вдруг почувствовала угрызения совести и торопливо попыталась исправить свою ошибку.

— Это Степа медведя застрелил, который...

Ей было досадно, что она накричала на Степана.

— Степка — человек!.. — Сашка поморщился. — Больно в груди... что там?

Катя беспомощно обернулась к Фильке. С наигранной беззаботностью он сказал:

— Ребро треснуло. Ерунда! Пятнадцатиминутное хирургическое вмешательство и — порядок! Ты, брат, крепись, а то жену свою в больницу уложишь... Мы ее тут еле-еле откачали. Как она тебя увидела...

Филька нашел верный ход к мужеству приятеля.

Теперь стала сказываться потеря крови...

— Хука жалко... — шепнул Сашка и закрыл глаза: то ли заснул, то ли снова впал в забытье...

День тянулся тоскливо и вяло. Один за другим выходили они из зимовья и подолгу смотрели на ту — четвертую — гриву, куда по нехоженным сугробам пробирался Степан. Когда стемнело, ожидание сменилось беспокойством — успеет ли? не заблудится ль? Зимняя ночь светла, но ориентира не

увидишь. Отклонишься чуть в сторону и пройдешь в сотне метров мимо...

Несколько раз Сашка приходил в себя и даже шутил, но к вечеру поднялась температура. Он часто просил пить, и никто не знал, можно ли давать, а если можно, то сколько...

Катя сменила повязку на голове. Кровь на ране запеклась, но стоило тронуть бинт, и рана снова оживала. К груди она даже не прикасалась.

Полная темнота наступила, казалось, раньше положенного. Моня долил в лампу солярки, прочистил стекло. Филька топил печь и готовил ужин — суета скрадывала время.

Катя то проверяла Сашкин пульс, то температуру, поднося ладонь к его, а потом к своему лбу.

Тихо, будто с собой, она говорила:

— Все было слишком хорошо... Я все думала, откуда чуять беду... Разве обязательно, чтоб беда приходила?

Филька и Моня молчали.

— Были же люди, жизнь которых от дня рождения до смерти была без бед? А чем они заслужили такое?

Оба молчали.

— Ведь это же случайно, — да? — что там оказалось два медведя? Ведь редко бывает? Тогда, значит, надо всю жизнь жить в тревоге, ожидая случайности? Страшно жить. Нигде нет гарантии от случайности. И наверное, чем счастливее человек, тем страшнее для него случайность! А самые счастливые — они ведь должны жить в вечном страхе за свое счастье? Но если страх — разве это счастье? Какой дурацкий круг... а счастье не в круге... за ним... Ты вот счастлив, Филька?

— Не знаю, что это такое, — уклонился Филька.

— А я вот в любую минуту могу твердо сказать,

счастлива или нет. Или это не счастье, когда по минутам?..

— Пожалуй, — сказал Филька. — Счастье — это что-то устойчивое во времени... но, знаешь, это, в общем-то, пошлая тема.

Катя обидчиво замолчала.

— Катя! — умоляюще зашептал Моня. — Спроси меня, я тебе точно скажу!

— Скажи, — повернулась она к нему.

— Счастье — это когда тебе хорошо! Вот тебя спросят — тебе хорошо или плохо? А ты подумаешь и если скажешь, что хорошо, это и есть счастье.

Катя слабо улыбнулась.

Моня протиснулся между столиком-пнем и чуркой, подсел на корточках около Кати.

— Слушай, ты с ним разговариваешь, как с умным! Он и вправду грамотный, не то, что я. Но он дурак! Честное слово! Он тупой, как капкан! Нажмешь на собачку, пружина щелкнет! И все! У него пружины вместо мозгов. Слушай, ты м е н я спрашивай! Увидишь, я лучше его скажу, потому что я тебя понимаю, а у него на ушах книжные обложки висят, он никого не понимает.

Зашевелился Сашка и застонал. Катя вся подалась к нему.

— Моня, — прошептал вдруг Филька. — Я на тебя не обижаюсь! Ты гораздо более прав, чем думаешь!

— Конечно! — шепотом ответил Моня. — Она же тебя уважает, ее пожалеть надо, а ты цитаты выдаешь, как автомат сиропный.

Катя обернулась.

— Не ругайтесь!

Моня задышал ей в затылок.

— Мы с Филькой никогда не ругаемся. То есть, я иногда ругаюсь, а он никогда. Ты не бойся...

— Ладно, тише. Пусть он спит!

Осторожно выпустив Сашкину руку, она снова повернулась к ним, обняла Моню за плечи.

— А я верю, что Степан дошел! Он настоящий мужчина, правда ведь?

— Дубняк! — не без зависти согласился Моня

— А ты бы, — она тронула Фильку за руку, — ты бы мог объяснить мне все это раньше?

— Что?

— Что Степан просто настоящий друг Сашки...

— А разве Сашка тебе этого не объяснял?

— Да чего ж тут объяснять! — вмешался Моня.

— Подожди, Моня, Сашка — это одно... А ты тоже ведь мог...

Филька молчал, прищурившись на свет лампы. Фитиль прогорел, язычок пламени дергался и мигал, гоняя по стенам странные тени.

— Подрежь фитиль, — сказал Филька Моне.

— Понимаешь, — обратился он к Кате, — у меня такое убеждение: никогда не следует насиловать чужое мнение. На него можно только тогда влиять, когда оно готово для влияния. Человека можно только тогда в чем-то убедить, когда он сам этого жаждет... И не надо людям мешать быть такими, какими они хотят быть. Пусть у них повышается ответственность и развивается самостоятельность. Я — за мирное сосуществование со всеми. И это, кстати, — единственный способ оставаться самим собой. Тогда избегаешь посягательств на твою личность. Более всех подвергается агрессии тот, кто сам агрессивен. Разве ты не замечала, что активные доброжелатели имеют наибольшее число личных врагов! А самые милые — ленивцы. И я вот вовсе не резонер, как ты думаешь, а просто ленивый человек. — Филька задумался. — Знаешь, почему я убеждал, так сказать, от цивилизации? Потому что там на каждом шагу нужно делать выбор — между

мнениями, людьми, средствами, целями, а это — суэта! Говорят, что свобода — это свобода выбора. Ерунда! Свобода — это свобода от выбора! Когда каждый шаг продиктован необходимостью. Только такая жизнь нормальна и естественна! Слышала анекдот про осла, который подох от голода между двумя копнами сена?

Катя внимательно слушала.

— Гегель говорил, что свобода — это познанная необходимость. Чепуха! Свобода — это железная необходимость. И тогда она снимается как необходимость, тогда ее и познавать не нужно! Ты хочешь что-то сказать?

Катя пожала плечами.

— Ты, как всегда, в чем-то глубоко неправ. Не знаю, в чем. Если б ты говорил попроще, я, может быть, и поспорила бы с тобой...

— Гегель говорил, что простота и ясность — свойства наиболее примитивных мыслей. Смотри, — подтолкнул он Катю. — Моня созрел...

Моня спал, уронив косматую голову на руки.

— Между прочим, перед тобой тот самый Иванушка-дурачок, который в сказках часто становится Иваном-царевичем.

— Ну зачем ты так? — Катя огорчилась.

— Ты не поняла. Я хорошо сказал о нем.

Поколебавшись, она спросила:

— А что ты думаешь о Сашке?

— Ну как я тебе отвечу, — усмехнулся Филька, — когда в твоем вопросе уже явная агрессивность: попробуй, дескать, сказать плохо!

— А ты можешь сказать о нем плохо? — глухо выговорила она.

— Я никогда ни о ком не говорю плохо, потому что о каждом, не греша против истины, можно сказать хорошо.

- Скользкий ты однако...
  - А вот ты говоришь нехорошо, — укорил он, и не без обиды. — Филька помедлил, но от высказывания не удержался. И хотя говорил ворчливо, но охотно.
  - Сашка еще не живет, он пока только играет в жизнь...
  - Не понимаю!
  - Он считает себя кондовым таежником, а никогда им не станет.
- Катя была поражена. То же самое говорила ведь Сашкина тетка.
- Профессионалы-охотники — это люди с травмированной психологией. Представь себе картину: на поляне от меткого выстрела падает смертельно раненная коза. К ней подбегают два человека, один всаживает ей в горло нож, другой подставляет складной стаканчик, и они по очереди пьют горячую кровь... А у козы еще живые глаза, они смотрят в эти глаза и пьют кровь! А потом...
  - Что ты говоришь! — ужаснулась Катя.
  - Подожди, еще не все. Потом они вырезают из ее еще теплого, еще живого, еще в судорогах тела селезенку. И тут же съедают. Вот что такое настоящие охотники. А тебе разве никогда не приходилось видеть, как Сашка добивает раненых рябчиков или куропаток? Так я тебе расскажу. Он берет дергающуюся птицу за ноги и бьет ее головой об дерево.
  - Перестань! — взмолилась Катя.
  - Нет, я докончу мысль! — жестко продолжал Филька. — Так вот, с одного удара рябчик может не умереть. У него в судороге изгибаются шея и весь он трястется мелкой предсмертной дрожью, трястется каждым перышком, раскрыв клюв, полный крови. Еще один удар — и голова повисает. Рябчик попадает в рюкзак. Понимаешь, для охотника все

живое — как бы незавершенное состояние. Как ты считаешь, это нормально для человеческой психики?

Катя сидела, зажав лицо в руках.

— И Сашка тоже все это делает?

— Не в том суть. Он помнит каждый такой случай. Раз помнит, значит, не привык. Спроси Степана на этот счет. Он только пожмет плечами. А Сашка помнит, и если будешь просить, чтоб рассказал, — не станет. Будь он охотник, за эти годы уже бы привык. Человек быстро привыкает к жестокости. А он живет по Джеку Лондону. Романтика плюс хмель молодости и силы!

— Ты считаешь, что Сашке надо уходить из тайги?

— Это уже просьба о совете, а советов я не даю! — резко ответил он.

— Сашкина тетка тоже считает, что он не охотник.

— сказала Катя.

Филька согласился.

— Что ж, значит, она такая же умная, как и я. Впрочем, я знаком с ней. Трезво мыслящая женщина!

К утру Сашке стало хуже. Температура ползла вверх, участился пульс. Сашка стонал.

Стекло в окошке светлело медленно и неохотно. Все ждали утра и боялись его. „Дошел ли Степан?” Этот вопрос был у каждого на языке, но вслух не произносился.

Моня с Филькой молча топили печь, готовили завтрак. К Кате не обращались. Она застыла вся в ожидании у Сашкиного изголовья. За ночь она не сомкнула глаз. Катя больше не плакала и не кусала губ, когда Сашка стонал или бредил. Она только сжимала его руку, будто верила, что может передать ему свои жизненные силы; что пока сжимает

запястье, пульс не сбьется на аварийный ритм, хотя давно уже держится на грани этого...

Под разными предлогами Филька и Моня выскакивали из зимовья и подолгу глядели в ту сторону неба, откуда ждали вертолет. И оба просмотрели.

Рокот услышали все сразу, на мгновенье замерли, затем опрометью кинулись наружу. Вертолет шел низко, но... проходил мимо!

— Куда же он! — отчаянно крикнула Катя.

— Он что там ослеп, сволочь!? — завизжал Моня и кинулся на середину поляны, размахивая руками и ругаясь.

— Филька, почему?.. — простонала Катя.

Тот, не отрываясь, следил за удалявшейся стрекозой, потом радостно воскликнул:

— Круг дает! Все в порядке!

Действительно, вертолет чуть накренился и пошел кругом в их сторону, а затем стал резко снижаться.

Снежный вихрь на поляне ослепил встречающих. Вертолет коснулся лыжами снежного сугроба, будто проверял прочность его, а затем осторожно доверился ширине своих лыж-лодок и мягко присел на снег.

Первым вывалился из открывшегося люка Степан в обнимку с камусами. Спрыгнув, он тут же провалился выше колен в снег. Так же, проваливаясь и застревая в сугробах, кинулись к нему на встречу Моня и Филька. Катя стояла, вытирая слезы то ли от снежного вихря, то ли от радости. Но радость была тревожна.

Врачом оказался мальчиш카, видать, вчерашний студент. За все время пребывания в экспедиции, возможно, это был первый случай использования его по прямому назначению. Был он страшно важен и немногословен. Тщательно мыл руки, словно ис-

пытывал терпение всех; тщательно вытирая их, сосредоточенно разглядывал инструменты в своем походном чемоданчике — он готовился квалифицированно оказать помочь столь романтично пострадавшему. Но, увидав торчащее Сашкино ребро, беспомощно захлопал ресницами и разочарованно, даже с обидой сказал:

— Операцию нужно. Срочно. Везти надо.

— Представьте себе, мы тоже об этом догадались, — мстительно съязвил Филька.

Катя торопливо собиралась. Пилоты заглянули было в зимовье, но увидев, что там и без них повернуться негде, вернулись к вертолету. Врач ушел готовить лежанку для больного. Степан сидел на чурке около печки и молча пил чай, словно не имел к происходящему никакого отношения. Про него и вправду за сборами и суетой забыли.

Вернулся с носилками врач. Увидев рюкзак и чемодан, спросил:

— А это что? Куда я их дену?

— Как куда? — удивилась Катя. — Я с ним лечу, а здесь все необходимое!

Парень замялся.

— Пилот не возьмет больше никого — вертолет перегружен.

— Как не возьмет? — в ужасе прошептала Катя. — Я его жена! Я должна быть с ним!

Филька подошел к врачу.

— Ей нельзя здесь оставаться! Что она здесь делать будет?

Врач развел руками.

— Поговорите с пилотом, я-то что! Мне все равно! То есть, я не против!

Катя кинулась к вертолету, у которого на хвостах лыж присели пилоты.

— Послушайте, это мой муж! Я должна лететь с ним!

Пожилой бородатый пилот посмотрел на нее и сплюнул окурок в снег.

— Отпадает! Я везу образцы. Даже вещей никаких не возьму!

— Но я же не могу здесь оставаться! Я должна с ним! Я легкая! Пятьдесят килограмм!

Она села на снег и громко заплакала. Мужчины растерянно пытались поднять ее и усадить на лыжку. Но она вырывалась и кричала: „Я должна! Я должна!” Тот, что постарше, быстро направился к зимовью.

— Слушайте, парни, — сказал он, заглядывая внутрь. — Мы ее все равно не возьмем, заберите ее, она там ревет. Начальник напихал породы под завязку — запас не больше девяносто килограмм. Как раз на одного человека. Не можем!

Почти на руках Моня с Филькой притащили кричавшую и отбивавшуюся Катю в зимовье.

— Завтра выйдем на тракт, посадим в машину, и проедешь к нему, — уговаривали они ее. Но она ничего не хотела слушать.

— Что случилось? — услыхали все вдруг тихий голос Сашки.

Катя метнулась к нему.

— Не берут меня! Увозят тебя! Сашенька, как же!

— Увозят?..

— Степан с Лазуритки вертолет пригнал. Отправляем тебя, — пояснил Моня.

— А как же Катя?

Сашка говорил с трудом. Глаза его были мутны. Губы пересохли. Степан подошел к изголовью.

— Завтра и выведем на тракт. Попутной отправим в Кедровую. Оттуда до района поездом доберется. Вертолет у них перегружен. Не возьмут.

— Степка, не оставляй ее! Езжай с ней до Кедровой! — попросил Сашка.

Катя плакала, припав щекой к Сашкиной руке.

— Давайте грузиться будем, — робко сказал врач. — Потерпите, пожалуйста! В машине я вас удобно устрою... Долетим быстро!

Развернули брезентовые носилки. Доктор со Степаном держали их, пока Моня с Филькой осторожно перекладывали Сашку. Тот не стонал и, оставаясь в сознании, лишь зубы сжал до скрипа... Надели на него шапку, укрыли полуушубком, ноги закутали телогрейкой. Валенки положили на носилки около ног.

Катя сгорбилась над носилками, загораживала дорогу и лепетала: „Ну как же так? Как же? Боже мой!”

Ее наконец отстранили. И носилки поплыли из зимовья. Она шла рядом, без телогрейки, спотыкаясь и зачерпывая валенками снег. Когда втаскивали в вертолет носилки, они накренились, и Катя закричала в испуге, хватаясь за ручки... Но вот носилки исчезли в темном зеве машины. Врач, прощаясь с Катей, сказал сочувственно, почти извиняясь:

— Все будет хорошо! Операция несложная. Если бы не потеря крови... Через месяц будет здоров. А вы приезжайте... Извините уж, что так получилось. Нельзя перегружать машину — упасть можно...

Глотая слезы, она с отчаянием, с ужасом смотрела ему в лицо и все еще не могла поверить, что остается.

На поляне снова взвихрилась выюга. Филька крепко держал Катю.

Завыл, залаял привязанный Рекс. Вертолет поднялся выше деревьев, застыл на мгновенье и стал отваливать вправо, набирая высоту.

Катю привели в зимовье.

— Так, значит, — сказал Степан. — Сейчас идем до базы. Там ночуем. А завтра — я с ней на тракт.

— Чего здесь делать? — Моня тоскливо огляделся.

— Может, все и выйдем? Деньжат малость есть, покантуемся с месяцем около Сашки... Потом наверстаем...

— Я вернусь, — сказал Степан.

— Понятно, ты ж сторож. А нам нечего терять, а, Филька?

— Можно, — согласился тот.

Все повернулись к Кате. Она безучастно сидела на нарах.

— Пойдем на базу, Катя, — тихо попросил Моня.

Она покачала головой.

— Не могу...

— Надо идти, — сказал Степан.

— А если не могу? — равнодушно ответила она.

— Чего делать-то, а! — заволновался Моня. — Отдохнуть ей надо!

— Не дойдет, — подтвердил Филька. — Ночь не спала.

— Ладно. Вы идите, топите, ужин готовьте!

— А ты? — ревниво спросил Моня.

Степан колюче уставился на него.

— Останусь с ней. И приведу, когда сможет идти, понял?

— Собирайся, потопаем! — Филька перебросил Моне его полушибок.

— Ну, вы... это... приходите... — пробормотал Моня, глядя на Катю.

Та никак не реагировала на их уход. Моня огорчился.

На улице нервным лаем заходился Рекс. Степан вышел проводить друзей, цыкнул на него, и пес

притих. Захватив охапку дров, Степан вернулся и грохнул их на пол.

Катя очнулась.

— Я лягу... — сказала она.

— Ложись.

Степан покрыл ее полушибком.

Ей снилось, будто стоит она не то в поле, не то в пустыне, а кругом — пересохшая земля, растрескавшаяся правильными ромбами. И похожа она на паркет. Небо над ней затягивается черно-синими тучами, они сцепляются друг с другом, сливаются, и в этом слиянии она чувствует мерзкую похоть. Хочет отвернуться, но куда ни смотри, везде то же — соловокупляющиеся черно-синие тучи, а под ногами паркет иссохшей, издыхающей земли. А трещины между ромбами — словно разинутые рты, почерневшие от жажды...

Катя проснулась от духоты. Степан перестарался — перетопил. В окнах темно. Значит, проспала весь день. Вспомнила все, подумала, что Сашке, наверно, уже сделали операцию. Подосадовала, что пропала день, когда могла бы уже выйти из тайги, а завтра была бы с Сашкой. Почему не могла вчера уйти на базу?..

Степан сидел на чурке, локти на столе-пне, рубаха навыпуск, борода лежала на локтях, будто приросла к ним. Он вроде бы дремал, потому что в ту минуту, что она смотрела на него, не пошевелился ни одним мускулом.

— Степа! — окликнула она. Он медленно поднял голову и показался ей сонным.

— Степа, отвернись, пожалуйста, я встану... — попросила она.

Степан вяло развернулся на месте, голова его

опустилась, он ссугулился. И только сейчас Катя заметила на столе бутылку. „Откуда? — подумала она и догадалась: — у геологов достал”. Она понимала, чего стоила ему „прогулка” на Лазуритку, этот марш-бросок через три гривы по зимнему бездорожью. Степан казался ей великаником, героем. Совсем было вспоминать о неприязни к нему. И причесываясь, она думала над тем, как лучше всего загладить свою вину перед Сашкиным другом. Катя подошла к нему, положила руки на его крупные, твердые плечи.

— Степа, ты поспи, я уже выспалась, посижу.

Под ее руками они дрогнули и будто от тяжести пригнулись. Он повернул голову к ней, и она — с обидой на себя — опять подумала, как неприятен его взгляд, глаза, все его лицо, мускулистое и грубо... Подавляя в себе это чувство, она постаралась как можно нежнее, чтоб не обидеть своей неприязнью, обнять за плечи и сказать:

— Ты представить себе не можешь, Степа, как я тебе благодарна!

Он дохнул на нее водкой. Она отпрянула, едва сдержав отвращение.

— Да ты совсем пьяненький! — сказала она как можно приветливее. — Пойдем я уложу тебя, и ты спи, сколько спаться будет! Ну, пойдем!

Она попыталась его поднять, но он медленно и грузно поднялся сам.

„Господи! — подумала она. — Какой же противный у него взгляд! Хоть бы лег да заснул...”

— Ну, Степочка, иди, ложись! Тебе обязательно надо поспать, а то...

Она не договорила. Ее руки вдруг оказались в железных клещах, и она не вскрикнула только потому, что его взгляд парализовал ее.

— Курва! — выговорил он отчетливо. — За мужика меня не считаешь!

— Степа! ты что? Степа! — в ужасе пролепетала она.

Сжав ее руки выше локтей, он приподнял ее, как пушинку, и швырнул на нары. Она больно ударила локтями. Перекошенное бородатое лицо на висло над ней, и рука толстыми стальными пальцами сначала вцепилась ей в подбородок, потом судорожно рванулась на грудь...

Рывком, резким и яростным, он разорвал на ней все, и в мгновение она оказалась обнаженной.

Способности мыслить, просто думать, она лишилась. Остались только ощущения. Что-то немыслимое, нестерпимое, постыдное и жестокое делалось с ее телом. Руки, плечи, грудь, губы, шея, ноги — все кричало от боли, но она не могла произнести ни звука, горло застыло в немоте. Осталось лишь сознание непоправимости происходящего. Боль глушила и рвала эту — единственную — ниточку сознания, и она, словно пятась в темноту, провалилась в бесчувствие...

Когда открылись глаза, первое, что она увидела рядом с собой, — было очень знакомое и приятное. Это ч т о - т о было нежно-голубого цвета. Она стала припоминать, что же это такое? И догадалась наконец: это была ее любимая комбинация, которую она купила в прошлом году на барахолке в провинциальном городке. Витенька был приглашен туда на гастроли. Была весна, городок стоял весь в белом пуху яблонь и черемух. Витенька имел там большой успех...

Но почему комбинация лежит на подушке? И что это: только лоскут?.. Она вдруг почувствовала боль. Сначала на губах — облизнула их и ощутила

привкус крови. Затем боль стала просыпаться то там, то тут. Все тело оказывалось сплошной болью.

Внезапно, будто кто-то рывком сорвал с ее памяти пелену, она вспомнила все, все сразу, одной общей картиной: и схватку Сашки с Витенькой, и брод через Ледянку, и Сашкину рану, и безумное лицо Степана...

Степан снова сидел на чурке у стола-пня, но был раздет — в нижней рубахе, расстегнутой до пояса. Катя смотрела на его волосатую грудь. Лица не было видно, только борода торчала из-под ладоней, сжавших лицо, и сливалась с волосатой грудью. Казалось, что она до самого пояса разметалась по рубашке. Бутылки на столе не было.

Тут она увидела себя: она лежала голая, на ноги и живот наброшены были тряпки — все, что осталось от комбинации и платья. „Прикрыл, — подумала она равнодушно. — А что же теперь? Теперь? Надо умереть...”

Необходимость умереть так отчетливо встала перед ней, что она почувствовала, что умирает. Нестерпимая жалость к себе вдруг охватила ее, слезы полились из глаз, текли по щеке и собирались на подушке возле уха холодной влагой.

Превозмогая боль в плече, она вытерла слезы. Услышав шорох, Степан раздвинул ладони. Она смотрела на него внимательно, без удивления замечая, что ненависти к нему не испытывает, потому что исправить ничего уже нельзя. И ее охватило полное безразличие. Не человек сидел перед ней, а — судьба, вот таким образом перекроившая ее счастье.

И не ему и не себе, а как вопрошают судьбу, не милостивую и слепую, она сказала:

— Что ж ты наделал. Дурак.

Ладони его сдвинулись снова, лица не стало, но движение это было уже человеческим.

— Теперь мы оба должны умереть, — сказала она. Ладони не пошевелились.

Он поднялся. И она с вспыхнувшим омерзением увидела, что он в кальсонах, и завязки болтаются по полу. Тут же вспомнила, что и сама лежит голая. Но желания прикрыться у нее нет. Теперь — все равно...

Он подошел к нарам. Стал напротив. Лицо было мрачно, но кроме мрака, что-то было на нем.

— Ты теперь мне жена... — сказал он хмуро и не совсем уверенно.

Она слабо усмехнулась.

— Для меня, — сказала она, — это все равно, что быть женой твоего кобеля.

Он ударил ее наотмашь по лицу одной рукой, потом другой. Еще и еще раз. Она закричала и попятилась в угол. А он хлестал ее, и после каждого удара ей казалось, что голова ее отрывается. Она ударилась головой о бревна и так пронзительно вскрикнула, что он запнулся, задыхаясь и облизывая губы. Рука его замерла в замахе.

— Ты... еще повторишь?! — прохрипел он.

— Нет! Нет! — кричала она, закрываясь руками.

— Кто ты мне теперь? — спросил он свистящим шепотом, склоняясь над ней.

— Жена! — торопливо выкрикнула она, вдавливаясь в стену зимовья.

Он схватил ее за руку и подтянул к себе.

— Умереть хочешь? И умрешь! Когда я захочу! А пока — жена мне! И иметь буду, когда захочу, а ты с радостью...

Она кивала головой и молча молила, чтобы он только отошел, только б не бил ее, потому что эта

смерть — страшная и мучительная, не та, которой она хотела...

Он швырнул ее на нары, и она тихо заскулила. Некоторое время он стоял над ней, потом рявкнул:

— Перестань!..

Она вздрогнула.

— Ну! — повторил он.

Она поспешно закивала головой, не справляясь с дыханием и слезами.

— Оденься и умойся! — приказал он и, отойдя к печке, отвернулся.

Она, испуганно всхлипывая, с трудом сошла с нар, вытащила чемодан и торопясь стала надевать на себя что попадалось под руку. Умывальник был за печкой, и чтоб перейти туда, нужно было попросить его посторониться. Он стоял и не шевелился. Она взглянула на стену напротив. Сашкино ружье! Заряжено, как всегда. Но ей не успеть! Нож выдернуть из ножен она бы успела, да разве одолеть эту спину, этот панцирь под рубашкой... А если — в шею? Филька об охотниках говорил — из шеи козы пили кровь. Нет. Не сможет она убить... А он — убьет ее. Рано или поздно. Так пусть уж сразу!

Она двинулась. Откуда появилась в ней твердая готовность умереть? Ведь она только что дрожала от страха! Надо его разозлить. Сильно! Она почувствовала даже нечто вроде азарта. Она понимала, что вся избита, что сейчас — в нервном шоке — не чувствует еще боли. Но боль ее ждет. Она успела увидеть багровые пятна на своем теле, а вкус крови во рту уже не ощущался — она глотала ее как слюну.

Она боялась стерегущей ее боли, потому что не для чего было терпеть.

Надо было придумать, как разозлить его, но ни сил, ни терпенья не оставалось. Схватив первое,

что попалось ей под руку — пустой котелок, — она швырнула его Степану в голову.

От неожиданности он ткнулся вперед, выкинув руки, но тут же мгновенно обернулся к ней.

— Скотина! — радостно крикнула она. — Сволочь! Подонок! Ублюдок! Ну!

Она подступала к нему, подставляя лицо, отведя назад руки.

— Давай! Убивай, ублюдок! Ну!

Уже дернулась рука его для страшного удара, но тут она плонула ему в лицо. И рука, вместо удара, судорожно вытерла кровавый плевок со лба. Он отступил на полшага. Замешательство и растерянность были на его лице.

— Что же ты, гад!! — отчаянно кричала Катя. Она знала, что умереть ей надо сейчас, потом не хватит сил, и все станет еще хуже, чем есть...

— Трус! Паршивый трус! Сволочь! Чего же ты?!

А он уже не отступал, — некуда было, — он отталкивал ее обеими руками. И она с ужасом поняла, что он сломался. Но жажда смерти все еще владела ею: она бросилась к стене, выдернула нож, но ударить себя не успела — он так сжал кисть руки, что нож выпал на пол.

Она билась в его руках, колотила головой по лицу, пинала ногами — он словно ничего не чувствовал, стоял, как вкопанный, держа ее в обхват, и только сопел...

Через несколько минут она выдохлась. Он положил ее на нары и, опасаясь новой вспышки, долго стоял рядом. Она же не просто выдохлась: из нее ушли силы, слезы, мысль... Лежала с открытыми глазами, почти не мигая, не шевелясь, ничего не чувствуя.

Что это? Который час? Она снова видит человека за столом, локти на столе, лицо в ладонях. И борода все так же... И рубашка расстегнута. Сейчас она снова закричит на него, а он станет бить. Она будет ползать по нарам, заливаясь кровью... Это было? Будет? Он сидит как в прошлый раз. И она лежит так же... Нет. Она одета. Значит — это было. Страх отступает. Наступает боль.

Он поднял голову на ее стон. Она не просила пить, но он подносит кружку к губам. И она пьет долго и жадно, хотя ей кажется, что пьет кровь. „Свою можно”, — думает она.

Лампа чадно коптит прогоревшим фитилем, в окна вставлена белая бумага. Или льдины? Или рассвет?..

Она допивает последний глоток и смотрит ему в глаза. Ей жаль его, но странной жалостью — так жалеют покойников.

Возвращается боль в разбитых губах, и истерзанном теле.

— Избил-то за что? — спрашивает она.

Степан поджимает губы и уносит кружку.

— Не зря же я сразу тебя невзлюбила, — говорит она равнодушно.

Он молчит.

— Так что ж делать будем? — спрашивает она тихо.

Не поворачиваясь, Степан отвечает:

— Как сказал. Женой будешь.

Она помнит, что ответила в первый раз. И сейчас страха нет. Но не надо.

— Выведи меня. Я уеду.

Сбоку, искоса, он посмотрел на нее.

— Засудить хочешь?

— Что? — не поняла она. А поняла — удивилась. Ведь и в голову не пришло. Себя пыталась засудить — не вышло.

— Выведи. Сашка вернется — убьет тебя.

— Или я его, — ответил он спокойно.

„Убьет, — подумала она. — Что делать?” Но делать ничего не хотелось. Даже страх за Сашку не мог разбить ее равнодушия. И хотя просила Степана вывести, идти тоже не хотелось. Не хотелось ни жить, ни умирать.

— Женой будешь, — снова сказал Степан. — Не обижу.

— Невозможно, — сказала она. И почувствовала даже сожаление. Если бы это было возможно... Если бы хоть капля чувства у нее к Степану была... Она сочла бы это за выход. Ведь какой-то выход должен быть?

— Посмотрим, — пробурчал Степан. — Лежи. Пойду собаку накормлю.

Он оделся, взял котелок, вышел.

Катя расстегнула пуговицу на платье. Багровое пятно расползлось по груди. Дотрагиваться больно. „Рак груди может быть, — подумала она без страха. — Больно ли умирать от рака?” О Сашке думалось как о чужом. Когда-то был своим, был радостью и счастьем, но потерян по прихоти случая. И примирение с потерей — неизбежность и лучший выход.

Вернулся Степан.

— Есть хочешь?

— Хочу, — ответила она и удивилась, что хочет есть и говорит об этом погубившему ее человеку.

Весь день Степан хлопотал по хозяйству. Катя лежала, иногда коротко уходя в сон. Но наваливались кошмары, и усилием воли она снова вырывалась из сна.

Степан заговаривал с ней, но она делала вид, что спит. Он не настаивал.

Прошел день. Прошел вечер. К ночи Степан разделялся, погасил лампу и сказал в темноте:

— Двигайся.

Она пододвинулась. И когда он порывисто засопел, и руки его, причиняя боль, поползли по ее телу, она безучастно подумала: „Теперь все равно. Это уже — не жизнь...”

Моня с Филькой добрались до базы быстрей, чем думали. Шли по своей же лыжне, накат был хороший. Когда шли к Сашке, выбрали удачный вариант спуска с грив, поэтому подыматься теперь было легко. На базе сначала собрали все необходимое для выхода из тайги, запрятали ружья и припасы, подготовили замок и скобу для барака. Потом затопили печь и подготовили постель для Кати. Не будет же она ночевать одна в сторожевой избушке... Моня эгоистично не скрывал радости, что Катя будет с ними. Он даже предложил Фильке соорудить перегородку в бараке, но ради одной ночи не имело смысла. Катю со Степаном ждали к позднему вечеру.

Был приготовлен роскошный ужин. И Степан перед их отходом успел шепнуть Фильке, что раздобыл бутылку водки.

Но вечер проходил, а Степана с Катей не было. Моня поминутно выбегал на улицу. Филька становился все молчаливее и задумчивее. Когда же наступила полная темнота и Моня был близок к отчаянию, Филька достал томик „Логики” Гегеля и — отключился. Моня метался по бараку, приставал к Фильке с вопросами, ругался и проклинал кого-то и к двум ночи провалился в сон. Филька просидел всю ночь, не то читая, не то просто глядя в книгу...

На другой день они даже дважды готовились к встрече. Сначала в середине дня, решив, что те утром вышли в путь; потом вечером, допустив, что Степан и Катя вышли в середине дня.

Часам к семи Филька снова уткнулся в Гегеля. Моня вдруг подошел и резко выбил книгу из его рук.

— Ты чо, не понимаешь, что там что-то случилось?!

— Что, например? — спокойно спросил Филька.

— Заболела она, вот что!

Филька пристально посмотрел на Моню и, ничего не ответив, снова взял книжку.

— Ты как хочешь, а я утром иду туда! — сказал решительно Моня.

Не глядя ему в глаза, Филька пробормотал:

— Страсти человеческие фатальны и неуправляемы...

— Чо? — не разобрал Моня. — Не могу я так сидеть! Может, ее нести надо. Степка один не сможет!

— Ошибаешься! Если будет нужно, Степан донесет ее до тракта на руках и никому не уступит. А идти тебе не советую.

— Почему? Ну почему?

Филька молча пожал плечами.

Моня за полночь грыз ногти. Утром, когда Филька проснулся, Мони уже не было.

Он не просто шел. Он — летел. На спуске — рисковал сломать себе шею. На подъеме — сломать дыхание. В нескольких шагах от него проскочил изюбрь. В другое время — обеспечишь компанию мясом на целый месяц, о чём еще мечтать! Но сейчас Моня только машинально коснулся ружья, которое прихватил с собой на всякий случай и не раз уже пожалел об этом — мешало бегу.

За каждым поворотом ждал: вот увидит идущих

Степана и Катю. Но поворот раскрывался пустотой и лишь подстегивал шаг. Волнение его возрастало по мере приближения к зимовью. Когда он наконец выскочил на поляну, испугался, не увидев дыма. Но вот навстречу к нему кинулась собака, и от сердца отлегло. Бегом проскочил к зимовью, сбросил камусы, кинул ружье на крюк и рванул дверь.

Если бы он обнаружил посредине зимовья окровавленный труп Кати, то и тогда не был бы так поражен. Присмотревшись в сумерках, он увидел на нарах под одеялом голые плечи Кати и косматую бороду Степана. Оба не спали. Появление Мони было столь внезапным, что несколько секунд стояла глухая тишина.

Потом зло вскинулся Степан:

— Тебя кто звал?!

Но Моня на него не глядел, он смотрел на Катю, пытаясь поймать ее испуганный взгляд.

— Су-у-ка! — сказал он с удивлением.

Слово хлестнуло Катю. Она перескочила через Степана на пол. Тот попытался ее схватить, но она вырвалась и бросилась к Моне.

— Нет! Моня! Нет! Он силой! Он бил меня! Смотри!

Она рванула рубашку, и Моня увидел кровоподтеки на ее груди.

— Смотри!

И он увидел синяки на руках.

— Еще тебе показать?! Не веришь? Я покажу!

Она схватилась за ворот рубашки и разорвала ее совсем, но Степан отшвырнул ее на нары и кинулся к Моне. Тот словно не заметил угрозы и смотрел на Степана с тем же удивлением, как перед тем на Катю.

— Степка, а ты — сука... — проговорил он так, будто открывал для себя нечто новое и неожиданное.

— Тебя кто звал?! — крикнул Степан, приближаясь к нему и сжимая кулаки. — Берегись, Моня!

У Степана вдруг ссугулилась спина и рычагами изогнулись руки-кувалды. Рука Мони машинально легла на рукоять ножа.

— Ах ты! — Кулак, как сорвавшаяся пружина, врезался в Монин подбородок. Тот крякнул и, сбив головой умывальник, рухнул между печкой и дверью. Катя закричала. Ее крик подстегнул Степана. Одним прыжком он обрушился на лежащего Моню, схватив мертвой хваткой его цыплячью шею. Моня захрипел, ноги его заерзали по полу.

Катя прыгнула на стол-пень, дотянулась до стены и сорвала двухстволку. Сашка долго учил ее взводить боек. И она делала это быстро. Но сейчас пальцы не слушались, скользили. Она потянула боек большими пальцами обеих рук, он двинулся, но у самого упора сорвался. Грохнул выстрел. Удар приклада по бедру, осколки кирпичей чуть не сбросили Катю со стола. Она застонала от боли, но тут же нагнулась за выпавшим ружьем.

Из-за печки бешено заорал Степан.

— Брось ружье, курва!

И вдруг лицо его чудовищно перекосилось, глаза полезли из орбит, борода затряслась, рот раскрылся.

— А-а-а! — истошно завопил он, вдавливая шею в плечи и запрокидывая голову.

Теряя сознание, Моня всей оставшейся силой всаживал Степану в живот нож...

Вопль Степана перешел в рев, затем в хрип. Пальцы его на Монином горле разжались. А тот толкал и толкал нож.

Все еще хрипя, но уже приглушенно, с подсвистом, Степан стал заваливаться на бок.

Катя оторопело смотрела на него. Он упал за печ-

ку. Оттуда слышалась возня. А потом появилось белое, полуживое лицо Мони. Одной рукой он держался за горло, другую отвел в сторону — с растопыренных пальцев капала кровь.

— Что? — шепотом спросила Катя.

У Мони дернулся кадык, он тяжело, с трудом склонил и, вместо ответа, уставился на свою руку. Затем каменно повернулся к печке, заглянул в простенок и вдруг стал пятиться. Левая рука от горла опустилась на ремень, перепоясывавший его полушубок, и Катя увидела пустые ножны.

## ФИЛЬКА

А день-то какой солнечный! Небо без облаков, почти такое же голубое, как летом. И даже снег отдает голубизной. И тишина — звенящая, сверкающая снегом. Не замечать этого — невозможно... А как заметишь, еще оглушительнее вопрос: „Почему?” Почему все вокруг так прекрасно, а судьба твоя — клочьями на сучьях? Странно! Когда у человека все ладится, тогда и вокруг него все ему родственно иозвучно. А вот сейчас — когда жизнь не то остановилась, не то выраж совершает смертельный, все словно отвернулось и красоту для кого-то другого бережет. А тот — другой идет в другом месте, по другой тропе, а может, только еще в путь собирается. И все вокруг готовится к его приходу. Ты же — случайный прохожий, заглядывающий в раскрытую для высокого гостя дверь...

Человеческое несчастье — это нарушение гармонии, что положена в основу природы. И потому, наверно, человек в несчастье сразу становится чужим там, где еще вчера был душой всего.

Почему человек чаще всего бежит от места, где

случилось несчастье? Не только потому, что обстоятельства так сложились. И не только потому, что хочет забыться. Нет. Потому что в окружающей гармонии он зазвучал диссонансом.

Над головами Кати и Мони истошно простонала человеческим голосом сосна, так что слова даже в ее стоне послышались. Но те не обернулись, не подняли голов, глаз не оторвали от лыжни...

Который километр шли они уже по старому следу, чуть припорошенному снежной пыльцой, и счастьем был этот след, потому что Катя дороги совсем не знала, а Моня после случившегося в любую сторону податься мог.

На подъеме Катины ноги сами выбирали опоры лыжни и возносили ее на грибы. На спусках она катилась, пока не падала, подымалась и катилась дальше, налетая иногда на Моню и сбивая его с ног. Тогда молча, помогая друг другу, они выбирались из сугробов, вытряхивали снег из рукавов и шли дальше. Про остановки и отдых словно забыли — сразу начинали подниматься на очередную гриву.

За плечами у Кати свисал полупустой рюкзак — она ничего не взяла, кроме запаса сухой одежды. Моня был в ее телогрейке (полушубок пропитался кровью), с ружьем и тоже полупустым рюкзаком. Но горбился так, будто тяжесть нес непомерную.

Несколько раз он вдруг останавливался, выпрямлялся и хрипло говорил:

— Во чего получилось! Степку, значит, я убил! Ага! Надо же...

— Чего стал! — кричала на него Катя. — Иди!

Он снова горбился и прямо с места брал свой будто неживой ритм, каким шел всю дорогу. Когда задники его камусов уходили от Катиного взгляда, она торопилась поймать их и, восстановив дистанцию, тоже отдавалась тому же ритму хода.

Мысль была одна: „уходить!” За спиной оставалось страшное, черное, немое. И такое огромное, что вот уже — который километр побега, а она никак не отдаляется от него. И потому нельзя ни останавливаться, ни оборачиваться. „Уходить! Все равно куда. Только уходить!”

Катя снова наткнулась на задники Мониных камусов. А подняв глаза, увидела совсем рядом человека на лыжне; он стоял и смотрел — встревоженно и удивленно. Человек был очень знаком Кате, но она не могла вспомнить его имени.

Это был Филька.

— Ну что? — спросил он глухо.

Моня растерянно обернулся к Кате. Она же, не снимая камусов, опустилась прямо на снег.

— Что случилось? — спросил Филька. Он сошел с лыжни и подошел к Моне. — Степан где?

— Нету... — с болезненной ухмылкой сказал тот.

— Рассказывай! — дернул его Филька.

Моня подтянулся к нему.

— Убил я его! Вот!

— Понятно, — спокойно ответил Филька.

Моня осталбенел.

— Убил! Говорю тебе! Насовсем!

— Понял, — холодно сказал Филька и прошаркал к Кате. Она жадно ела снег.

— Нельзя на ходу снег есть. Идти не сможешь.

Катя равнодушно посмотрела на него.

Развернувшись на лыжне, Моня подскочил к Фильке.

— Я же тебе правду говорю! Убил я его!

Тот, не обращая на него внимания, присел перед Катей, вытряхнул из ее ладони снег и надел ей рукавицу.

— Что делать решила? К Сашке?

— К Сашке! — горько усмехнулась Катя.

— Понятно, — пробормотал Филька. — Ну а куда же?

Она покачала головой.

— Не знаю.

— Филька, ты чо, а? — зашептал присевший рядом с ним Моня. — Ты чо? Я ж тебе говорю, убил я... Он меня душить начал... И я не помню, как... Ну, ты чо молчишь? Не веришь? Спроси ее...

— Значит, впервые не промазал?

— Чего? — не понял Моня. — Я ж его... это... ножом...

Филька вдруг удивился.

— Даже так! Ну, ты даешь!

Моня почти плакал.

— Ладно. Куда идете? — спросил Филька.

Оба поднялись. Катя продолжала сидеть на лыжне.

— Совсем надо уходить, — прошептал Моня.

Филька согласно кивнул.

— А ее куда? К Сашкиной тетке бы, да ведь переехала... Найдем, пожалуй... Сильно ты его?..

Он кивнул в сторону Сашкиного зимовья. Моня зашептал:

— Я ж тебе говорю — совсем! Знаешь, чего он с ней сделал?

— Может, живой еще?

Моня отчаянно замотал головой.

— Ну, все равно. Мне туда нужно...

— Зачем? — испугался Моня.

— Нож где?

При упоминании о ноже у Мони отнялся язык. Он ткнул себя пальцем в живот и, съежившись, посмотрел на Фильку.

— А отпечатки?.. — спросил тот. — Да нет — ерунда. Раньше весны никто сюда не заявится... Да и кто

знает Сашкино зимовье? Селиванов знал — пропал. Сережка знал — исчез... Гологор!

Филька говорил сам с собой. Моня тщательно вслушивался в его слова, не спуская с него глаз, будто надеялся услышать такое, что все сразу разрешит. Но Филька замолчал, и надежда потухла.

— Не сиди долго на снегу, простишь. Вставай! — обратился Филька к Кате.

Он взял ее под руки, и она послушно поднялась. Отряхнула снег, поправила на шее платок.

— За день до тракта не дойдете. Ночуйте в бараке. Я вернусь, и завтра выйдем.

— Нет! — крикнула Катя. — Сегодня!

Филька с сомнением покачал головой. Посмотрел на нее и насупился.

— Смотри за ней, — сказал он Моне. — Думаю, дальше Селиванова не дойдет. В бараке жратвы набери, — где-то ночевать все равно придется.

— А ты? — жалобно спросил Моня.

— Я нагоню.

— Зачем — туда?

— Надо...

— Там — страшно...

Филька смотрел Моне в глаза.

— Я у тебя прощения прошу. Понимаешь, за что? Моня болезненно скривился.

— Какое прощение?

Филька вздохнул.

— Так я и думал. А у нее просить — бесполезно. Не простит.

Вдруг Катя обошла их по сугробу, выбралась на лыжню и пошла. Моня потянулся за ней, но Филька опередил. Он догнал и остановил ее за плечо.

— Ты вот что, имей в виду... Из всякого положения находится выход... Это сначала кажется — конец... А потом все утрясется!

Она слушала, глядя мимо Фильки, не возражая и не соглашаясь. Потом монотонно спросила:

— Почему случилось? За что?..

Филька сжал ее руку.

— Если „почему”, нет проку думать. А если „за что”, подумай сама... Я считаю: у человека и плохо и хорошо бывает только „за что”. Найдешь ответ — легче станет. Тяжелей всего принимать беду как несправедливость.

— Со мной — „за что”?..

Филька опять сжал ее руку. Она, не взглянув на него, опустив голову, двинулась по лыжне дальше.

— Смотри за ней, — повторил Филька Моне. — Иван-царевич...

Филька шел и читал стихи.

Что бросил я? Измен волненье?

Предрассуждений приговор?

Толпы...

Он очень торопился, а стихи твердым ритмом поддерживали темп. Он читал их, слушал свое чтение и думал, иногда прерывая стихи обрывком фразы, начатой в мыслях.

Иногда у него вдруг вырывались слова, как будто никакого отношения ни к стихам, ни к мысли не имевшие. „Субстанцией я назову то, что существует само по себе и в объяснении себя другим не нуждается. — Он повторил: — Не нуждается!”

Филька знал: сейчас он придет на то место. И там подведется очень важный итог. Итог его жизни, его понимания жизни. Сейчас, на ходу, ни об этом, ни о чем другом серьезном думать не надо, сейчас должны работать ноги. Но все равно: то, что должно было сформулироваться в нем образами и словами, вертелось в нем в какой-то первичной стадии формирования.

Филька был твердо убежден, что спокойная и логичная мысль способна внести умный порядок в любое действие и увязать его с положительным смыслом всего бытия. Нужно только уметь мыслить, нужна, как он любил говорить, культура мышления. Самое отвратительное — это паника. В панике совершаются самые чудовищные нелепости. Кроме того, — он знал уже — ему предстоит сделать чрезвычайно болезненные для своего самолюбия выводы.

Стихи прыгали у него в памяти в полном беспорядке, и это означало, что он искал строку, которая даст заглавие настоящей главе его жизни. Такая строка есть, он уже чувствует это, но пока не может ее вспомнить.

Филька торопился. С каких-то пор он стал ждать, что с ним случится нечто такое, что рассечет надвое его жизнь, и в той, второй части начнется новое его бытие как избавление от постоянного „рефлектирования”, измучившего его до отвращения. Филька верил, что свободное человеческое решение — есть фикция и самообман. Он был убежден, что все утверждающие, будто поступили по собственному решению, — величайшие лжецы; в действительности они просто подчинились неизбежности. Давно уже собирался Филька под этим углом проверить биографии великих людей, но настолько был убежден в своей правоте, что так и не собрался.

Его жизнь сложилась без участия его воли, хотя это и не означало, что ему не приходилось бывать решительным.

Нравилась ли ему его жизнь? Какое там! Иногда ему казалось, что более нелепую судьбу и придумать трудно. Но он не жаловался и принимал ее философически. Иногда он видел в качестве главного своего достоинства — отсутствие тщеславия, но про-

клятая „рефлексия” тут же подшептывала, что не без тщеславия относится он к отсутствию тщеславия.

Его всегда тянуло к простым, прямым натурам. И терпеть он не мог себе подобных — умников и душеколупателей. Но к неполноценности своей отосился, как мещанин к подагре: страдая и кокетничая страданием. Будучи умен, бравил себя за это, но будучи неизлечим, гордился своей самокритичностью, осуждая в то же время и гордость... И дело часто доходило у него до искреннего омерзения к самому себе.

И все же он не терял надежды, что вывернется однажды душа наизнанку, и начнется новая жизнь.

И вот наконец случилось: он накануне поворота своей судьбы! И не внешние обстоятельства продиктуют этот поворот, а его волевое решение.

Последний подъем... Еще метров триста, и откроется поляна. Там зимовье...

Филька услышал лай Рекса. Даже не зная он ничего, по ладу догадался бы о неладном. В нем было отчаяние.

„В голосе собаки слышалось отчаяние”, — сказал Филька, будто написал первую строку трагического рассказа. Дурацкая привычка: фиксировать события, чтобы когда-нибудь воплотить их в литературу. Ведь никогда ни строки не написал и питал отвращение к процессу литературного творчества. К поэзии, однако, это не относилось. Поэзию Филька считал одним из способов философствования.

Лай прекратился. Филька замедлил шаг, прислушался. До поляны осталось десятка три шагов. На повороте, около занесенной сугробом упавшей сосны, он увидел Рекса. Собака не обрадовалась человеку, коротко заметалась и помчалась к зимовью.

„Что она чувствует?” — подумал Филька, выходя на поляну. Здесь совсем недавно приветствовали они Сашку с Катей, размахивая ружьями, беззаботные и легкомысленные. Остановился. Хвост собаки мелькнул около зимовья, и до Фильки донеслось нервное взвизгивание.

Что-то никак не мог он решиться сдвинуться с места. Стало жарко. Он снял шапку, вытер пот со лба, провел рукой по взмокшим волосам. „Спокойно! — сказал себе. — Главное — не сорваться...” И вдруг вспомнил то, что так долго искал:

Созидающий башню — сорвется!

Наконец! Теперь все ясно! Созидающий башню — сорвался. Это еще не о нем. О нем — речь под конец. Теперь он знал, о чем будет думать и какой вывод сделает. Даже знал, что будет испытывать при этом. Однако догадка-знание не исключала всей процедуры. Все произойдет, как по сценарию, который еще — только вчерне, но уже с предопределенным финалом.

На поляне перед зимовьем все говорило о людях. Снег кругом истоптан, в центре поляны — следы вертолета.

Рекс ждал Фильку у самых дверей вопрошающим взглядом. Филька хотел было к нему обратиться, но побоялся звука своего голоса. Сначала нужно все увидеть и убедиться, что он — здесь единственный живой. И, черт возьми, нелегко же это оказалось!

Филька взялся за ручку двери, но не хотел открывать сразу. Дверь же подалась сама, вызвав тошнотворную маяту в сердце. Сумрак зимовья и странный запах остановили его. И хорошо, что задержался на пороге: сделай шаг — наверняка запнулся бы о Степановы ноги. Побарыкая слабость

в теле, Филька перешагнул через них и заглянул в проем между печкой и стеной.

— Степан?! — полуслепотом позвал Филька. Оказывается, надежда в нем оставалась до последней минуты. Он почти услышал, как Степан ответит своим обычным: „Ну!”

Филька чиркнул спичку и тут же задул ее. Миг света все определил и подытожил: и мертвую сущность губ, и рукоять ножа, и кровь кругом... Оглядел зимовье, он попытался представить себе, как все произошло, но махнул рукой. Перед ним был итог, и об итоге только и следовало думать.

— Разрушающий будет раздавлен... — спокойно сказал Филька. Сейчас надо думать о Степане. Степан совершил подвиг — бросок на Лазуритку. Для Фильки такое дело — немыслимо. А вот смерть от руки Мони — идиотская нелепость. Такие, как Степан, должны погибать в единоборстве с медведем... Но — разрушающий башню раздавлен... И эту нелепость следует компенсировать достойным погребением. Филька отдаст должное Степану, сполна расплатившемуся за свое преступление.

Он еще раз осмотрел зимовье. Трогать ничего нельзя, потому что все причастно к нелепости и должно быть приобщено к делу погребения. В этом — смысл.

Филька еще раз перешагнул через Степановы ноги и широко распахнул дверь зимовья. Ворвавшийся морозный воздух определил странный запах в зимовье: запах крови... Филька запомнит его, чтобы узнавать, чтобы предчувствовать, когда ситуация запахнет кровью.

Снова перешагнул Филька через Степана, подошел к столику и взял лампу.

— Извини, приятель, так будет лучше! — И он вылил на Степана солярку. Выволок из-под нар рас-

топку и ворох бересты и свалил за печку на Степана. Затем разыскал под навесом канистру. И уже не заходя за порог, в открытую дверь плеснул несколько раз солярку. Остатками ее облил углы зимовья.

Рекс, скуля, носился вокруг, заглядывая в дверь, но не рискуя войти. Запах солярки возбудил его еще больше, и он стал подывать, заискивающе глядя на Фильку.

— Ну, вот и все, дружище! — сказал Филька собаке. — Сейчас мы с тобой устроим прощальный фейерверк твоему хозяину. Это все, что можем еще сделать для него! — Он хотел погладить собаку, но пес увернулся и подбежал к порогу. Шерсть на нем вздыбливалась.

— Нет, — успокоил его Филька, — это будет не страшно. Это будет величественно. Как величественно всякое сознательное уничтожение, ибо оно есть возврат к праматерии, к ничто...

Филька все не решался чиркнуть спичкой и потому словоизливался, не вдумываясь в слова, — они были не от мысли, а от тренировки в болтовне. Что-то еще останавливало Фильку. Может быть, некая театральность происходящего? Именно сейчас ему хотелось быть до конца искренним перед собой и чтоб действия его были необходимы и естественны.

Но уже ничто не могло остановить Фильку в его замысле.

С четырех углов вспыхнуло зимовье. Исступленно залаял Рекс. Через мгновенье четыре языка пламени поднялись над скатом крыши. Пламя заговорило всеми звуками пожара — треском, свистом, шипением. Лопнули со звоном и разлетелись стекла, огонь вырвался из окон.

Филька зачарованно глядел на пожар.

— Я почти завидую тебе, Степан! — патетически воскликнул он, когда зимовье превратилось в ревущий столб огня. Внутри рвались патроны в Сашкином и Степановом патронташах. Охрипший, перепуганный Рекс отступил на поляну и глотал чернеющий на глазах снег. Рядом с зимовьем вырастало другое пламя — занялась поленница с дровами и навес.

— Ну, пора! — сказал Филька. — Пора произнести главную фразу. Итак:

А ушедший в ночные пещеры...

— Да, но что же остается ушедшему в ночные пещеры или в заводи тихой реки?

И если прекратить балаган мыслей, то окажется, что его коренная позиция невмешательства потерпела полное фиаско. Оказалось, что от неучастия до соучастия грань почти неуловима. И сам вывод этот есть пошлость. И шел он к оригинальности бытия путем банальности. Гадко и тяжко.

Знал ли он о Степановой страсти? Знал. Догадывался, что может произойти? Не совсем. Но сейчас важен итог, который относится прямо к нему:

А ушедший...

Повстречает свирепой пантеры  
Наводящие ужас зрачки.

Он мечтал о событиях в своей жизни, которые бы изменили его, он дождался их. Но какой ценой — ценой пошлого соучастия!

... несравненное право —

Самому выбирать себе смерть!

Над этой строчкой еще предстоит подумать. Но если верить логике стиха, смерть он уже выбрал себе, она предопределена случившимися событиями. Хотя именно сейчас он выбирает жизнь. Он надеется, что это действительно тот выбор, который сов-

мещается с принятием необходимости. Разве он не понял, что „ушедший” — совсем не есть принципиальное качество бытия, если все равно „не избежнуть доли кровавой”. Значит, отныне и до конца дней своих предстоит ему выбирать между „созидающим башню” и „разрушающим” ее, ибо в этом выборе есть свобода „в доле кровавой”.

Все...

Пафос пожара спал, теперь огонь добросовестно и скромно работал, уничтожая до золы, пепла и дыма все, что оказалось предоставленным в его распоряжение. Все звуки слились в один рабочий шум пожара. Вместе с этим снижался тон Филькиных рассуждений. Что-то стало тревожить его, словно он забыл нечто важное за всем этим спектаклем, устроенным в честь Степана, но исключительно в свою надобность. Тревога отразилась и в движениях его; он вдруг стал бегать по поляне вокруг огня, словно искал, чего бы еще ему подбросить, хотя огню и без того работы хватало.

Вдруг Филька остановился. Вот что! Конечно, опять он свалял дурака! Катя же до тракта не дойдет! Хорошо, если Моне удастся уговорить ее заночевать в бараке... А если нет? Моня беспомощен! Это — не Степан. Будь же проклята вся его — Филькина — философия, эта омерзительная привычка заниматься только собой — центром мироздания! Мочи больше нет, как он противен себе!

— Рекс! Пошли! — крикнул он резко. И даже не взглянул в последний раз на пожар, быстро надел камусы и двинулся по тропе. „Если я и сейчас опоздаю, то...” За его спиной раздался вой Рекса. Собака не пошла за ним, она осталась с хозяином. „Завидная последовательность поведения! — с горькой усмешкой подумал Филька. — Что ж, собака сделала выбор. Ей предстоит сдохнуть с голода...”

Но молчи! Несравненное право —  
Самому выбирать себе смерть!

Эти строки Филька произнес уже на ходу.

В общей сложности он спокоен. В событиях, как ни трагичны они, явно просматривается логическая завершенность. И больше, пожалуй, уже ничего не должно произойти. Человеческие трагедии нелепы лишь постольку, поскольку не выявлен внутренний смысл предшествующих им событий и действий. Завязавшийся узел ликвидирован македонским способом, внутренний антагонизм снят драматическим исходом; далее предстоит вступить в соприкосновение с последствиями, которые по своему характеру вполне управляемы.

Личная его, Фильки, задача — взять под контроль последствия, направить их в разумное русло и обеспечить возможность оптимального решения судьбы каждого из оставшихся участников драмы. Эта задача — как раз для него. Никто другой не справится с ней так спокойно и хладнокровно, как умеет это делать он. Теперь настало время для его подвига. Все остальные уже совершили свое добро и зло, он же еще — должник добра и готов к нему!

Филька вышел на спуск, не сбавляя хода. Лыжня была отличной. На поворотах камусы меняли направление без малейших усилий с его стороны. Увеличивалась крутизна, и Филька лихо присел, набирая скорость. Деревья и пни замелькали, как в ускоренном кадре. И уже шапку придерживал левой рукой, и слезы навернулись от ветра на глаза, и дыханию тяжело справляться с встречным потоком. Долететь до самого низа и выскоить на подъем... Интересно, как высоко забросит его разбег?..

На очередном повороте глубокая лыжня не спала от инерции. Правый камус воткнулся в борт лыжни. И с полного хода Филька полетел в сугроб. В

снегу камус наткнулся на занесенный снегом пень. Боль в ноге помутила сознание. Когда же через мгновенье он пришел в себя и попытался было выкарабкаться из сугроба, новый приступ нестерпимой боли снова чуть не лишил его сознания.

— Спокойно! — потребовал Филька. — Разберемся!

Ему удалось перевернуться на спину, но удержаться от крика он не смог. Замер. Нога от ступни и выше гудела. Он сел и, не шевеля ногами, сгреб с ног снег. Правая нога, застрявшая в ремне камуса, ступней была вывернута внутрь. Пошевелил и вскрикнул.

— Спокойно, — говорил Филька вслух. — Так не бывает! Растижение, чепуха!

Но пошевелить ногой не мог, сдвинуться с места не мог, повернуться на бок, чтобы выбраться на лыжню, не мог.

— Так не бывает! — упорно повторял Филька, пытаясь обеими руками приподнять онемевшую ногу. Это ему удалось, и он перевернулся на живот. Но при первой же попытке двинуться, опять помутилось сознание. Еще много было попыток, но до лыжни от так и не дополз. Лежал лицом в снег и беззвучно плакал...

## МОНЯ

До барака дошли молча. Ни одной остановки, ни единого слова.

Катя наотрез отказалась входить в барак и настояла, чтобы Моня показал ей, куда идти дальше. Моня испуганно мигал, встречаясь с ее угрюмым взглядом, и старался уступить раньше, чем она разразит или потребует.

От базы он решил идти не тропой — по ней никто

не ходил с первого снега, а по тракторной колее, что хотя и петляла по гравиям, но просек тайги там был широк и идти по нему можно было даже ночью. Моню пугала Катина одержимость побегом.

Он вывел ее на колею, и она тотчас же устремилась вперед, взрыхляя камусами снежную целину просеки. Он же бегом бросился назад на базу, ворвался в барак, накидал в рюкзак тушеники, сухари, пачку чаю, сгущенку и тут же помчался за Катей. До колеи бежал, высоко поднимая ноги, хлопая камусами по лыжне, не надеясь на скольжение. Потом — по Катиному следу, пока в просвете просеки не увидал Катю. На спуске нагнал ее быстро и крикнул осипшим голосом:

— Сбавь! На подъем сил не хватит!

И, встав впереди, попридержал ее, выбирая темп, которому учил его когда-то Степан...

На следующем подъеме Катя стала выдыхаться. Щеки пылали, платок развязался. Однако и этот подъем сделали. Все так же молча. И с грехом пополам спустились. Но на следующую гравию, за которой было Селиваново зимовье, Катя начала карабкаться со стоном, который, казалось, исходил не от нее или уж точно помимо ее воли. На каждый ее стон Моня оборачивался и тут же бросал взгляд наверх, прикидывая в уме, сколько еще до вершины...

Вдруг Катя вскрикнула. Когда он обернулся, она уже лежала на спине. И если бы не руки, судорожно хватавшие снег, Моня подумал бы, что она умерла. В страхе за нее он кинулся к ней и стал поднимать, но в теле не было жизни — она безвольно выскользнула из его рук. Ухватив ее снова, он оступился и выронил ее: и Катя упала лицом в снег. Он проваливался в сугробы, барабтался, скользя с ней вниз, карабкался вверх и, снова оступаясь, падал. Нако-

нец, удалось ему крепко упереться коленями в снег — на камень или пень наткнулся? Он поднял ее голову и, придерживая одной рукой, другой стал осторожно снимать с ее лица снег, залепивший ей глаза. Она не открыла глаз, но простонала, почти не шевеля губами:

— Все... Не трогай... Не могу...

Ее голос встряхнул Моню. Неизвестно откуда пришли силы. Он поднялся на ноги вместе с ней, попытался поставить ее, но колени ее подгибались, и она осталась висеть у него на руках. Он оглянулся. Их камусы торчали в снегу: два выше, один внизу, четвертого совсем не было видно — затоптали. Исчезла и ее шапка. Моня снова опустился с ней на колени и долго вытряхивал снег из растрепавшихся волос. Снял свою ушанку, надел на Катю и завязал на всякий случай под подбородком.

Надо было теперь выручать камусы, но он боялся опустить ее на землю. Ему вдруг пришло в голову, что снег здесь не так глубок, не выше колена, и что, проваливаясь, он не будет скользить вниз, а ее сможет волочить по снегу, почти не сгибаясь. Донести на себе он и не надеялся. Не опуская ее, он схватился руками за воротник ее полуушубка, встал боком к спуску и сделал первый шаг, подтащив ее за собой. Оказалось, не так трудно, только рюкзак за ее спиной тормозил, врезаясь в снег. Моня снял его и швырнул в сторону. Сделав следующий шаг, наткнулся на свое ружье, которое обронил с плеча, поднимая Катю. Подумав, очистил от снега патронник и закинул ружье за спину.

Шаг за шагом начал он взбираться на гриву, о высоте которой старался не думать. Смотреть разрешал себе только вниз, отмечая удлинявшееся расстояние от того места, где Катя упала. Со следующим шагом он резко подтянул Катю, и она громко

застонала. Ворот полушибка сдавил ей горло, и она рукой попыталась ослабить его.

Когда он, не обращая внимания, снова начал подтаскивать ее вверх, она крикнула.

— Не трогай! Больно! Не хочу!

Моня засопел в отчаянии. Отпустил ее, сел на снег и охватил голову руками. Но тут же вскочил, поднял Катю под мышки и перевалил себе на плечо. Потом сделал шаг.

— Могу! — крикнул он радостно. И сделал еще шаг наверх. Затем только хрипло приговаривал, медленно шагая: „Могу! Могу! Могу!”

— Пусти... Не хочу... Не хочу... — умоляюще стонала она ему в ухо. Но Моня не слышал. Радостным восклицанием отмечая каждый свой шаг, он рос в собственных глазах и становился все выше и крепче.

Но трезвое чувство подсказывало ему отдых, и он позволил ей себе как заслуженную награду. Теперь Моня мог признаться в усталости: он познал свою силу.

Торчащие внизу камусы превратились уже в черные точки; растворились в общей белизне снежного склона и следы его паники; теперь от его ног вниз уходили ровные, спокойные следы мужчины, способного спасти женщину.

Тем же приемом он снова взвалил Катю на плечи и пошел вверх, пружиня, врастая в снег и вырастая из него... Но вот стали врезаться в позвоночник консервные банки в рюкзаке; ружье, которое он перевесил на грудь, было его то по колену, то по подбородку; и Катя, как крепко он ни держал ее на плечах, сползала вниз и выбивала из ритма; а дыхание его — это было уже не дыхание, а сип.

Когда, наконец, нога его в очередном выжиме не встретила ожидаемого упора, а стала вровень с

другой ногой, он сообразил, что это — конец подъема. В ту же секунду Катя сползла с его плеча, и он едва успел подхватить ее и положить на снег. Сам Моня рухнул рядом и закрыл глаза.

„Все!” — хотел сказать он, но лишь просвистел что-то невнятное.

Нет, это было еще далеко не все. Впереди оставалось около километра по гриве, потом спуск и метров пятьдесят подъема — а там уже зимовье Селиванова. Но теперь Моня знал: он дойдет, Катя выживет, Филька их догонит... А втроем все остальное — раз плонуть.

Селиваново зимовье почти доверху занесло снегом. Моня долго и яростно разгребал его и возился с заколоченной дверью — руки не слушались. Наконец, он внес Катю и положил на нары. Она вся тряслась от холода, невнятно всхлипывая.

Только одно окно пропускало свет, другое было завалено снегом. В зимовье стоял сумрак, пахло холодной сыростью. Но в лампе оказалась солярка. Моня зажег ее и занялся печкой. Под нарами нашелся запас дров и бересты.

Печка разгорелась, затрещала, загудела, быстро раскаляясь железным боком, и в зимовье стал появляться запах жизни.

Погрохотовав посудой на полке, Моня обнаружил два чистых котелка, набрал в них снег и поставил на плиту; вскрыл тушенку и молоко и лишь после этого подошел к Кате.

— Ну как ты?

— Холодно... — тихо ответила она. Моня хотел взять ее за руку, но наткнулся на мокрый рукав пальщубка. Тогда уже бесцеремонно ощупал ее всю и ужаснулся. Одежда была совершенно мокрая. Пе-

реодеть Катю было не во что. Да и зимовье еще не согрелось.

За оконцем стояла серая мгла. Забулькала вода в котелках. В одном Моня заварил чай, в другой бросил тушенку. Рукавом мокрой телогрейки смел со столика мусор и, подцепив палкой дужку котелка с тушенкой, поставил его на столик около Катиного изголовья. — Тепло. Снимай полушубок. Сушиться будем! — сказал он, чуть дернув ее за рукав.

В детстве Кате часто снился один сон. Будто идет она далеко-далеко и приходит к краю всего, что есть. В двух шагах от нее — вверх, вниз и вперед, по всем направлениям, — серая мгла, и это есть конец всему, и ее жизни тоже. Она вынуждена сделать шаг в нее, и не может воспротивиться этому — ноги сами несут туда. И там она не упадет и не взлетит, а ее просто не станет.

В детстве она просыпалась после этого сна в слезах и с криком. Сейчас Катя знает, что снился ей тогда сегодняшний день. Будущего у нее — нет.

Моня сидел на чурке около столика, смотрел на лампу, подперев ладонями подбородок, и шептал сбивчиво:

— Там, на подъеме, когда ты упала, я так испугался... И когда Степан на меня... тоже испугался... Задушил бы меня?

— Задушил. Не нужно об этом. Давай спать...

— Ага, — ответил Моня, не шевелясь и все так же расширенными зрачками глядя на колеблющийся за стеклом язычок пламени.

„Мальчишка, — подумала Катя, — совсем мальчишка”...

И жаль его стало, как себя, будто не одна, а вместе с ним, смешным бродягой, стояла она у края серой мглы.

— Если б Степка меня задушил, значит, я бы умер! — вдруг сказал Моня и спохватился, вспомнив Катину просьбу. — Больше не буду! Только как это все... Сашка чуть не умер, я чуть не умер, ты... а Степка и вообще... Все! Все! Не буду.

Но, помолчав минуту, вдруг всхлипнул.

— Степку жалко! Я ж не хотел... Зачем он все это сделал? Я вот, может, еще ни разу... ну... не было у меня еще никогда... ну, это, женщины, что ли... Так чего ж теперь и про совесть забывать!..

Спокойным голосом Катя сказала:

— Гаси свет!

Он подтянулся к лампе, дунул в стекло, пламя метнулось, но не погасло. Моня дунул сильней, и в наступившей темноте запахло горелым фитилем.

— Иди сюда, сядь.

— Куда? — спросил он.

— Сюда.

Нащупав его руку, Катя провела ладонью по пальцам и сказала:

— У тебя будет женщина.

— Так, наверно... — неуверенно хмыкнул Моня.

— У тебя сейчас... будет женщина, — сказала Катя отчетливо и достаточно громко.

— Что? — спросил он сорвавшимся голосом.

— Иди сюда, — сказала она, отодвигаясь от края и взяв его за руку.

— Не надо! — умоляюще зашептал Моня,

— Моня, ты в сто раз лучше меня.

— Не могу я так! — прошептал он в отчаянье.

— Ничего, ничего! — успокаивала она. — Все хорошо, все правильно! Что я еще могу для тебя сделать?..

Она гладила его космы, и ей казалось, что даже в темноте она видит его большие детские глаза...

Он ничего не умел и выдохся тут же.

Она погладила его по щеке и приказала: „Спи!” Он тут же заснул. И ни разу не пошевелился за все время, пока она лежала в темноте с открытыми глазами. Пока дождалась желтой луны в оконце. Пока смотрела на нее, ни о чем не думая, ни о чем не жалея, не испытывая ни любви, ни ненависти...

„Хорошее состояние... для умирающего”, — подумала она, снова стала бездумно смотреть на луну, уже уходящую краем за оконную раму.

Когда она открыла глаза, Моня сидел перед ней на нарах. Он широко улыбнулся, смешной и некрасивый. Лицо его вдруг приобрело торжественность. Он нелепо подбоченился и дернул кадыком.

— Значит, это... ты теперь — моя жена! — сказал он. Сквозь мелкие Монины черты проступало страшное, жестокое лицо Степана.

— А-а-а-а! — закричала Катя и стала биться на нарах, как припадочная. Злые, страшные слова падали на Моню. Он стоял над ней обомлевший, ошарашенный, с ужасом в глазах.

— Зачем? — крикнул он, стараясь перекричать ее. Моня дернулся и нелепо вытянул вперед руки как бы защищаясь. Потом вцепился себе в волосы.

— Тогда что получается!? — кричал он, глядя, как она колотится по подушке. — Что получается? Я Степку убил! А сам что! Степка спас Сашку, а я убил Степку... Почему его убил?! Ничего не понимаю!..

Он снова протянул к ней руки.

— Я ж люблю...

Катя схватила подушку и обеими руками придавила свою голову к одеялу, чтобы ничего не видеть и не слышать.

Так кричала и билась она, пока не услыхала сла-

бый звук, — как приглушенный выстрел. Она замерла и, еще ничего не успев подумать, вскочила. Мони в зимовье не было. Катя сунула ноги в валенки, накинула полуушубок и выбежала наружу.

Моня лежал на снегу в двух шагах от двери. Заряд картечи разнес ему лицо. Оно расплескалось вокруг на несколько метров красными пузыряющими пятнами.

Судорожно воздев руки с растопыренными пальцами к вершинам кедров, Катя пронзительно завизжала:

— Ма-а-а-ма-а!

Из-за низкой облачности вертолет возвращался на Лазуритку, заныривая в распадки и лишь чуть поднимаясь над гривами. Сначала пилоту только показалось, что он видит человека. Но вот он заметил снова, — теперь сомнений быть не могло. По лесу бежал человек. Без тропы, проваливаясь в снегу, падая, подымаясь, хватаясь за ветки и стволы деревьев, человек спешил куда-то.

Чуть изменив курс, пилот снизился до безопасного предела, и все трое — пилоты и врач — вскрикнули одновременно: по лесу, по зимней тайге, бежала женщина...

Прошло более месяца.

Сашка играл в шахматы с соседом по койке. Вшла сестра и сказала, что к нему пришли. Он вскочил с кровати и, на ходу застегивая халат, заспешил в коридор. Войдя в вестибюль, увидел тетку Лизу и лишь потом заметил рядом с теткой — Катю.

— Катя! — испуганно прошептал он, обнимая ее за плечи и не отрывая глаз от ее лица. — Что с тобой?!

— Болела она! Я ж говорила тебе! Сильней тебя болела! Еле выходили...

Сашка как только мог нежно привлек ее к себе, поцеловал брови, неестественно бледные щеки, а к губам прикоснулся не рискнул. Казалось, они застыли то ли от боли, то ли от страха.

— Пойдем сядем!

Он посадил ее напротив себя, сам наклонился к ней, заглядывая в глаза, но взгляда ее так и не смог поймать. Если она и смотрела на него, то, казалось, обтекала взглядом, который проходил раздвоено-но мимо него и сходился где-то за его спиной.

— Катюша, милая!

Его стало трясти от страха за нее и от жалости к ней.

— Скоро выйду! Все будет хорошо! Поедем на юг! Фрукты... солнце... море! Поправишься! Все будет хорошо! Потом в тайгу пойдем! Ребята там, погди, соскучились по тебе! Ты ведь теперь хозяйка Голгора!

Впервые она взглянула ему прямо в глаза. Лишь на долю секунды. Сашка обрадовался и этому.

— Смотри, какая оттепель! Скоро сезон кончится. Филька с Моней сразу появятся! Да и Степка не усидит! Ох, и нажрутся они, как дорвутся до магазина!

Катя закрыла глаза. Он провел ладонями по бровям, разглаживая незнакомые морщинки на переносице. Морщинки не исчезли, и он припал к ним губами, потом щекой и все пытался поймать, уловить ответное движение, но вся она была как во сне, и Сашка чувствовал, что не скоро сможет разбудить ее. Но знал, что разбудит. Потому что собственный опыт показал ему, как сильна в человеке жизнь.

Александр БАХРАХ

## Воспоминания Алданова

Прошло 25 лет с тех пор, как 25 февраля 1957 года, в Ницце, скончался Марк Александрович Алданов.

Его многостороннее творчество всегда удивляет читателя исключительной эрудицией в области новой и новейшей истории. О чем бы ни писал Алданов — о 9-м Термидоре, о мартовском заговоре 1801 года, или, наконец, об Октябрьском перевороте 1917 г. — всегда можно убедиться, что он не только использовал почти всю изданную литературу, но и провел немало времени в архивах или в поисках живых свидетелей. Но Алданов был, конечно, не только эрудитом, а и выдающимся мастером в жанре исторического романа.

В связи с 25-летием со дня смерти Марка Александровича Алданова А. В. Бахрах посвящает ему свою статью.

Ред.

„Я не могу решить — щдут ли человеческие дела по закону судьбы и необходимости или подчинены случаю”.

Тацит

Мне с трудом верится, что прошло больше двадцати пяти лет с того вечера, когда я в последний раз видел Алданова. Пригласил я как-то на чашку чая двух-трех старых друзей и так вышло — дело случая! — что к ним почти непредвиденно присоединился и Алданов. Хотя был я с ним знаком с неза-

памятных времен, но между нами никогда не было той дружеской близости, которая установилась у меня с рядом литераторов — его сверстников, — когда возрастная разница не принималась в расчет.

Между тем, мне всегда казалось — и, вероятно, я в этом не был исключением, — что он проявлял ко мне известное расположение, несмотря на то, что наши встречи были всегда спорадическими, иногда они бывали довольно частыми, иногда без видимой причины я не встречал его по несколько лет. Как бы то ни было, мне всегда представлялось, что он принадлежал к той породе людей, с которыми сойтись по-настоящему было трудно, и я не могу себе представить, чтобы при любых обстоятельствах я решился бы обратиться к нему, чтобы „поплакать в его жилет“. Как мне теперь издалека видится, был он всегда тепел, но никогда не горяч и в какой-то момент подобно улитке заползал в свою скорлупу.

С другой стороны, в течение моей долгой жизни я, кажется, не знал другого человека, который, подобно Алданову, готов был каждому оказать услугу, даже если это было для него связано с некоторыми затруднениями. Можно, пожалуй, подумать, что в нем был налицо элемент той сентиментальности, которая приводит к „маленькой доброте“. Однако ничто не было ему так чуждо, как „слашавость“, и если иные горькие пилюли ему приходилось подсахаривать, то делал он это потому, что было ему нестерпимо кого-нибудь погладить против шерсти и огорчить. Доброта была в нем больше от ума, чем от сердца, и потому в каком-то смысле не всегда была плодотворной. А его внешнее и внутреннее „дженртльменство“ делало его своего рода белой вороной в той литературной среде русского зарубежья, которой хотелось казаться еще бо-

лее „богемной”, чем она в сущности была, забывая, что даже на Монпарнасе времена Верлена и Рембо давно канули в вечность и даже там стоял уже „некалендарный” двадцатый век.

Мне кажется, что Алданов был человеком с двойным, если не с тройным дном и его внешняя застегнутость была в какой-то мере показной, некой сапомозащитой, не столько от посторонних, сколько от самого себя. Он был несомненно много сложнее того, каким он виделся со стороны. Я точно ощущаю, не только при воспоминаниях о встречах с ним, но еще более явственно после перечитывания его книг, высокое мнение о которых я неизменно сохраняю — хотя теперь из какого-то дешевого снобизма стало „модным” снижать его литературный дар и говорить о сухости его прозы или об отсутствии в ней „взлетов”, — что его постоянно что-то грызло, что-то его подтачивало. Упрощая, можно было бы сказать, что игру мысли Алданова-писателя можно без особого труда раскрыть и, собственно, свести ее к великим словам Екклезиаста о суете, но образ Ландау-человека, если отбросить его литературный псевдоним, разгадать много труднее. Свое подлинное „я” он умышленно затемнял и прикрывал его, если не маской, то во всяком случае полумаской.

В некоторых читательских или, вернее, литературных кругах получило распространение мнение о какой-то „будничности” Алданова, о его — должен снова поставить это слово в кавычки — „прозаичности”, о его отталкивании от всякой символики, о его нелюбви к поэтизированию. Думаю, что нет ничего более нелепого и необоснованного, чем такого рода суждения. Ведь несмотря на его позитивизм, в нем была сильная тяга, которую еще подздоривало его „любопытство”, ко всему тому, что

могло бы условно именовать „четвертым измерением” или хотя бы к нему хоть как-то приближалось, к розенкрайцерству, к масонству, ко всему, в чем таилась крупица иррациональности без того, чтобы стать шарлатанством. Ведь, неся в себе такого рода тягу, неизбежно было во всеуслышание шуметь о каких-то Атлантидах или „египетских тайнах”.

С точки зрения всего пережитого, особенно людьми его поколения, Алданов был человеком счастливой и во многом завидной судьбы. Родился он в семье, которая могла без труда обеспечить едва ли не все его прихоти. Родился еще в эпоху, когда ему казалось, что все для него „море по колено”. „Живи как хочешь” — не вполне удачно озаглавил он один из последних своих романов, но это заглавие было в его буквальном смысле применимо к его биографии. Родился он с врожденным, рано проявившимся талантом и, мало того, с жадным, с неутолимым любопытством к миру, к знанию, к истории — и, может быть, меньше всего к „первым встречным”, какими бы они ни были.

На своем веку он, вероятно, прочитал все, что только было достойно прочтения, не ограничиваясь тем, что по каким-то неписанным правилам прочитать „надлежало”, — и это касалось не только области литературы, но и обнимало философию и все те „точные” науки, как математика, физика или химия, для которых элитет „точный” оказался в конце концов устаревшим и условным.

Кончил он, едва ли не походя, два факультета университета св. Владимира, а еще в придачу к ним и как бы невзначай парижскую высшую школу политических наук. В качестве туриста, а, может быть, лучше сказать, стороннего „наблюдателя” побывал он на четырех материках еще в те времена

на, когда далекие путешествия совершились примерно по методу Филемаса Фогга. Все это вместе взятое позволяло ему почти на личном опыте знать понемногу обо всем или, по крайней мере, почти обо всем, но зато почти во всех областях.

В предреволюционные годы этот киевлянин по рождению обосновался в Петербурге. Жил в той атмосфере петербургского „серебряного века”, которая уже давно стала едва правдоподобной легендой. Работал по своей специальности, то есть, по химии, которая, как мне всегда казалось, больше всего его притягивала. Во время войны (конечно, я имею в виду ту первую, далекую) он имел какое-то касательство к заводу, изготавливавшему, если не ошибаюсь, удущливые газы, и мне иногда мыслится, хотя доказать этого не могу, что его большая работа „о законе распределения вещества между двумя растворителями” или гораздо более поздняя об „актинохимии” (для профана одни эти заглавия чего стоят!) давали ему больше морального удовлетворения, чем успех его исторических романов, переведенных на бесчисленное число языков.

В Петербурге он успел перезнакомиться с большинством представителей той либеральной и интеллигентской элиты, которая могла быть ему интересна и среди которой он сразу почувствовал, что принят как „свой”.

Почему-то примкнул он тогда к партии народных социалистов, небольшой группе очень культурных и патриотически настроенных людей, у которых „социалистическое” проявлялось больше всего на их вывеске. Но это были люди почтенные и всеми уважаемые, многие из них были историками, издавали журнал „Голос минувшего” и принимали близкое участие в деятельности, радикального по

тогдашним понятиям, „Вольно-Экономического общества”, на заседаниях которого накануне семнадцатого года шумели „народные витии”. Допускаю, что Алданов примкнул к партии потому, что кто-то его пригласил, а отказаться от приглашения какого-то старца с белоснежной и благоухающей бородой было, действительно, как-то невежливо. Ведь по своему характеру, по всему своему строю Алданов был не из тех, которые способны были подчиняться какой бы то ни было партийной дисциплине. Но тут был, конечно, случай особый. У народных социалистов о ту пору никакого партийного „мундира” не было, и можно легко предположить, что в руках Алданова никогда никакого „партбилета” тоже не было, ни в прямом, ни в переносном смысле.

А в свободное от химических изысканий и наставших светских или общественных обязательств время Алданов умудрялся еще работать над большим исследованием о „Толстом и Роллане”. Такое сопоставление сейчас способно вызвать гримасу, но в те далекие дни, особенно в России, Ромен Роллан почитался неким „властителем дум”, а о томиках его „Жан-Кристофа” говорилось, как о чем-то эпохальном. Алданов успел выпустить только довольно увесистый первый том своего первого большого литературного труда, посвященный только одному Толстому. Второй остался в рукописи и, конечно, безвозвратно погиб. Но как-никак эта книга была довольно блестящим преддверием для входа в литературу.

После октябрьской революции Алданов в России оставался недолго. Удалось ему покинуть пределы РСФСР каким-то кружным путем в качестве секретаря одной из тех политических делегаций, которые норовили попасть в Париж до закрытия

Версальской мирной конференции с затаенной надеждой, что их присутствие хоть как-то повлияет, если не на судьбы мира, которые тогда там решались, то по крайней мере на судьбы России. Во главе делегации находился князь Львов, первый председатель первого состава Временного Правительства, один из благороднейших (но и „бесплоднейших“) деятелей либеральной — и какой прекрасной — России. Конечно, по существу поездка делегации была бесцельной, никаких результатов она не достигла, и Клемансо, который всем тогда вершил, было не до нее. Однако самому Алданову пребывание в Париже в эти исторические дни несомненно пошло на пользу. Он обогатил свой исторический багаж, и при наличии известных связей, которые у него завязались еще в те годы, когда он в Париже учился, он кое-какую информацию мог получать из первоисточников, узнавал кое-что из того, что происходило за кулисами большой политики и в печать не попадало, и многое сумел намотать себе на ус. Вообще замечу, что память у него была изумительная, а где-то под рукой всегда была записная книжечка.

К тому же у него был особый талант знакомиться с людьми выдающимися. Этому способствовало не только отличное знание целого ряда иностранных языков, но еще умение найти с каждым соответствующий ключ для разговора и как-то с первых слов заинтересовать собеседника. Этим великим и редким даром Алданов обладал в совершенстве и едва ли кто-либо другой, особенно среди россиян, в течение жизни беседовал с таким количеством людей, имена которых можно найти в любой энциклопедии и которые прославились по самым различным отраслям — науки, искусства, политики.

Многообразие этих встреч, возможно, в какой-то

мере повлияло на создание у Алданова его историо-софской системы и отчасти укрепляло в нем его врожденный скептицизм. Еще в молодые годы он вычитал у Канта (а он прочел чуть ли не всех больших философов от Платона до Ясперса, от „а” до ижицы, но только не без некоторого кокетства где-то писал, что вот Канта он не всего прочитал!), что „великие люди блестят только на расстоянии, потому что великих людей вообще нет”. Стрела, пущенная кенигсбергским мудрецом, глубоко задела Алданова и ее следы оказались невытравимыми.

Хоть впоследствии он описал целую галерею великих людей „всех времен и народов”, прославившихся на любом поприще, но о словах Канта никогда не забывал и по-настоящему „признавал” только одного Толстого да еще, может быть, Декарта, которого не переставал перечитывать, может быть, для того, чтобы „его больше не тревожила красота выражений”, мешавшая охватить глубину мысли.

Недаром же первую главу „*Discours de la Méthode*” Алданов считал не только философским, но и стилистическим шедевром или, как он писал, „гениальной увертюрой оперы, в которой намечены мелодии философского и научного мышления трех последующих поколений”.

Но то якобы стройное „картизианское состояние ума”, которое его так прельщало, было особенно ему созвучно именно потому, что вопреки обычно-му представлению, было наполнено сомнениями. Поклонники и иные наивные комментаторы Декарта сделали его неким автоматом для производства ясных и неоспоримых силлогизмов. Но ведь по существу он никогда не был образцом „ясного рассуждения” и не зря же его современники считали его очень „темным философом”, который предла-

гал считать ложным все то, во что закрадывалась хотя бы тень сомнения, добавляя, что арифметика или геометрия только чуть-чуть более достоверны, чем другие науки. Мог ли поэтому Алданов, переживший на своем веку переоценку всех ценностей в любой области, не преклоняться перед декартовскими мыслями? не пересказывать их по-своему?

„Картезианцем” в общепринятом и отчасти сниженном значении этого понятия Алданов все же не был. Декарт, вопреки Паскалю, с которым он не прекращал спора, не „боялся вечного молчания бесконечных пространств”, а как раз в этом Алданов изменял своему воображаемому учителю. Едва ли я ошибусь, указывая, что Алданов непрестанно думал о смерти, не способен был скрывать охватывающую его тревогу, и „вечное молчание” пугало его. Хотя он не любил говорить вслух на эти темы, они между строчек проступали едва ли не с каждой страницы им написанного.

Его точно преследовал образ Ивана Ильича и он упоминал о нем и во многих своих романах и в ряде тех „эссе”, на фактуру которых несомненно повлияло знакомство с Литтоном Стрэтчи.

Впрочем, тут можно заметить известную „двойственность” в ощущениях Алданова. Все-таки его любимым, как ни странно, в чем-то наиболее ему близким толстовским произведением оставался „Хаджи-Мурат”, объективно говоря, ни в чем ему не созвукный: если в Алданове-человеке была крупица Ивана Ильича, то — говоря иносказательно — в Хаджи-Мурате было только то, к чему он стремился как писатель. Но именно о толстовской повести он как-то в присутствии Бунина и к его неудовольствию сказал, что ею для той великой русской литературы, которая была признана чудом XIX-го века, была поставлена окончательная точка.

Следовало бы добавить, что наряду с этим утверждением Алданов приводил цитату из толстовского дневника. Лев Николаевич занес в него, что когда он работал над своей „кавказской повестью”, его главным желанием было „выразить обман веры”. Несмотря на это, Алданов — а это давалось ему нелегко, потому что несомненно он считал свой поступок неким „оскорблением величества”, — готов был вступить в полемику с самим Толстым и подчеркивал, что „если только отвлечься от обрядовой стороны жизни, то Хаджи-Мурат в сущности не имел никакой религии и как куст того татарника, который стал символом всей повести, до последнего вздоха отстаивал свою жизнь”. Я остановился на этих алдановских замечаниях, брошенных почти случайно при случайном разговоре, потому что, по-моему, они крайне для его мироощущения симптоматичны.

Алданова волновала или, может быть, в какой-то мере даже угнетала повторяемость у Толстого, его „божества”, темы смерти, не столько в его дневниках или среди тех разговоров, содержание которых затем передавали его собеседники, сколько в его художественных произведениях. Размышляя о Толстом, Алданов как будто отстранял от себя мысль, что думы о смерти присущи каждому живому существу и дело только в умении их скрывать.

У Толстого, если только послушать Алданова, эта тяга была подлинно непреходящей, и он с некоторой удовлетворенностью готов был систематизировать все толстовские описания умирания, чтобы, грубо говоря, этим „выгородить” себя. Рядом со смертью от чахотки, от сердечного припадка, от ушиба Алданов в своем „каталоге” перечислял смерти в бою, в рукопашной схватке, затем шли

линчевания, расстрелы, виселицы, убийства и самоубийства. Мало того, как отмечал Алданов, большинство толстовских героев умирало в физических страданиях и без нравственного примирения, причем с одинаковой взволнованностью Толстой мог описывать смерть лошади, дерева, цветка.

Между тем, Алданов так и не разгадал толстовской „загадки”, как совместить слова о том, что умереть можно только „найдя Бога”, с неким восхищением перед дикарством Хаджи-Мурата. Не знаю, подумал ли Алданов о том, что это была „загадка”, не имеющая ответа, или что Толстой об ответе и не думал.

Но как бы то ни было, эта черта толстовского творчества и детали иных толстовских „концовок” как-то особенно глубоко задевали Алданова, влияя на его творческие замыслы. Так, в описаниях смертей, он вспоминал Ивана Ильича и иной раз не брезгал почти физиологическими подробностями, которые во всех других случаях, особенно в любовных сценах, которые ему не удавались, он всячески старался оставить в тени и чуть преждевременно опустить занавес.

Всех такого рода трагических описаний в алдановских книгах и не счесть. Стоило бы только вспомнить описание смерти Байрона в Миссолонги в „Могиле воина”, или смерть Александра II, разорванного народовольческой бомбой, в „Истоках”, или там же мучительное угасание от рака сановника этого царствования. А еще, может быть, еще другие более жуткие описания — медленное умирание Бальзака, призывающего на помощь созданного им в романах доктора Бианшона, или, наконец, описание смерти Ленина в „Самоубийстве”, тягостное в своем натурализме, но, конечно, исторически обоснованное. Следовало к этому перечню

добавить описание заката вымышленного, но очень типичного для эпохи, во всем преуспевавшего общественного деятеля и делового человека той России, которая после всех треволнений начала века начинала расправлять крылья. Для этого алдановского героя жизнь после октябрьского переворота стала просто непонятной и потому невозможной, и самоубийство было для него единственным выходом.

В качестве иллюстраций можно было бы тут же перечислить некоторые „пугающие” заглавия многих алдановских произведений, такие, как „Начало конца”, „Повесть о смерти”, „Могила воина” или, наконец, „Самоубийство”, полифонический роман, в котором описывается не только гибель большинства его действующих лиц, главных и второстепенных, вымышленных и исторических, но, в первую очередь, и этим расшифровывается заглавие — „самоубийство” старой, традиционной, исторической Европы, точно умышленно ради этой цели вызванное необоснованной и ненужной войной, возникшей, применяя алдановский язык, из-за цепи трагических по результатам, по числу жертв случайностей.

Случайность... Алданова принято считать рационалистом, человеком, живущим в трех измерениях, слишком хорошо знавшим, что дважды два четыре. Но такое о нем представление допустимо ли согласовать с тем, что теорию вероятностей он считал одной из самых замечательных наук, прекрасно зная, что не существует вполне удовлетворительных определений основных понятий этой теории. Можно ли это согласовать с тем, что, с одной стороны, он преклонялся перед Лейбницем, который во всеоружии науки стремился доказать, что дважды два действительно четыре и, с другой, не без

хитрецы указывал, что, по мнению знаменитого математика Анри Пуанкаре, лейбницевская попытка бесплодна, потому что легко доказать, что его постулат вообще недоказуем!

„Случай”. Случай с заглавной буквы — его Алданов ставил в центр истории, в центр жизни каждого человека. Многие и очень по-разному пытались его определить. Были и такие, которые вообще это понятие решались отрицать, утверждая, что случай — только псевдоним незнания. Между тем, Алданов, порой даже с непривычной для него страстью, верил, что все, что происходит в мире, включая само создание нашей планеты и возможное ее исчезновение, все, все — „дело случая”, и он подчеркивал, что „всю историю человечества с разными отступлениями и падениями можно представить себе, как бессознательную, повседневную и в то же время героическую борьбу со случаем”. В этом — основа его миросозерцания, и эти утверждения, эта борьба, собственно, является лейтмотивом всех его романов, да, пожалуй, всех его писаний, потому что можно было бы сказать, что ни о чем другом он по-серьезному не думал.

Оттого-то, по его глубокому убеждению, ходячее наставление — „ничего не оставляй на случай” — кажется ему предельным выражением высокомерия и легкомыслия. Легкомыслия, потому что все наши знания основываются на вероятности, на случае и в конечном счете способны только доказать, что со всеми нашими открытиями и техническим прогрессом мы мало, что знаем, притом не знаем главного. Более всего вероятно, что Алданов был агностиком и признавал, что не представляет возможности непессимистического атеизма. Пессимистом он был довольно крайним. Ну, а дальше... Никто не способен заглянуть в чью-либо душу.

Случай... Можно иногда говорить, что алдановская теория случая очень пригодилась ему для построения его романов, впрочем, и философию Гегеля какие-то ученые „шутники” называли „удобным пансионом на берегу моря”. Неверие Алданова в прогресс, доходящее почти до его отрицания, конечно, могло быть тоже сочтено за „удобный пансион на берегу моря”, но тут было бы уместно напомнить, что по другому случаю говорил Флобер — „лет этак через пятьдесят такие слова, как „прогресс”, „демократия”, „социальная проблема” будут звучать столь же комически, как сентиментальные выражения восемнадцатого века”, и Алданов тут, конечно, мог бы пожать руку Флоберу, хотя оба они едва ли могли предвидеть, что через каких-нибудь другие пятьдесят лет эти понятия, если еще сохранятся, вероятно, звучат трагически.

Случай... Даже „гений” только „шедевр случая”, писал Гельвеций, и эти слова подлинно лили воду на алдановскую мельницу. С превеликой охотой Алданов подхватил их и при этом ссылался в качестве примера на лукавого Фермата, одного из величайших математиков в истории, который своих работ не печатал, по-видимому открыл дифференциальное исчисление и в то же время ко всему относился как к шутке. Фермат дружил с Паскалем и перед обоими стоял один и тот же волновавший их вопрос о вероятности истины. „Вероятность истины” — собственно, это был предел того, кто исповедовал веру в случай, а Алданов был из их числа.

Наряду с этим Алданов указывал, что паскалевские „Мысли” проникнуты неким метафизическом ужасом перед мощью случая, перед бесконечной цепью причинностей, и даже войны, говорил

он, любая из войн всегда торжество случая, и было бы нелепо противопоставлять, как это часто делается, вероятность причины вероятности случая. Все в жизни, добавляет Алданов, включая сюда хотя бы искусство полководца, заключается в умелом, подчас в смелом использовании благоприятных случайностей.

В одной из своих философических книг Алданов не без убедительности приводит три красноречивых примера, в которых случай в какой-то мере перевернул историю. Алданов указывает на „девятое термидора”, на войну 1812 года и, наконец, на октябрьский переворот. Все три события произошли, по его мнению, не в силу исторической необходимости, а из-за сцепления тысяч и тысяч случайностей и, собственно, вопреки логике и наперекор нормальному ходу истории.

Так, „девятое термидора” удалось только потому, что Робеспьер был уверен в непоколебимости своего престижа, так же, как за три месяца до того Дантон был убежден, что Робеспьер не посмеет предать его суду. Удалось еще потому, что Робеспьер совершил роковую для него оплошность: объявляя о своем решении отправить на эшафот новую группу жертв, он не указал никаких имен и каждый в его окружении мог счесть себя включенным в новый список „врагов народа”. Другими словами, личная цепь причинностей переходила в цепь причинностей мировой истории.

В 1812 году все шансы на победу были на стороне французского императора — „у него было огромное превосходство в силах, он мог рассчитывать на гипнотическое действие своей военной славы, и главное, его „несла волна”, чему сам Наполеон придавал огромное значение”. Но случай съедает случай. Нет нужды пересказывать все дета-

ли эпопеи, даже если не всегда и не во всем соглашаться с Толстым, хотя, как это ни звучит парадоксально, как указывает Алданов, перечитавший ради этого все возможные источники и перерывший все библиотеки, Наполеон часто говорил о войне и военном искусстве то же, что Толстой, почти до буквального сходства в выражениях. Чтобы подтвердить свои слова, способные ошарашить читателя, в качестве примера Алданов приводит слова князя Андрея Болконского о том, что „сражение выигрывает тот, кто твердо решил его выиграть”, и эта фраза превратилась в основную „философию войны” самого Толстого. Между тем, за полвека до написания „Войны и мира” Наполеон сказал дословно то же самое теми же словами и Толстому это было ведомо.

Разбирая предысторию октябряского переворота, Алданов считает, что главная социологическая особенность этого действия заключалась в том, что она противоречила всем „законам истории” и, в первую очередь, тому, что так рьяно проповедовалось его вожаками, то есть, положениям марксизма и исторического материализма. Алданов доказывает — но это стало уже прописной истиной, — что не будь Ленина, октябрьской революции не произошло бы. Между тем его появление в России в тот кризисный момент в сущности было не больше чем „случайностью”. Людендорф мог Ленина через Германию не пропускать или вместо Людендорфа на его посту мог находиться более дальновидный и более осведомленный генерал. За две недели до переворота, вспоминал Алданов, на квартире меньшевика Суханова, с благословения его жены, произошло заседание большевистского цека, о котором теперь не любят в подробностях распространяться партийные историки. На это заседание с каким-то

несуразным париком на голове приехал из Финляндии, где он скрывался, Ленин и поставил на голосование резолюцию о решении начать восстание. В этой резолюции все положения, а их было пять, были ложны. Но на заседании присутствовал один большой человек, а остальные были своего рода „клакой”, которая не „должна была сметь свое суждение иметь”. Едва ли кто-либо из участников собрания способен был предвидеть то, что произойдет, а тем менее собственную участь, которая будет уготована на основании обвинений еще более ложных, чем те, которыми оперировал Ленин.

Кстати, говоря об Алданове, крайне симптоматично, что при всей его не терпящей никаких компромиссов враждебности к коммунизму, он был о Ленине необычайно высокого мнения, и портрет его, который он нарисовал в романе „Самоубийство” (от своей первой ранней французской книги о Ленине, написанной сразу по приезде во Францию, он всячески открецивался), наиболее схож с оригиналом и наиболее по-человечески убедителен. Составленный из отдельных фрагментов, из ряда эпизодов этот портрет по психологическому восприятию „модели”, конечно, нельзя сравнить с теми „житийными” описаниями, в которых Ленина выводили на сцену советские авторы, ни с теми схематическими псевдobiографиями, шаржированными в ту или другую сторону, которые появлялись в сравнительно недавнее время, когда вполне произвольно оперируют выбранными цитатами из его речей, книг или прокламаций.

Алданов подчеркивает — иногда, вероятно, неохотно — те ленинские черты, которые наиболее „питательны” для беллетриста. „Это какой-то зряц бешенства и энергии”, бросает словно вскользь одна из героинь алдановского романа. Но это и

„большая сила”, выражая мнение автора, уточняет муж героини.

Даже наружность Ленина описана Алдановым без искажений и без той иронии, которая заметна при описании личности Троцкого или Луначарского, которого фельетоном о „наркоме просвещения” Алданов, собственно „убил”.

Я хотел бы еще привести короткую цитату из алдановской книги: „Ленин, — пишет Алданов, — был всю жизнь окружен ненаблюдательными, ничего не замечавшими людьми, и ни одного хорошего описания его наружности они не оставили. Впрочем, чуть ли не самое плохое из всех оставил его друг Максим Горький. И только другой, очень талантливый писатель, всего один раз в жизни его видевший, но обладавший зорким взглядом и безошибочной памятью, рассказывал о нем: „Странно, наружность самая обыкновенная и прозаическая, а вот глаза поразительные — узкие, краснозолотые, зрачки точно проколотые иголочкой, и синие искорки”.

Если теперь попристальней всмотреться в алдановское литературное наследство, то, пожалуй, наиболее у него ценным окажется не столько сама фабула, как бы занимательно она ни была построена, сколько его дар композиции, умение налагать один пласт на другой, из книги в книгу делать перекличку своим героям без того, чтобы этот прием мог показаться искусственным или надуманным.

Беллетристические произведения Алданова охватывают без малого два столетия, но в какой-то степени они представляют собой единую, широко развернутую фреску, причем связь между частями читатель часто не замечает, потому что каждая из них вполне „автономна”. Связаны они только цепью повторяющихся тем. Сам он писал, что „искусст-

во исторического романа сводится к освещению „внутренностей” действующих лиц и к надлежащему пространственному их размещению, при котором они объясняли бы эпоху и эпоха объясняла бы их”. С другой стороны, ни в одном из своих романов Алданов не решал никаких политических или социологических проблем. Он считал, что эпоха, когда писалось „Что делать”, давно ушла в небытие, и его целью было осветить историю так, чтобы в руках читателя находилось занимательное чтение.

Какие бы критические замечания по адресу Алданова-прозаика ни высказывались, иногда, вероятно, в чем-то справедливые, какие бы упреки в „западничестве” к нему ни были обращены, все его книги были всегда повествованиями, написанными умным человеком, который, как всякий умный человек, умом своим не щеголяет, не выставляет его на первый план, им не любуется, но от него не отрекается, потому что сам его сознает. Если Алданов никогда не вступает со своим читателем в какие-либо „амикошонские” отношения, то в то же время читатель всегда чувствует, что Алданов его уважает, и это придает вес его книгам.

Если допустить, что алдановское литературное наследство кое в чем удаляется от русской литературной традиции и приближается к западноевропейским образцам, к таким „romans-fleuve”, как, скажем, „Сага о Форсайтах” Голсурси или „Тибо” Мартен дю Гара, то это внесение „свежего воздуха” в русскую литературу, задыхающуюся сегодня, с одной стороны, от серости и штампов, с другой, от паясничанья, можно только поставить ему в заслугу. А попутно можно лишь сожалеть об узости и тенденциозности критических оценок Горького, который характеризовал Алданова, „как писателя

чрезмерно умного, но с чужим насквозь творчеством". Поставив это последнее слово в кавычки, Горький наглядно показал уровень своих критических оценок — ему, конечно, было более с руки не жалеть похвал историческим романам Ольги Форш или Чапыгина. Разговор об алдановской „чужеродности”, которая его царапала, вероятно, вызывался тем, что в глубине души он мог сознавать, что алдановские романы, буде они достигнут советской земли, найдут несчетное число читателей, когда многое из того, что создавалось по горьковским канонам, давно истлеет.

Алдановские герои, и это наиболее ощутимо в тех его книгах, которые описывают годы, совпадающие с кануном революции или дальше — доходящие почти до наших дней, нередко настолько скульптурны, что читатель готов увидать в них своих знакомых, при克莱ить к ним этикетки с именами. Да, Алданов часто создает их, придавая им оттенок пошлости, не делая их ни в каком смысле „героями”. Но ведь Алданов — человек зрячий, и если он описывает определенное общество, определенные его слои, то именно в силу этого, как наблюдатель, он неминуемо должен был вводить „пошляков”, потому что он их действительно встречал в жизни. Не все прыткие газетчики были „героями”, были и Кременецкие, и Дон-Педро, и они списаны с натур и отнюдь не шаржированы. Впрочем, иногда у Алданова замечается и обратное: рисуя исторических деятелей, знакомых читателю чуть ли ни со школьной скамьи, он приоткрывает обратную сторону их казенных биографий. Алданов хорошо знает, что и у „героев” есть изнанка и не всегда они изрекают крылатые фразы. К тому же, он достаточно осведомлен о том, что о любом истори-

ческом событии потомки могут больше знать, чем современники, он знает вес свидетельских показаний. Но в то же время Алданов учитывает, что историческому романисту легко поскользнуться и прельститься бутафорией. Поэтому Алданов никогда не нажимает педалей, ничего не утирает и не впадает в карикатуру, какой бы она прельстительной для беллетриста ни была. Впрочем, свои первые четыре исторических романа, свою тетралогию, он объединил под общим названием „Мыслитель”, имея в виду статую химеры, стоящую на крыше собора Парижской Богоматери и с высунутым языком оглядывавшую то, что творится под ее ногами. Символика довольно злая.

Если Алданову удавались портреты исторических лиц (стоило бы упомянуть, как в нескольких строчках он изобразил австрийского императора Франца-Иосифа или подлинного представителя „русской безмерности” Савву Морозова, Бетховена или Муссолини), то менее удавались ему женские образы. Вообще все любовные истории, которые он описывал, а обходиться без них он не мог, выходили у него примерно на один лад, хотя иной раз для таких сцен он по-серьезному... документировался. Стоило бы только напомнить о той любовной истории, которая довольно детально описана в „Истоках”, когда один из героев романа влюбляется в цирковую наездницу. Из боязни допустить какую-нибудь неточность и чтобы иметь возможность авторитетно объяснить суть „тройного сальтомортале”, Алданов, как он сам рассказывал, на недолгий срок присоединился к такому цирку и вместе с ним кочевал по Соединенным Штатам, зная, что быт и атмосфера этих бродячих цирков не меняются ни с годами, ни с широтами.

В своем завещании Алданов просил свою жену

все оставшиеся после его смерти черновые наброски, как и незаконченные или не обработанные им произведения сразу предать огню. Эта его воля была в точности выполнена и поэтому из его архивов сохранилось только то, что он сам еще при жизни передал некоторым американским университетам.

Но вот — в литературном наследстве Алданова значится небольшая повесть, задуманная сперва как сценарий для фильма, затем в виде фельетонов появившаяся на страницах нью-йоркской газеты „Новое русское слово”, после этого неопрятно изданная каким-то канувшим в Лету издательством и, наконец, в исправленном виде уже посмертно выпущенная франкфуртским „Посевом”. Грозное название повести „Истребитель” сразу смягчается подзаголовком, составленном в стиле, напоминающем вольтеровские подзаголовки и гласящем: „Рассказ о скромном советском гражданине, Ялтинской конференции, и о том, как она отразилась на его жизни; с художественной характеристикой трех главных ее участников, решавших судьбу мира”. Казалось бы, к этому уже нечего прибавить, фабула рассказа заранее дана и можно тут же почувствовать символический оттенок самого заглавия — излюбленное Алдановым противопоставление маленького, незаметного человечка тем „великанам”, которые где-то по соседству вершат историей.

„Истребитель” — рассказ о старом и почтенном русском интеллигенте, ставшем своего рода „ископаемым” и силой обстоятельств (силой случая!) осевшем в Алупке неподалеку от Воронцовского дворца. Герой повести или, может быть, правильнее назвать его „антигероем”, как-то уцелел после всех бедствий, обрушившихся на Крым, и чтобы

прокормиться — был он когда-то химиком, — придумал себе редкую профессию „истребителя”, вопреки своему звучанию, ничего устрашающего не заключающую. Этот Иван Васильевич (фамилии его читатель так и не узнает) способами весьма до-потопными истреблял вредных насекомых, угрожающих виноградникам и садам, а вне сезона брался и за истребление клопов и прочей домашней нечисти — работа в то время весьма полезная.

Но так случилось, что перед самым открытием Ялтинской конференции (происходила она, кстати сказать, в Алупке) он получил приказ очистить свою „саклю”, как он называл свой домишко. Уж слишком близко находилась она от Воронцовского дворца, в котором происходила работа конференции.

Таким образом, по прихоти Алданова, вокруг нее скрестилось несколько планов: бытовой, с маленькими людьми, с обывателями, с их, кроме них самих, никому не интересными переживаниями, и другой — почти эпический — описание международной конференции, каждому из участников которой суждено было попасть на „скрижали истории”. Любил Алданов издавна на страницах своих книг сталкивать гигантов с мурашками, и следовало бы в скобках отметить, что описание гигантов получалось у него более рельефно, чем описания мурашек.

Я подробно остановился на этой повестушке Алданова, с какой-то точки зрения являющейся постскриптуом к его четырнадцати историческим романам, не только потому, что она была среди последних созданных им беллетристических произведений и была почти обойдена критикой, но потому, что в мои руки попал авторский экземпляр первого издания „Истребителя” с многочисленными

правками. Эти правки отчасти вводят в творческую лабораторию писателя и наглядно показывают некоторые его методы, кое-что прибавляют к тому, о чем можно было только догадываться, даже если алдановские исправления, как в данном случае, касаются не столько самого содержания повести или хотя бы отдельных ее эпизодов, сколько некоторых — для читателя едва заметных — деталей и благодаря этому самой психологии автора.

Первое, что бросается в глаза при сличении обоих текстов, — довольно значительные, особенно принимая в расчет размеры повести, сокращения, которые едва коснулись той ее части, в которой описываются дела и дни именитых участников конференции. Создается впечатление, что эта часть повести была написана как бы единым росчерком, почти без помарок. Алданов, видимо, был хорошо осведомлен обо всей подноготной ялтинского действия.

Возможно, что при окончательном редактировании своей повести Алданов вспоминал бунинское наставление, которое сам Бунин унаследовал от Чехова: закончив написанное, первым делом вычеркнуть первый его абзац, а затем без устали сжимать и сжимать первые редакции текста.

Действительно, Алданов жестоко „расправлялся” с разного рода словесными украшениями, уничтожал все красивости, вроде описания дворцовых великолепий, вычеркнул описание скучной библиотечки своего героя, оставив ему только Священное Писание да еще какой-то роман Жюль Верна, который служил ему копилкой. Кому придет в голову перелистывать какую-то книгу? Затем Алданов убрал имеющиеся в первом варианте повести не привычные для его уха советские словечки типа „буза”, „собирай манатки”, „пока”, „гвоздь па-

рень". Можно предположить, что он боялся — и это было бы на него очень похоже — что вставляя их в свои диалоги не вполне кстати, не совсем так, как это было принято в разговоре эпохи. Вычеркнул он и упоминание о тургеневском „лишнем человеке", примененное к своему герою. Вероятно, он подумал, что тургеневский образ едва ли уместен для истребителя филоксеры — занятие, которое сам Алданов отнюдь не презирал, тем более, что его Иван Васильевич в свое время напечатал в ученых изданиях статьи об „опрыскивании" и борьбе с виноградной блошкой, а одно это, с точки зрения Алданова, уже было достойно уважения.

Конечно, все эти сокращения и маленькие изменения носят исключительно технический характер и морали маленькой „притчи" никак не меняют, не затрагивают основной ее идеи — опять-таки „неизменной" роли случая в истории; в данном примере эту роль, в первую очередь, выполняет болезненное состояние Рузвельта. Наряду с этим, всплывает на поверхность и другое пристрастие Алданова — воскрешать тех маленьких людей, которые незаметно находятся в тени исторических событий, может быть, сами не ведая о том, что происходит за их спиной.

Добавлю, что перед тем, как засесть за роман о французской революции, Алданов долго работал в архивах и библиотеках, заполнял свои рабочие тетради выписками и, таким образом, располагал почти необъятным материалом. Но все же он счел нужным встретиться с Оларом и Ленотром, авторами классических трудов по этой эпохе. Он хотел добиться от них подтверждения правильности своих гипотез, указаний, что он не совершил хотя бы еле заметных фактических погрешностей.

Можно поэтому думать, что, имея достаточно свя-

зей, ему удалось проинтервьюировать кого-либо из тех, кто в составе иностранных делегаций находился в те дни в Ялте, — конечно, не из числа тех, которые появлялись на авансцене, да, кстати сказать, „звезды” едва ли сумели бы нарисовать беллетристу нужные ему детали. Но все, что он мог услышать от свидетелей, как обычно, он подвергал критическому анализу, рассматривал сквозь свой „стетоскоп”. Заполняя своим мелким почерком белые листы бумаги, он восстанавливал перед собой реалии, внимательно знакомился с газетными репортажами, прислушивался к разговорам вернувшихся из Крыма военных корреспондентов, но до конца никому не доверял, не верил в точность якобы общеизвестных фактов, считал, что в описании каждого из них обязательно есть какая-то, хотя бы незаметная с виду трещинка или что всегда они приглажены и причесаны. Так он поступал всегда за своим письменным столом или еще чаще за столиком кафе, где он любил работать, может быть, более охотно, чем у себя дома. Суммируя все извлеченное из разных источников, он воздвигал над всем свои собственные „надстройки” и они были тем зерном, от которого произрастало его повествование. Рассмотрение вариантов маленькой повести „Истребитель” только служит тому красноречивым примером.

В конце повести герой ее, Иван Васильевич, проходит мимо тех мраморных львов, которые украшают лестницу Воронцовского дворца, опустевшего с завершением конференции: один из львов спит, другой рычит, третий готовится к прыжку. Глядя на них, Иван Васильевич подумал: „Да, за все бывает расплата, кроме того, за что расплаты не бывает”. Эти несколько самых последних слов Алданов для нового издания повести вычеркнул

и в этом вычеркивании несомненно заключается центр тяжести всех поправок, они как будто отражают некоторое изменение историософской концепции автора, которое произошло за несколько лет, прошедших со дня окончания Ялтинской конференции. За этот короткий срок он что-то в себе перерешил и пришел к выводу, что „за все бывает расплата”. Только когда она приходит? — может спросить нетерпеливый читатель.

Устами Ивана Васильевича Алданов заранее отвечает ему. „Нет, конечно, нельзя сказать, будто меня не касается то, что делается во всех этих и других дворцах, только мы никого не интересуем, нам ни от кого нечего ждать и я — грешный буду, видно, и дальше жить, как жил, буду работать, пить по вечерам наливку и любоваться этими волшебными садами”.

Алданов любил иносказания, не будучи символистом был неравнодушен к символам, не будучи поэтом знал и чувствовал поэзию, но, главное, „он принял решение нигде не быть актером, а всюду зрителем всевозможных ролей, разыгрываемых на театре мира”. Я ввел эту фразу, поставив ее в кавычки, потому что это не мои слова, я воспользовался переводом из биографии Декарта, написанной неким Байе и вышедшей в 1691 году. Но оговорюсь — меня, само собой разумеется, засмеяли бы, если этой цитатой я вздумал бы проводить какую-то, самую отдаленную параллель между великим философом и русским беллетристом. Такая мысль была мне, конечно, в корне чужда, тем более, что сам Алданов, говоря о себе, всегда избегал пышных слов и громоздких сравнений и принял бы такое сопоставление за насмешку. Но эта фраза — опять-таки дело случая — попалась мне в каком-то алдановском тексте, и мне показалось, что она

может быть уместна, чтобы закончить посвященную его памяти статью.

Я начал эту статью с рассказа о моей последней с Марком Александровичем встрече, прибавлю только, что когда он уходил, он сказал мне, что завтра возвращается в свою любимую Ниццу, где ему так хорошо работалось, но вернется в Париж через месяц-другой, и мы тогда же условились о новой встрече, чтобы переговорить о кое-каких проектах, обсудить которые в тот вечер не удалось. Действительно, в назначенный срок сестра Алданова пригласила меня на ужин с „Максом” (это была его домашняя кличка), но за два дня до назначенной даты алдановский племянник сообщил мне об отмене ужина — „Макс неожиданно скончался”.

Смерть его была подлинно бесшумной. Его под утро нашли у окна, которое он, видно, пытался раскрыть, но до оконной ручки уже был не в силах дотянуться. Он рухнул на пол, не успев позвать на помощь жену. Думается, что он такой финал предчувствовал. Конечно, не самый момент или обстоятельства его прихода, но в последнее время на его лице было как бы начертано, что не жилец он на этом свете и что надобен только маленький „случай”, чтобы с этим светом рас простраться.

## Секретный доклад генерала Махрова

### ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуемый впервые, с любезного разрешения директора Гувернского института изучения войны, революции и мира, секретный доклад начальника штаба Вооруженных сил на юге России генерал-майора П. С. Махрова представляет, на наш взгляд, настолько интересный и важный для истории Белого движения документ, что мы считаем необходимым дать краткую справку о его авторе.

Генерал-майор генерального штаба Петр Семенович Махров родился 1 сентября 1876 г. Окончив Виленское пехотное юнкерское училище, он вышел подпоручиком в 1897 г. в 117-й Ярославский полк. В 1907 г. окончил по первому разряду Николаевскую академию генерального штаба. Затем занимал ряд штабных должностей в 4-й кавалерийской и 13-й пехотной дивизиях, а со временем — в штабе Виленского военного округа.

В начале первой мировой войны, тогда — подполковник генерального штаба, Махров был назначен на ответственную должность начальника оперативного отдела штаба 8-й армии генерала Брусилова и оставался в этой должности уже в чине полковника (в этот чин он был произведен 6 декабря 1914 г. внеочередно, за заслуги) до 31 августа 1916 г. Его участие в разработке операций во время Галицийской битвы 1914 года и особенно во время „Брусиловского”, Луцкого прорыва в 1916 г. было отмечено многочисленными наградами. Несомненно, в этот период полковник Махров близко познаком-

мился со многими выдающимися деятелями Белого движения, в частности, с будущим донским атаманом ген. Калединым, принявшим от Брусилова 8-ю армию 17 марта 1916 г., когда последний был назначен главнокомандующим Юго-Западным фронтом.

Ген. Деникина, назначившего его своим начальником штаба в 1920 г., полковник Махров хорошо знал еще раньше, когда они оба служили в штабе 8-й армии (Деникин — в качестве дежурного генерала). Очевидно, Махров и далее оставался почти в ежедневном контакте по службе с ген. Деникиным, когда последний стал начальником 4-й („Железной“) стрелковой бригады, а потом — дивизии, входившей в состав 8-й армии.

В таком же служебном контакте он был и с начальником штаба этой дивизии — полковником Марковым, будущим основателем Марковского офицерского полка, а затем — дивизии Добровольческой армии.

И наконец, Махров хорошо был знаком с начальником 48-й пехотной дивизии ген. Лавром Георгиевичем Корниловым.

В конце 1916 г. полковник Махров назначается начальником штаба Управления Морской крепости Императора Петра Великого по сухопутному фронту (так назывался в то время укрепленный район, охватывавший побережье между Балтийским портом и Ревелем). Видимо, этот перевод по службе на север и был причиной того, что полковник Махров сравнительно поздно прибыл в Добровольческую армию.

В начале 1919 г. он назначается в Кавказскую армию ген. Врангеля, начальником передвижения войск. Несмотря на острый конфликт с одним из командиров корпусов этой армии ген. Покровским

(угрожавшим расстрелять начальника передвижения армии, если тот немедленно не восстановит взорванный железнодорожный мост через Сал), ген. Врангель дал высокую оценку деятельности полковника Махрова в ходе наступления его армии на Царицын в мае 1919 г.

После Новороссийской катастрофы ген. Деникин назначил П. С. Махрова, уже произведенного в генерал-майоры, сначала генерал-квартирмейстером (оперативный отдел), а с 16 марта 1920 г. — начальником штаба Вооруженных сил на юге России.

Вступив через четыре дня после этого назначения в должность главнокомандующего — после Деникина, — ген. Врангель писал, принимая штаб:

„Генерала Махрова я знал очень хорошо. Он долгое время состоял в Кавказской армии начальником военных сообщений. Это был чрезвычайно способный, дальний и знающий офицер генерального штаба. Ума быстрого и гибкого, весьма живой. Он не прочь был поиграть „демократизмом”. Либерализм начальника штаба в настоящее время являлся в значительной мере отражением политических взглядов его ближайших помощников обоих генерал-квартирмейстеров.

Среди офицерства ставки и высших чинов, настроенных в общем право, либерализм начальника штаба и его ближайших помощников вызывал большие нарекания. Их обвиняли в 'эсеровщине' ”<sup>1</sup>.

Ген. Махров, формируя заново штаб, привлек — не считаясь со старшинством — нескольких молодых талантливых офицеров генерального штаба: полковников Коновалова, Дормана и Шкиренко. С

---

<sup>1</sup> Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля. Часть вторая. Южный фронт. Записки. Изд. „Посев”, Франк-фурт-на-Майне, 1969, с. 18.

этим штабом ген. Врангель подготовил операцию по выходу из Крыма в Северную Таврию, разгром корпуса Жлобы и другие операции, вплоть до организации эвакуации из Крыма. Со свойственной ему прямотой ген. Врангель пишет:

„... полковник Коновалов даже его врагами признавался за выдающегося по способностям офицера. Впоследствии я имел случай убедиться в справедливости этого мнения. Полковник Дорман был также способный офицер”<sup>2</sup>.

Совершенно очевидно, что ген. Махров не мог из-за своих многочисленных обязанностей составить ниже публикуемый обширный доклад без помощи своих сотрудников по штабу. Поэтому мы полагаем полезным сообщить краткие данные о его помощниках, упомянутых выше ген. Врангелем.

Первый заместитель ген. Махрова — полковник Петр Ильич Коновалов — был произведен в капитаны генерального штаба 22 апреля 1913 г. и служил в штабе 7-го армейского корпуса, стоявшего в Симферополе. При отходе немцев с Украины осенью 1919 г. он организовал добровольческий отряд и некоторое время оборонял город Екатеринослав от банд Махно и наступавших частей Красной армии. Затем служил под начальством генерала Слащева, удерживая крымские перешейки весной 1920 г. У ген. Махрова полковник Коновалов состоял в должности первого генерал-квартирмейстера, оставшись в этой должности и после того, как ген. Врангель послал ген. Махрова своим представителем при штабе Пилсудского в Польше.

Полковник Павел Евстигнеевич Дорман, как и Коновалов, окончил Академию генерального штаба накануне мировой войны и начал службу в чине

---

<sup>2</sup> Там же.

капитана генерального штаба 9 августа 1912 г. С марта 1915 г. он стал старшим адъютантом штаба 22-го Финляндского корпуса. Им командовал известный как своей храбростью, так и независимым и тяжелым характером генерал от инфантерии барон Александр Фридрихович фон ден Бринкен. Полковник Дорман исполнял при нем по сути должность начальника штаба во время Брусиловского прорыва, когда 22-й корпус еще раз доказал свои высокие боевые качества. Фактически он принял корпус, когда ген. Бринкен умер от разрыва сердца во время присяги Временному правительству. Полковник Дорман участвовал в боях Добровольческой армии почти с самого ее зарождения.

В эмиграции полковники Коновалов и Дорман, преуспевшие на деловом поприще, не раз приходили на помощь своему бывшему начальнику — генералу Петру Семеновичу Махрову.

В июне 1920 г. ген. Врангель назначил ген. Махрова своим представителем в Польше. Однако Махрову пришлось ждать около месяца согласия польских властей, и он смог выехать по месту назначения лишь в июле. Его основной задачей в Польше было формирование русских воинских частей. Но смог он заняться этим сложным делом только в сентябре, после разгрома основных сил Тухачевского под Варшавой. Отнюдь не содействовал работе Махрова в Польше Борис Савинков, которому — как одному из лидеров эсеров в прошлом — больше доверял глава польского правительства Пилсудский.

После сложных и трудных переговоров ген. Махрову удалось добиться от Савинкова, польского правительства и ген. Врангеля согласия на создание

в Польше „Третьей Русской Армии”<sup>3</sup> и найти для нее приемлемого для всех начальника — ген. Пере-мыкина. Но уже 13 октября 1920 г. ген. Махров попал в весьма затруднительное положение, ибо Пилсудский, вызвав его к себе, объявил ему о подписании перемирия с Лениным. Ген. Махрову предложено было позаботиться о том, чтобы русские войска покинули польскую территорию до вступления в силу этого договора, то есть до 18 октября. Ему удалось добиться передвижения русских частей в район, где находились украинские войска Петлюры. Там эти части были расформированы.

Оказавшись за границей, после захвата Крыма большевиками, ген. Махров в полной мере испил горькую чашу жизни в эмиграции, но не отошел от общественной деятельности. Он примкнул к тем русским военным кругам за границей, которые остались верными идеям ген. Деникина и признавали его своим вождем. Так, например, в журнале ген. Деникина „Доброволец” он писал в феврале 1936 г., занимая, как и его бывший начальник, „оборонческую позицию”:

„В нашей революции русский народ подчинился

---

<sup>3</sup> О создании этой армии было объявлено ген. Врангелем в приказе № 3667 от 20 сентября (3 октября) 1920 года:

„С моего согласия на территории Польши моим представителем при польском правительстве генералом Махровым формируется 3-я Русская армия. Задача этой армии — борьба с коммунистами, сначала под общим руководством польского командования, а затем по соединении с Русской армией под моим непосредственным начальством.

Призываю всем русским офицерам, солдатам и казакам, как бывшим на территории Польши раньше, так и перешедшим в последнее время к полякам из красной армии, вступить в ряды 3 Русской армии и честно бок о бок с польскими и украинскими войсками бороться против общего нашего врага, идя на соединение с войсками Крыма.

Генерал Врангель”. (Там же, с. 201).

даже такой чудовищной власти шайки третьего интернационала, но сила души народной сейчас же проявила свое действие в искации правды: 18 лет тому назад добровольцы, движимые национальным чувством, выступили в первые походы за национальную правду против большевиков, за национальную честь против Брест-Литовского бесчестия”.

Говоря далее, что в условиях, когда Германия и Япония угрожают войной, и „пораженчество и оборончество — старо как свет”, генерал Махров, однако, защищая свою позицию, добавлял: „Оборончество исходит из инстинкта самосохранения нации. Оборончество и национализм — тесно связаны”. Несмотря на эти высказывания, „оборонческая позиция” ген. Махрова не довела его до „советского патриотизма”. Генерал Махров после войны сумел преодолеть то лишенное, что в конце 30-х годов порой звучало диссонансом в его статьях, и до конца жизни остался верным тем идеям, с которыми он участвовал в гражданской войне. Скончался Петр Семенович Махров 29 февраля 1964 г. в гор. Канны (Франция).

### ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ ГЕН. МАХРОВА

Военная тайна и военная цензура. Варшава, 1909.

Специальность генерального штаба и его служебная практика. Москва, 1911.

Балканская война 1912 г. Севастополь, 1913.

Применение воздухоплавательных аппаратов на войне. (Лекции, читанные автором в Севастопольской авиационной школе в 1912—14 гг.)

Кто и почему мог похитить ген. Кутепова и ген. Миллера? Париж, 1937.

Что нам делать? Париж, 1938.

Историческая памятка о Виленском военном училище. Париж, 1959. Кроме этого, имеется ряд статей в журнале „Доброволец” за 1936—37 гг. и в других периодических изданиях.

Ред.

## Краткие комментарии к докладу

Доклад ген. Махрова, публикуемый ниже, был вручен ген. Врангелю в первые дни после того, как Деникин назначил его главнокомандующим Вооруженными силами на юге России. Врангель был в политике человеком малоопытным, но, по свидетельству кн. В. А. Оболенского (председателя Симферопольской земской управы), „подходил к власти без каких-либо предвзятых мыслей и без предвзятой программы, с верой в свою интуицию и в умение делать политические выводы из опыта жизни”\*. Судя по его пометкам на полях, Врангель доклад ген. Махрова прочитал очень внимательно. В некоторых пунктах политика, проводимая крымским правительством на практике в 1920 г., почти полностью совпадала с предложениями Махрова: в отличие от своего предшественника, Врангель, например, вел действительно реальную политику по отношению к иностранным державам и окраинным образованиям; он, таким образом, добился официального признания своего правительства со стороны Франции и вошел в соглашение с украинцами-сепаратистами. Так же, как и Махров, Врангель ощущал необходимость идеологической борьбы с противником, и при нем, впервые за все времена гражданской войны, пропаганда белых достигла того уровня, на котором ее уже можно было сравнивать с пропагандой большевиков. В стратегическом отношении ген. Врангель, видимо, лучше, чем Мах-

---

\* В. А. Оболенский. Крым при Врангеле. „На чужой стороне”, т. IX. Берлин-Прага, 1925, с. 8.

ров, понимал необходимость срочно занять Северную Таврию, где в изобилии имелся хлеб, недостаток которого столь остро ощущался перенаселенным Крымом. Армия уже была реорганизована в направлении, близком пожеланиям ген. Махрова. (Решение же Врангеля, высказанное им на полях доклада, назвать ее не „Крымской русской армией”, как предлагал Махров, а „просто Русской” — бесспорное доказательство его большого политического чутья.)

Предложения Махрова в области судопроизводства явно показались Врангелю слишком сложными. Им самим были проведены меры значительно более простые, давшие в некоторых областях весьма ощутимые результаты: в частности, они привели к резкому сокращению ограбления мирного населения со стороны белых войск.

В отношении реформы местного управления и земельной политики ген. Врангель, приняв некоторые мысли, все же явно уклонился от предложений ген. Махрова. Он предпочел (вместо провозглашения широких демократических лозунгов с их дальнейшим проведением в жизнь) подготовить коренное преобразование администрации на местах и создал — в общем, успешно — новое волостное земство, выбранное широким кругом избирателей-крестьян. Оно оказалось в состоянии решать накопившиеся в годы разрухи неотложные задачи деревни. Было создано также новое уездное земство. В дальнейшем намечалась реформа земства в масштабе губернии. В еще более отдаленном будущем Врангель мечтал о создании общероссийской земской палаты — нового российского парламента, избираемого демократическим путем через уже созданные и работавшие в освобожденных от большевиков областях новые местные земства.

Главное, что отличало уже проводившуюся в Крыму аграрную политику от предложений ген. П. С. Махрова, было несогласие Врангеля и его помощников решать аграрный вопрос в масштабах всей освобожденной русской территории. Например, правительство ген. Врангеля не захотело установить общий для всех максимум частновладельческой земли, а предоставило выбранным на местах „земельным советам”, где значительно преобладали представители крестьянства, решать самим на местах, какой максимум и минимум земли должен быть во владении крестьян и бывших крупных землевладельцев. Таким образом, в тех уездах, где до эвакуации белых из Крыма земельные советы успели наметить нормы предстоящей раздачи земли, максимум крестьянского землевладения колебался между 10 и 150 десятинами, а минимум оставляемой бывшему помещику земли — от 100 до 500 десятин. При составлении норм учитывались, естественно, населенность волости, качество отчуждаемой земли и ее общее количество.

В рабочем вопросе Врангель действовал чисто прагматически: он обеспечил крымским рабочим привилегированный по сравнению с другими слоями городского населения уровень зарплаты, признал право профсоюзов защищать экономические требования рабочих, способствовал созданию рабочих потребительских кооперативов, но одновременно требовал от рабочих в наиболее важных для армии отраслях промышленности бесперебойной работы. И добился. Лишь один раз применил он сравнительно крутые меры (отправку на фронт) по отношению к наиболее несговорчивым рабочим Севастопольского портового завода.

С самого начала Врангель, как и Махров, сознавал необходимость подготовить эвакуацию войск

и желающих покинуть Россию гражданских лиц из Крыма. Работники его штаба, сперва под начальством Махрова, а потом под руководством заменившего его ген. Шатилова, постоянно чувствовали внимание к этому вопросу и поддержку главнокомандующего в этой области и, несмотря на ряд огромных материальных трудностей (нехватку топлива, плачевное состояние судов и прочее), вполне удачно справились со своей задачей.

Доклад ген. Махрова верно отражает настроения большинства руководителей белой борьбы в 1920 г.: они не были ни реакционно настроены, ни глухи к реальным политическим проблемам, как любят изображать их многие западные и советские историки и литераторы.

*H. Росс*

## ДОПОЛНЕНИЕ К ДОКЛАДУ

Штаб генерала Врангеля стремился держать своего главнокомандующего в курсе дел, связанных с политической ситуацией во вновь занятых областях. Так, например, в секретной „Докладной записке о результатах объезда Нижне-Днепровского района” от 9 июля 1920 г. полковник генерального штаба М. И. Изыргин писал об отношении крестьян в Северной Таврии к Русской армии: „Сравнивая прошлый год с данным временем, крестьяне говорят: 'Да, теперь — не то, теперь насилий и самоуправства меньше, но все же отдельные случаи есть — в семье не без урода — мы это понимаем'...”\*. Докладывая о ходе мобилизации, пол-

---

\* Здесь и далее цитируем по подлиннику Доклада полковника М. И. Изыргина, любезно предоставленному Редакции В. И. Жестковым.

ковник Изыргин пишет, что во всех селениях района, за исключением Каланчака, „призванные пошли в ряды войск добровольно, что находит объяснение в факте ненависти крестьян к определенной части армии красной, части коммунистической”.

Говоря о земельной реформе ген. Врангеля 25 мая 1920 г., полковник Изыргин докладывает, что этот закон „до сих пор среди населения не получил не только надлежащих разъяснений, а даже распространения... Выборы в Волостные Земские советы произведены только в Чаплынке (29 июня), в остальных волостях района выборы назначены на 12 июля”.

„О какой бы то ни было предвыборной агитации говорить не приходится. С точки зрения сущности Земельной Реформы 25 мая — принципиальных возражений не встречается. Реформа, несомненно, крестьянской массе дает удовлетворение. „Закон, — говорит крестьянин, — хороший, лучше не надо...”. Но наряду с таким пониманием в том же крестьянине живет чувство, которое иначе как недоверием определено и названо быть не может”.

Свой доклад полковник заключает: „Совершенно недостаточно разослать по деревням и селам тысячи и десятки тысяч экземпляров приказа Главнокомандующего „О земле”, в подлинном его виде, и ... с разъяснениями к нему. Без живого слова их значение сведется к величине, не превышающей пользы курительной бумаги”.

ренности в том, чт. если остроумы боят, уж дамы сею чувствуют, что онемеют и насуплены кухни, если же насуплены кухни, будут сидеть сидеть, то тут, сидеть, будут, исключено груда, исключено груда, которой потребуется для устроения уж соединенных кухонетов.

КУРСОВОГО ОБРАЗА, КОТОРЫЙ ЧУДРО, ПОЗДНЕГО ПОДГОТОВЛЕНИЯ, ПРИЧИНОВЛЯЕТСЯ О КЕМЬ ЧАСТЯХ, УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ЧУДРОГО, ПРИЧИНОВЛЯЕТСЯ ПОДГОТОВЛЕНИЕМ НА РУСИ ПОД ВОСНОВОЙ СОСТАВОЙ ПОДГОТОВЛЕНИЯ К ПОСЛЕДНЕМУ-ХОДЯЩЕМУ КОНЦУ ВОСЬМЫХ, ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОМОЖНОСТЬ ОДИНАКОГО, ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОМОЖНОСТЬ, НАКОНЕЦ, ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОМОЖНОСТЬ 1920 ГОДА, КОТОРАЯ И ТОЛЬКО КОТОРАЯ МОЖЕТ БЫТЬ ДУШЕВНОЙ НАДОЛЖНОСТЬЮ.

THE CLOTHESLINE

Prop Consistencies

НАЧАЛЬНИК ШТАБА  
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО  
Вооруженными Силами  
на Юге России  
8 Апреля 1920 г.

СЕКРЕТНО  
В собственные руки

Гор. Севастополь

Доклад  
Главнокомандующему Вооруженными Силами  
на Юге России

Излагаемые ниже соображения мною частично докладывались Генералу ДЕНИКИНУ и Вашему Превосходительству, и некоторые из указанных мероприятий уже проводятся в жизнь, но считаю нужным все это систематизировать и изложить в настоящем докладе, дабы иметь одобренный Вами общий план работ.

Причем, касаясь и мероприятий, не относящихся к кругу моего ведения, имею в виду, что все эти вопросы настолько тесно связаны между собой, что без немедленного их разрешения Вооруженные Силы Юга России не найдут себе опоры в широких массах народа для доведения начатого дела до конца.

Исключительно трудная обстановка, в которой оказались Вооруженные Силы Юга России, вынуждает к лихорадочной работе по всем отраслям.

---

Примечания, сделанные ген. Врангелем на полях доклада, даны нами в сносках; места подчеркнутые им, выделены курсивом. — Р е д.

При всяких условиях, какие нам придется в дальнейшем переживать, несомненно одно положение: борьба с большевиками-коммунистами должна продолжаться до полного их поражения и свержения советской власти.

Для успеха этой борьбы необходимо:

- 1) принятие соответственной политическому моменту внутренней и внешней политики;
- 2) экономическое возрождение занимаемых нами областей;
- 3) политическая борьба с большевизмом;
- 4) всемерное продолжение открытой вооруженной борьбы с советской властью.

Необходимые по каждому из перечисленных вопросов мероприятия таковы:

## I. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Внутренняя политика должна опираться на здоровую массу населения.

Все данные указывают, что подавляющая часть русского народа почти исцелилась от большевистской заразы; ненавидит советскую власть и с радостью пойдет за тою властью, которая, освобождая народ от большевистского ига, осуществит ожидаемые народом чаяния.

Для привлечения народных масс на свою сторону необходимо твердо знать эти чаяния, навсегда вкоренившиеся в народную душу.

Они всем известны, это: 1) земля, 2) народоправство, 3) лозунг „Долой гражданскую войну”, 4) рабочий вопрос, 5) восстановление гражданского порядка и законности<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Необходимо затронуть и религиозный вопрос.

## ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС

Сущность земельного вопроса понимается всеми, кроме крайних социалистических и крайних правых партий, одинаково.

Крестьяне должны быть наделены дополнительно землею; крупное землевладение должно прекратить свое существование.

Мы должны привлечь на свою сторону среднее крестьянство и мелкое землевладение, сохраняя незыблемым, в противовес социалистам, принцип собственности и укрепив его всеми мерами и столь ожидаемым крестьянином юридическим порядком (выкуп и „бумага с орлом“).

Нарушение всероссийского крестьянского взгляда на землю было одной из главных причин нашего только что пережитого крушения.

После трех лет бесконечных теоретических и практических выяснений вопроса нельзя более откладывать его на обсуждение комиссии, а необходимо разрубить этот истинно гордиев узел, разрушить со всей решительностью.

Для сего нужны следующие конкретные меры.

Объявить в декларации максимум земельной единоличной собственности, обратив теперь же все остальное в государственный земельный фонд<sup>2</sup>.

Только это решение и будет первой реальной мерой, которая одна заставит население поверить, что новая власть взяла новый курс и не уподобится

---

<sup>2</sup> Это верно, но сейчас невозможно, ибо отчуждение связано с расценкой, каковую фактически сделать нельзя. Нет и средств для оплаты отчужденной земли. Первый шаг облегчения земельных сделок — парцеляция казенных земель и обязательная обработка всей годной площади, чем достигается переход ее трудящимся.

старой в желании оттянуть дело и вернуть землю в полном объеме прежним владельцам.

Только это решение даст правительству доверие, даст мобилизуемых, даст право потребовать от населения всяких жертв для борьбы с врагом.

Правительство сразу получит земельный фонд, который и начнет раздавать при помощи земельных комитетов или иных органов.

Максимум владения назначить такой, чтобы привлечь „средняка”, хуторян и мелких землевладельцев, имея в виду, что многие крестьяне владеют по 50 десятин, что средний размер частновладельческого и крестьянского владения во всей Европейской России — 27 десятин, что надо сохранить для собственников хотя ограниченную, но некоторую надежду на увеличение имущества, что в Польше, где население гуще (на одного человека — ... [оригинал испорчен. — *H. P.*] десятины, а у нас — 13 десятин), уже принят максимум в 100 десятин.

Все это дает цифру максимума единоличного владения — 100 десятин, не более.

Из-за того, что цифра эта окажется не отвечающей всем районам России, что часть хозяйств погибнет и так далее, — не следует откладывать решение.

Всякое замедление будет истолковано народом как уклонение.

Не следует бояться и того, что Учредительное Собрание изменит норму.

Пока для одного Крыма это не имеет значения, а практические благие последствия от проведения аграрной реформы неисчислимые.

*Итак, в декларации должно объявить максимум владения и теперь же приступить к осуществлению земельного передела.*

Идея участия всего народа в управлении страной настолько сильна в широких слоях населения, что убить ее можно было только опираясь на реальную силу, а получить эту силу от самого же народа, отвергая самый принцип народоправства, невозможно; поэтому необходимо стать на путь широкого, разумно понимаемого демократизма, отвергая все левые искажения этой идеи и продолжающиеся попытки крайних правых совершенно отвергнуть этот принцип.

Практически надлежит:

- 1) в декларации Верховной власти подтвердить, что задачей внутренней политики ставится созыв Всероссийского Учредительного Собрания;
- 2) во исполнение сего объявить о *выборах*<sup>3</sup> членов этого Собрания, положенных от Крыма, и немедленно к этим выборам приступить.

Эти члены Учредительного Собрания должны быть привлечены к участию в работе Правительства, с предоставлением им совещательного голоса.

По мере очищения соседних областей от большевиков должны выбираться члены Учредительного Собрания от них.

Таким образом, постепенно была бы избрана большая часть Учредительного Собрания и, что самое главное, население теперь же увидело реальное подтверждение и доказательства объявленного лозунга „За Учредительное Собрание”, чего до сих пор не дали ни большевики, ни прежняя Южно-Русская власть.

Таким образом, будет осуществлен принцип

---

<sup>3</sup> На каких основаниях? (Слово „выборы” выделено ген. Врангелем. — H. P.)

участия народа в строительстве управления государством, принцип, без которого не может быть надежды на успех воссоздания России.

Система выборов должна быть установлена той комиссией, которая вообще будет вырабатывать детали законов и проект декларации.

Вопросом внутренней политики является и вопрос об отношении к различным областям Российского государства, заявляющим права на ту или другую степень самостоятельности.

В этом отношении в декларации должен быть смело поставлен лозунг федеративности и единства России<sup>4</sup> (что совершенно не противоречит одному другому, как то мы видим в Америке и Швейцарии).

Надлежит объявить, что области, в которых сконструировалась власть, будут входить в наше государственное объединение, борющееся с большевиками как свободные и равные члены, но под знаменем федеративной России и единства; это будет, в настоящий период, выражаться единой верховной властью Правителя в отношении единства командования армией и флотом, единства иностранных сношений.

Украина, Грузия, Азербайджан, Латвия, Эстония, Белоруссия приглашаются вступить в федерацию для общей борьбы с большевизмом, для скорейшего окончания гражданской войны, для восстановления мира в Европе, который немыслим без восстановления России как культурного члена Европейской семьи народов, для восстановления нормальной экономической жизни всех народов России и Европы, чего не смогла достичь советская власть.

В развитие сего и в обеспечение спокойствия над-

---

<sup>4</sup> В е р н о.

лежит объявить, что в самоуправляющихся областях уже свободных или освобожденных от большевиков (то есть вне театра военных действий) будут содержаться лишь войска, сформированные попечением правительства данных областей.

В вопросе внутренней частной политики в Крыму надлежит:

1) возобновить деятельность органов земского и городского самоуправлений, привлекая их к помощи в деле снабжения армии и упорядочения экономического и санитарного состояния тыла, а также для фактического хозяйственного контроля<sup>5</sup>.

2) Главнокомандующему показать свое сочувствие общественности, посетив Земский съезд, пополненный представителями от всех слоев Крымского населения<sup>6</sup> (крестьян, татар, немцев, профессиональных кооперативов, сельских хозяев), в Симферополе и, сказав программную речь на основах декларации, созвать специальный крестьянский съезд для обсуждения земельных нужд.

Итак, в области внутренней политики необходимо:

1) поставить лозунг „Учредительное Собрание” и приступить к осуществлению выборов в него;

2) принять принцип федеративности;

3) призвать к работе самоуправления;

4) объявить декларацию в торжественной форме.

### РАБОЧИЙ ВОПРОС

Рабочие круги, как Крыма, так и губерний России, которые в минувшем году занимались Добромией, в массе своей настроены оппозиционно к Добромии и в меньшинстве враждебны.

---

<sup>5</sup> В ЕРНО !

<sup>6</sup> В ЕРНО !

Рассчитывать на привлечение рабочих целиком на нашу сторону трудно вследствие того, что даже в чисто демократических странах большинство рабочих всегда настроено оппозиционно в отношении власти, видя в этой оппозиции возможность для дальнейшей борьбы за свои классовые и политические интересы.

Исходя из изложенного, основой более или менее удовлетворительного разрешения рабочего вопроса явится необходимость известных гарантий чисто конституционного характера, при которых рабочие могут быть уверенными, что их интересы будут защищаться при участии их представителей.

Все остальные мероприятия по удовлетворению нужд рабочего класса будут паллиативом, но все же, учитывая необходимость для Главного Командования искать здоровую опору, для достижения своей цели в здоровых народных кругах, надлежит теперь же разрешить наиболее острые и неотложные нужды рабочих.

Самое проведение их в жизнь должно быть выполнено решительно, быстро и жизненно при участии в решении некоторых вопросов представителей от рабочих с тем, чтобы заставить поверить рабочие круги, что это не есть обещание на бумаге, а искреннее желание Главного Командования стать на путь реальной защиты рабочих интересов<sup>7</sup>.

Только при этом условии рабочие Крыма пойдут нам на помощь в делах агитации в советской России и в рабочих кругах Крыма наступит то успокоение, которого не наблюдается сейчас как результат отсутствия веры новому Главному Командованию, прямо в силу закона инерции<sup>7</sup>.

---

<sup>7</sup> Правильно, но не все сделать возможно при нашем положении финансов. (Это примечание относится и к дальнейшему тексту до пункта 6 включительно. — Ред.)

К мероприятиям, подлежащим разрешению теперь же, должны быть отнесены:

1) подтверждение восьмичасового рабочего дня;  
2) пересмотр существующих и издание нового закона об обеспечении и выдаче пенсии потерявшим трудоспособность и за выслугу лет за счет предприятий.

Причем ставки вознаграждения по прежнему закону (еще царского правительства) настолько устарели, что рабочие совершенно отказались от участия в пенсионных кассах.

3) пересмотр законов об охране детского и женского труда.

4) введение третейских судов и примирительных камер.

5) открытие богаделен для инвалидов труда и приютов для сирот рабочих, содержание которых должно быть отнесено за счет казны.

6) содействие и укрепление развития профессиональных организаций и культурно-просветительской работы среди рабочих.

7) поручение Начальнику Управления Снабжений разработать вопроса о хотя бы частичной натурализации труда для крупных предприятий, так как иначе требование повышения заработной платы будет расти непрерывно<sup>8</sup> (имеются сведения о требовании повышения заработной платы, обостренной действительной дороговизной жизни — до 3 тысяч рублей в день), что в свою очередь ведет к росту дороговизны и еще большему обесценению денег.

---

<sup>8</sup> В Е Р Н О .

## АДМИНИСТРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ВОССТАНОВЛЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПОРЯДКА И ЗАКОННОСТИ

Одной из наиболее важных причин недавно пережитой катастрофы является крайне неудачное разрешение вопроса об установлении административной власти в местностях, освобожденных Добрагмией от большевиков. Возвращение к жизни органов администрации прежнего времени со всеми ее отрицательными сторонами, возбуждавшими в населении сильную к себе ненависть и нетерпимость (взяточничество, произвол, фактическая полная безответственность), и игнорирование выдвинутых самою жизнью требований реформ административного механизма в корне подорвали доверие освобожденного населения к серьезному решению Высшего Командования взять новый курс в области правления страною, способный вдоворить в ней порядок и покой.

Коренная ошибка внутренней политики Верховного Командования заключалась в стремлении обосновать свою опору не на народе в широком смысле этого слова, а исключительно на офицерстве, представляющем собою проблематичную реальную силу, и на некоторых партиях, принесших много роковых бед вновь созидаемой России. Общее со стороны всех слоев населения недовольство возрожденными органами старой административной власти, перешедшее в некоторых местах почти в открытое возмущение, перенесение ненависти с администрации на Добрагмию, явно враждебное отношение к последним и не скрываемое горячее желание населения избавиться от администрации и от Добрагмии — явились результатом такой ошибочной внутренней политики. Этот печальный

опыт убедительно и наглядно показал, что реформа в области административного управления безусловно необходима и что будущие органы расформированной администрации должны не отрываться от народа, а работать в тесном единении с его представителями в лице избранных им же земских и городских самоуправлений.

В основу (административной. — *H. P.*) реформы должен быть положен принцип совместной работы органов администрации по назначению правительства с представительными от народа учреждениями. Только в таком случае народ может почувствовать уверенность в том, что возвещенные еще манифестом 17 Октября 1905 года основные начала прав гражданской свободы будут введены в жизнь и станут действительно незыблемыми и реальными и что правительство серьезно вступило на путь обновления государственного строя.

Воссоздание этой уверенности и явится началом общественного и политического успокоения, так как утратится всякий смысл классовой борьбы.

Разработка организации новой административной власти и установлений взаимных отношений с органами городских и земских самоуправлений должны быть возложены на особо назначенную для того комиссию.

Поэтому необходимо объявить в декларации:

1) что все основы гражданских свобод, заключающихся в действительной неприкосновенности личности, свободе слова, совести, собраний и союзов, признаются в полной мере и что все настоящие ограничения этих свобод имеют лишь временный характер, вызываемый состоянием Крыма на осадном положении;

2) что ограничения местного административного управления будут реорганизованы в соответствии

с новыми требованиями жизни и что органы администрации будут работать в тесном единении с органами местного самоуправления;

3) что городские и земские учреждения принимают активное и широкое участие в местном управлении.

В связи с реформой местного административного управления необходимо провести, в целях восстановления законности, реформы и в области отправления правосудия судебными учреждениями гражданского ведомства<sup>9</sup>.

Беглый обзор деятельности этих судов за последнее время указывает на частую фактическую их бездеятельность, особенно суда присяжных. В то время, когда ежедневно совершаются тягчайшие преступления: убийства, разбои, грабежи, насилия, когда тюрьмы переполнены и когда деятельность в судах, казалось, должна быть наиболее интенсивной, — к слушанию назначались дела восьми — десятилетней давности и при том в большинстве случаев мелкие: о незначительных кражах, пополненных растратах, драках и т. п. Дела эти в настоящее время утратили всякое значение, да к тому же фактически большинство из них и не могло разбираться, так как по таким давним делам при современной разрухе не представлялось возможным разыскать или обвиняемых, или свидетелей; кроме того, откладывались слушанием и из-за недостаточного числа явившихся присяжных заседателей.

Таким образом, великие задачи суда теперь в сущности свелись к выполнение одних лишь фор-

---

<sup>9</sup> Это общие места — надо другое: подбор лиц, беспощадная кара за всякое злоупотребление и практическое разрешение рядом конкретных мер наиболее назревших вопросов. (Это примечание относится также и к вышестоящим пунктам 1, 2, 3 — Ред.)

мальностей, сопряженных с огромным бумажным делопроизводством, и, кроме того, для присутствования при выполнении части этих никому не нужных формальностей привлекается в качестве присяжных целый ряд лиц различных профессий, отрываемых от работы, столь необходимой в настоящее тяжелое для нашей родины время.

Такое положение дела может подорвать высокое значение суда в глазах населения, что явилось бы огромным государственным бедствием, поэтому необходимо принять надлежащие меры к устраниению этого ненормального положения в судах.

К числу таких мер относятся:

1) прекращение производством дел о мелких преступлениях, совершенных по известное время, например до 1916 года включительно, дабы суд имел возможность разгрузиться от этих дел<sup>10</sup> и приступить к рассмотрению неотложных более важных дел о преступлениях, совершенных в недавнее время;

2) временный отказ от привлечения к отправлению правосудия присяжных заседателей, заменив таковых представителями от городских и земских органов самоуправлений<sup>11</sup>, являющихся также выборными от народа<sup>11</sup>. Представители эти принимают участие в решении дел в качестве временных членов суда с правом решающего голоса как в определении виновности подсудимого, так и в применении к преступным действиям законов о наказании;

3) число временных членов суда должно быть ограничено возможным минимумом<sup>12</sup>; совершенно достаточно для состава присутствия 4-х таких

---

<sup>10</sup> В Е Р Н О .

<sup>11</sup> Вопросительный знак.

<sup>12</sup> В Е Р Н О .

членов суда, при одном постоянном в качестве председателя;

4) все процессуальные сроки должны быть сокращены<sup>13</sup> и доведены до сроков, установленных военно-уголовными законами в военное время;

5) самое судопроизводство необходимо упростить<sup>14</sup>, введя при разрешении всех дел порядок применительно к порядку, установленному Военно-Судебным Уставом;

6) органом предания суду по всем делам, подведомственным окружным судам, является распорядительное заседание суда, на рассмотрение которого вносится заключение прокурорского надзора;

7) ввиду фактической бесцельности наказаний каторжными работами и содержанием в арестантских отделениях и тюрьмах, заменить эти наказания назначением на государственные и общественные работы по расчету: каторга — день работы за день наказания, арестантские отделения — один день работы за два дня содержания; тюрьму и арест — один день работы за три дня заключения в тюрьме с лишением свободы до отбытия наказания<sup>15</sup>;

8) так как наблюдение над подсудимыми-рецидивистами дает основание утверждать, что из различных мест заключения, вместо исправившихся граждан, часто приходят более совершенные преступники, то необходимо предоставить суду право по отношению к лицам, совершившим первое преступление, применять условное осуждение, дабы, с одной стороны, оградить их от пагубного влияния закоренелых преступников и, с другой, — разгрузить тюрьмы от переполняющих их элементов<sup>15</sup> и

---

13 В Е Р Н О .

14 В Е Р Н О .

15 В Е Р Н О .

9) с целью разгрузки Окружных Судов от мелких дел расширить подсудность мировым судебным учреждениям в соответствии с изменившимися условиями общественной жизни.

Разработка реформы отправления гражданского судопроизводства должна быть проведена в срочном порядке особо назначенной комиссией<sup>16</sup>.

## ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВОПРОС

Экономический подъем в областях нами занятых всецело зависит как от общеполитического курса власти, проводимого ею строго последовательно во всех отраслях жизни края, так и мер, проведение которых является жизненно необходимым, а именно:

1) разрешение земельного вопроса и тем самым привлечение симпатий к власти больших масс наиболее спокойного крестьянского элемента и

2) строгое проведение указаний власти на местах подбором надежных и честных исполнителей.

Без этих мер ни один частный капитал не рискнет производить крупные затраты, которые несомненно потребуются для восстановления промышленно-производственной жизни страны, и у промышленного класса явится уверенность в прочности внутреннего положения, что в свою очередь даст ему возможность покойно заняться своим делом.

---

<sup>16</sup> Проект едва ли применим для Крыма при настоящем его положении — осажденной крепости.

Аппарат управления во всех отраслях должен быть прост и не носить характера общегосударственной Российской власти, пригодной лишь для управления при нормальном течении жизни страны.

## УДЕШЕВЛЕНИЕ ЖИЗНИ

Самым острым вопросом момента является разрешение вопроса по удешевлению жизни, которое, конечно, не может быть во всей полноте осуществлено без разрешения промышленного кризиса, так как до тех пор, пока промышленность бездействует и, таким образом, правительственный налоговой аппарат прямого и косвенного обложения не функционирует и сельское хозяйство продуктами промышленного производства не снабжает, — немыслим подъем курса рубля, а вместе с тем и удешевление продуктов питания.

## ЗАГРАНИЧНЫЙ ЭКСПОРТ

Частичное разрешение в улучшении жизни (так! — *H.P.*), получаемое посредством товарообмена с деревней продуктами промышленного производства, добываемых из-за границы, к сожалению, по началу своей деятельности ПРАВИТЕЛЬСТВА В. С. Ю. Р., не получило должного направления, ибо выдача разрешений на вывоз сырья всем и каждому закончилась расхищением единственного валютного фонда.

Между тем, как казалось бы, к использованию этого единственного оставшегося богатства должны отнестись особенно осторожно, производя его исключительно через организованные на сей предмет правительственные аппараты.

## ТРАНСПОРТ

Артерией жизни каждой страны является надежный транспорт, без которого немыслимо существование

вание и нормальная деятельность всей промышленной и хозяйственной жизни.

Недостаточно вдумчивое отношение к вопросу восстановления транспортных средств и непринятие своевременно рациональных мер по его приведению в надлежащий вид не дало своевременно возможности снабдить железные дороги, водный транспорт, фабрики, заводы, мельницы и города достаточным количеством из имеющегося огромного запаса угля и нефтяных продуктов.

Как неотложная потребность в жизни Крымского полуострова и подготовка к продвижению вперед необходима срочная и широкая разработка лесных площадей, Бешуйского угля, Чингелекской нефти и полное напряжение всех морских транспортных средств к доставке из Батума нефтяных продуктов и из Зунгулдака каменного угля.

### СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

Нужды сельского хозяйства и рыбных промыслов могут быть восстановлены исключительно посредством товарообмена с заграницей как по снабжению сельскохозяйственными машинами, так и рыболовными снастями, ибо наша разрушенная промышленность по указанным выше причинам не может справиться с их грандиозными потребностями.

Вышеизложенные основные положения указывают на невозможность создания какого-либо правопорядка в экономической и политической жизни страны без принятия нижеследующих решительных мер:

1) срочное обследование бездействующих или работающих не в полном объеме промышленных предприятий с привлечением к этому обследованию

заинтересованных в этом классов<sup>17</sup> (промышленников, технического персонала и рабочих каждого данного предприятия) для выяснения как технических, так и материальных средств для немедленной организации работ, субсидирование тех из них, владельцы которых безвестно отсутствуют, на условиях арендного пользования этих предприятий, с учетом и контролем по распределению предметов производства правительственный органом<sup>18</sup>; и широкая поддержка вновь зарождающихся промышленных предприятий<sup>19</sup> с вмешательством ПРАВИТЕЛЬСТВА, по примеру Западной Европы, при конфликтах между предпринимателями и рабочими. Немедленное снабжение промышленных предприятий необходимым техническим оборудованием и нужд сельского хозяйства инвентарем посредством товарообмена с заграницей, по строго выработанному для каждого отдельного района плану потребностей;

2) немедленная отмена всех выданных разрешений на экспорт частными лицами нашего сырья и запрет им вывоза, и организация вывоза его правительственными органами, используя частный капитал лишь на принципах комиссионного вознаграждения;

3) воспрещение иностранным подданным скупки, как непосредственно ими, так и через наши банки или подставные лица, нашего сырья, крайне взвинчивающих цену на него на нашем рынке, благодаря чему сильно затрудняется и удорожается снабжение необходимыми продуктами наших армии и

---

<sup>17</sup> ВЕРНО.

<sup>18</sup> ВЕРНО, КОНТРОЛЬ НУЖЕН. НУЖЕН И ЧАСТНЫЙ КАПИТАЛ.

<sup>19</sup> БЕЗ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА СОВЕРШЕННО НЕВОЗМОЖНО УЛУЧШИТЬ ХОЗЯЙСТВО КРЫМА.

населения и удорожается стоимость привозимых в обмен на это сырье заграничных товаров;

4) немедленная организация правительственного торгово-промышленного органа с предоставлением ему возможности проводить через свой аппарат до 50% всех привозимых и производимых в каждой данной местности товаров, предметов первой необходимости, чем образовать мощный пресс, регулирующий частную торговлю<sup>20</sup>;

5) срочное обследование при посредстве правительственных и общественных органов технических нужд сельского хозяйства и рыбных промыслов и удовлетворение наиболее не терпящих отлагательства нужд<sup>21</sup> посредством экспорта их из-за границы в товарообмене на наше сырье. А также организация на местах нашей промышленности, удовлетворяющей их потребности.

## ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Великая Россия испокон веков отличалась всегда красивыми побуждениями и желаниями.

Ее политика в отношении к другим нациям никогда не была чисто реальной, направленной к соблюдению интересов и выгод русского государства, а всегда носила идеальный характер.

Россия часто выступала на защиту совершенно чуждых ей интересов и даже во вред своим национальным задачам.

Не было у руководителей русской внешней дипломатии талантливо разработанного плана национальной политики, систематически год за годом

---

<sup>20</sup> ЭТО УЖЕ СДЕЛАНО.

<sup>21</sup> В Е Р Н О.

димого в жизнь. Вся русская политика носила случайный, иногда талантливый, но все же не планомерный характер.

И даже в годы гражданской войны, то есть в период наивысшего напряжения всех здоровых национальных сил, повторилась старая ошибка — у нас не было строго проводимого в жизнь плана внешней политики.

Мы снова совершили ряд ошибок.

Дабы теперь нам, наученным горькими опытами прошлого, не пришлось повторять старых ошибок во внешней и окраинной политике — надо установить новые, здоровые принципы в этом отношении<sup>22</sup>, а именно:

1) политика должна быть вполне *реальная*, направленная к защите национальных и исторических интересов России<sup>23</sup>;

2) она должна базироваться на идее общеславянского объединения и всю работу вести в этом направлении<sup>24</sup>;

3) она должна использовать добрососедские отношения для развития нашего экономического благосостояния и для быстрого восстановления сельскохозяйственной жизни, промышленности, торговли и транспорта в стране<sup>25</sup>.

Нам надлежит жить в мире со всеми Европейскими Странами.

Договоры заключать только те, которые дают определенные выгоды и не грозят нам непредвиденными случайностями.

Версальский договор перекроил карту Европы;

---

<sup>22</sup> Основа всего дела.

<sup>23</sup> Основа всего дела. (Слово „реальная“ выделено ген. Брангелем. — Н. Р.)

<sup>24</sup> В е р н о.

<sup>25</sup> В е р н о.

появилось много новых государств; некоторые из них нам должны быть особенно интересны, а именно Юго-Славия, Чехия, Галиция и Польша.

Необходимо немедленно войти в тесную дружественную связь с Сербией, где у нас пока еще имеется много друзей, с чехо-словаками, видные руководители которых — КРАМАРЖ и другие, до сих пор являются лучшими проводниками русофильской политики.

В отношении Галиции необходимо сейчас же поддержать те группы, которые имеют давно уже тяготение к России<sup>26</sup>.

Необходим немедленный объезд двумя-тремя уполномоченными и особо доверенными лицами всех этих стран для установления на местах единого-образного принципа работы наших представителей в этих государствах.

До тех пор, пока наша фабрично-заводская деятельность, торговля и промышленность будут в хаотическом состоянии, до тех пор, пока мы сами не начнем работать, не покладая рук, мы будем в зависимости от иностранных товаров, от иностранного капитала.

Естественно для нас, русских, получать все товары оттуда, где они дешевле, и из той страны, которая к нам ближе<sup>27</sup>.

Такое положение диктует нам неотложную необходимость немедленного экономического сближения с экономически сильными европейскими странами, использование имеющихся там запасов одежды, сельскохозяйственных орудий и прочее.

Необходимо привлечь также транспортные техни-

---

<sup>26</sup> В е р н о. (Примечание относится ко всем трем предыдущим абзацам, особенно к абзацу о Галиции. — Р е д.)

<sup>27</sup> В е р н о. (Выделено в тексте доклада ген. Врангелем. — Р е д.)

ческие силы и специалистов для нашего возрождения и восстановления промышленной и торговой жизни, также транспорта.

Надо иметь в виду, что ослабевшая Турция все время сейчас только и мечтает войти в союз с Россией.

Вот что необходимо использовать сейчас.

Необходимо использовать Болгарию, у которой проснулось чувство горечи и сознания в совершенных ошибках.

Необходимо обратить самое серьезное внимание на желание Америки войти с нами в близкие отношения и немедленно использовать ее как для борьбы с большевиками, так и для получения оттуда различных предметов вооружения, снаряжения и питания.

Следует также иметь в виду наше отношение с Японией, сильной духом и организованной страной Дальнего Востока.

Путем определенного договора с Японией немедленно создать в Сибири снова новый фронт, объявив там те же принципы демократической диктатуры, которые объявляются новым Главнокомандующим здесь.

Надлежит также всемерно использовать общее желание всех народов бывшей Великой России скорее кончить гражданскую войну, выбросив новый лозунг: „Долой гражданскую войну”, „Давайте мирно трудиться и работать”<sup>28</sup>.

С этой целью можно использовать также все окраинные образования, которым ныне угрожает воинствующий большевизм, а именно: Эстонию, Латвию, Литву, Белоруссию, Украину, Грузию, Азербайджан и друг.

Объявив лозунг „Долой гражданскую войну”,

---

28 *В ЕРНО.*

образовать единый противобольшевистский фронт и угрозой затяжной гражданской войны и соответствующей пропагандой в Совдепии снова толкнуть народ на восстания в советской России<sup>29</sup>.

Необходима, кроме того, немедленная смена всех бывших представителей Русского Министерства Иностранных Дел за границей, которые все отошли от действительной жизни<sup>30</sup>, и (представительства. — *H. P.*) выились в рутинные бюрократические учреждения, не понимающие жизни и не видящие новых путей во внешней политике.

Назначение неудачных представителей может пронести бесчисленные бедствия впоследствии.

### ИДЕЙНАЯ БОРЬБА С БОЛЬШЕВИКАМИ

Большевизм, как таковой, в чистом виде недостижимая химера фанатически настроенных руководителей.

В России большевизм мог иметь успех только в начале революции, в темных, безграмотных, некультурных массах русского народа, для которого брошенные в толпу демагогические лозунги казались откровением свыше.

В них народ видел выход из полуголодного, полускотского существования, влакимого им до того.

Захват власти большевиками в октябре 1917 года и бесконтрольное хозяйствование в течение трех лет по всей Руси комиссаров, чрезвычаек, коммунистов, достойных агентов рабоче-крестьянской власти, доказали темному народу истинное лицо большевизма и его руководства.

---

<sup>29</sup> Подчеркнуто Главкомом.

<sup>30</sup> В ЕРНО.

Народ на самом себе испытал все те блага, которые сулили ему большевики.

Вместо тяжелой, трудовой и бедной жизни дуреволюционного времени он получил от большевиков — каторжную жизнь.

Вместо воли и земли по всей Руси слышится один сплошной стон — „Порядка и хлеба”.

Народ видит всю прелесть советской власти: голод, холод, мор, повальные болезни, грабежи, угон скота, расстрелы непокорных и протестующих, издевательство над верою и обычаями предков, насилие над женщинами.

Топлива нет, нет одежды, нет хозяйства, нельзя обрабатывать полей, нет работников... вот те основные данные, на которых должна была строить свой успех Добровольческая Армия.

И действительно, первые наши успехи с середины 1919 года показали воочию, как ждал и ждет русский народ освобождения от насилия и произвола; как он хочет спокойной, трудовой жизни, как жаждет права и порядка.

Всем памятны встречи добровольцев в Харькове, Киеве, Курске и Воронеже, когда измученное население пело „Христос Воскресе”, стояло на коленях и целовало избавителей-добровольцев.

Но вместо порядка мы принесли те же насилия, грабежи, издевательства...

Вместо чрезвычаек — порки шомполами, расстреляны и т. п.

Отсутствие твердой власти на местах, отсутствие определенной во внутренней и внешней политике (так! — *H. P.*), высокомерие, нежелание встать ближе к народу — создали нам бесконечное множество врагов, вызвали восстания в тылу, помогли развитию и усилению большевистской пропаганды, которая питалась нашими же ошибками.

Великое дело освобождения исстрадавшейся Родины было осквернено и отодвинуто далеко назад.

Нам не верили, нас боялись...

И вот мы потеряли Дон, Кубань, Терек, весь юг России и откатились в Крым.

Тяжелое наследство выпало на долю новому Главному Командованию.

Нет доверия народа; войска развернуты, тыл распропагандирован, немного осталось и материальных сил.

Вот обстоятельства и условия, при которых нам приходится продолжать великое дело освобождения России.

А это дело можно и должно продолжать. Надо победить большевиков и большевизм не силою оружия<sup>31</sup> (что не всегда дает полный успех), надо победить его идеально, использовав, пока не поздно, все ошибки, все тактические и политические промахи советской власти.

Политическая борьба — борьба самая серьезная, она не (только — *H. R.*) требует идеальных работников, высокого знания своего дела и безукоризненной честности.

Она также требует строго планомерной работы.

Никакое нарушение плана политической борьбы недопустимо со стороны каких-либо других лиц, иначе все обречено на гибель.

Наша же борьба, при условии ее интенсивности, даст положительные результаты и привлечет на нашу сторону снова симпатии широких слоев населения, если мы немедленно разрешим земельный и рабочий вопросы, дадим стране законность и порядок и восстановим самоуправление.

---

<sup>31</sup> ГЛУБОКО ПРАВИЛЬНО.

Дадим хорошую администрацию на местах, и только тогда возможен успех нашей работы, проходящей теперь в исключительно тяжелых условиях недоверия и вражды к нам как со стороны рабочего, так и со стороны крестьянского населения.

Вся наша работа распадается на три группы:

1) Наша разрушительная работа в Совдепии, имеющая целью разложить их организацию.

С этой целью у нас уже имеются в Совдепии свои группы, которым поставлено целью следующие задачи: а) организация и поднятие восстаний в тылу красных, б) разрушения и порча железных дорог, подрыв мостов, взрывы и уничтожение складов огнестрельных припасов, в) организация покушений на главных руководителей власти, г) организация в советских частях своих ячеек, ведущих тайную агитацию в пользу контрбольшевистских групп, д) объединение всех настроенных антибольшевистски граждан в больших населенных пунктах под видом кооперативов, артелей труда (грузчиков, чистильщиков сапог, газетчиков, извозчиков и т. п.), е) вхождение в комитеты, комиссариаты, революционные трибуналы и штабы в качестве членов таковых.

Развитие такой работы и план ее в деталях были изложены Вашему Превосходительству в особом докладе, уже утвержденном Вашим Превосходительством.

Для успешного же проведения его в жизнь необходимо, чтобы Министерство Финансов пошло на встречу в отпуске средств на эту работу.

Только тогда ее можно поставить на должную высоту и вести ее в таких размерах, чтобы достичь действительных результатов, то есть свалить воинственный большевизм.

Необходимо при этом указать, что с первых дней захвата власти в России большевиками (с октября 1917 года) ими тратятся громадные средства на пропаганду своих идей за границей почти во всех странах света, на подкуп прессы, общественных или политических работников и на многое другое<sup>32</sup>.

ж) Широкое распространение среди офицеров и солдат красной армии известий о коренном изменении в отношениях как к бывшим офицерам старой Русской армии (кадровым), так и к современным офицерам-курсантом, а также и в отношениях к пленным красным солдатам.

Ошибка, допущенная прежним Командованием в этом направлении, привела ко многим нежелательным результатам и явилась одной из причин, расколовших офицерскую среду на несколько враждебно относившихся друг к другу партий, результатом чего явилось и постепенное расслабление всей армии.

2) Наша борьба с большевистскими агентами и их пропагандой у нас.

Со времени наших успехов прошлого года большевики выбросили в наш тыл целую сеть своих агитаторов, богато снабдив их золотом, драгоценностями, николаевскими и керенскими денежными знаками.

В настоящее время в Крыму работа большевистских агентов усилилась отчасти вследствие наших недавних неуспехов на Кубани, а отчасти из опасения нашей пропаганды, изменившей с января свою организацию и заменившей собою бывший „Осваг“.

Эта наша работа в Крыму сумела завоевать

---

32 ВЕРНО.

расположение рабочего и крестьянского населения.

С этой целью у нас уже имеется 37 культурно-просветительных ячеек на Крымском полуострове в деревнях, в селах и городах.

Кроме того, имеется 5 групп подвижных-агитационных, с лекторами, которые объезжают Крым по указанным им Центром направлениям.

Независимо от того, для специального выявления ведущих у нас большевистскую работу агентов — реорганизована контрразведка.

Создано новое Центральное Отделение в отделе 2-го Генерал-Квартирмейстера Шт. Гл. наблюдательное, которое и будет ведать вопросами:

а) Борьба с организациями и лицами, занимающимися военным шпионажем в пользу иностранного государства или враждебной стороны, а также с организациями и лицами, нарушающими интересы армии и препятствующими им в достижении поставленных Командованием целей.

б) Борьба с организациями и лицами, занимающимися пропагандой в армии идей и учений, ведущих к ее разложению как государственного военного механизма.

в) Борьба с организациями и лицами, занимающимися пропагандой в армиях и подготовкой на территории Вооруженных Сил Юга России организованных выступлений большевистского характера.

г) Негласная охрана Командного персонала от террористических покушений (актов) мерами непрерывного и своевременного раскрытия последних.

Для достижения общих целей и установления общего единства — органы гражданской власти (Государственная Охрана и Уголовно-Розыскные Отделения) должны способствовать в полной мере работе Наблюдательного Отделения на основании Особой инструкции, разработанной по соглашению с

представителями всех учреждений, ведающих этой работой.

Кроме того, необходимо объединить работу морской и сухопутной контрразведок<sup>33</sup>.

Работа Наблюдательного Отделения будет вестись на совершенно новых началах.

Все старые способы, как то: вымогательство, угроза, истязания и прочее отныне прекращены.

Работа чинов введена в строго законные рамки, и все органы военно-юридические всемерно должны идти навстречу для скорейшего разрешения всех дел, передаваемых на их разрешение.

Прежняя волокита в делах, когда одно дело рассматривалось в течение пяти-шести месяцев, уничтожается и будет преследоваться законом.

3) Для ведения нашей работы по пропаганде идей Главного Командования, по осведомлению войск и прифронтовой полосы о всех событиях в Крыму, для распространения воззваний, обращений и приказов Главнокомандующего, а также для снабжения фронта и войск газетами уже давно на фронте существовали Отделения Особой Части Штаба Главнокомандующего, ведущие там свою работу в частях войск, и агенты наши не раз доказали верность своей идеи, умирая в окопах и ведя агитацию даже во время боев, поддерживая дух слабеющих.

Ныне все эти Отделения преемственно продолжают работу уже от Политической Части Штаба Главнокомандующего и, в связи с общей интенсивной работой центра, напрягают и свою работу. Такие Отделения имеются: а) в корпусе Генерала Слащева — Отделение Полковника Ноги; б) в добровольческом корпусе Генерала Кутепова — От-

---

<sup>33</sup> В Е Р Н О.

деление Штабс-капитана Неадера; в) в донском корпусе — Отделение инженера Афанасьева<sup>34</sup>.

В Симферополе и Севастополе имеются бесплатные народные читальни (Матросский клуб), в Севастополе — Вечерние Курсы и Народный Университет.

Имелись две образцовые унтер-офицерские инструкторские школы войсковых агитаторов (Мариупольская и Ново-Черкасская).

Для правильного и усиленного снабжения войск и фронта, тыловых гарнизонов и частей газетами, листовками и прочими литературными материалами в ближайшее время выходит на территории Крыма 5 новых газет (одна — „ВОЕННЫЙ ГОЛОС” — уже вышла; две — на татарском языке и одна — народная).

Все газеты будут получать одинаковые задания и проводить в толщи солдат и народа идеи, проводимые Главным Командованием<sup>35</sup>.

Для скорейшего доставления газет и листовок на фронт, в воинские части и населению, а также для развоза информационного и агитационного материала по всему Крыму организуется служба связи: Велосипедно-Мотоциклетный Взвод.

Кроме того, от Начальника Авиации Генерала Ткачева потребовано полное содействие аэропланами для развоза и разбрасывания литературы у нас и у красных.

Образовано специальное кино-фотографическое отделение, имеющее целью:

а) зафиксировать все наиболее выдающиеся события из боевой и общественной жизни В. С. Ю. Р.;

---

<sup>34</sup> Должен быть особо тщательный подбор людей.

<sup>35</sup> Надо оставить идею „Освага” — никаких газет правительственные, кроме одной военной. Поддержка самая широкая частной печати и подбор цензоров — образованных и идейных.

б) демонстрировать бесплатно войскам и народу фильмы и картины агитационного характера.

Производить снимки, могущие иметь историческую ценность.

Кроме того, организована береговая агитация, распространение газет и журналов между населением побережья, а также для информирования его о событиях в Крыму.

Заказаны портреты, плакаты и прочее за границей.

Бывшая до сего работы агентов „Освага” за границей не дала никаких результатов и всеми признавалась не отвечающей своему назначению<sup>36</sup>.

Ныне отдаются распоряжения о приведении дел и отчетности в полный порядок, и в самом ближайшем времени за границу будут командированы новые представители Политической Части Штаглава для ведения там работы на новых началах, снабженные точной инструкцией; и принимаются меры для установления радиосвязи в целях широкой информации о событиях на Юге России.

### ИНТЕНСИВНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ ОТКРЫТОЙ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ С БОЛЬШЕВИКАМИ

Открытая борьба с большевиками неизбежна, возможно, и сулит благоприятные результаты, но лишь при соблюдении и немедленном проведении в жизнь целого ряда мер в области политico-стратегической и в области организации нашей армии на несколько иных началах, чем те, которые существо-

---

<sup>36</sup> Информации за границей и проведению там в печати нашей политики придаю первенствующее значение — до сего времени это дело стояло отвратительно.

вали в Добровольческой армии до настоящего времени.

1. В области политическо-стратегической должно быть положено в основу полное военное взаимодействие всех противобольшевистских сил. Всякая сила, так или иначе выступающая против советской власти, должна иметь право на нашу поддержку (явную или тайную — это все равно) <sup>37</sup>.

Район борьбы с большевиками должен быть расширен возможно больше, дабы красные имели меньше спокойной территории и не могли бы сбрать подавляющих сил против их главного врага, каковым является русская Крымская Армия.

Исходя из последнего положения, надо стремиться создать очаги вооруженной борьбы там, где население с большевистским режимом помириться не может.

Такими очагами могут и должны быть: *Северный Кавказ, Дон, Крым и Украина* <sup>38</sup>.

На Северном Кавказе у нас в настоящее время имеется боеспособная Сочинская группа Ген. Улагая. Составляющие ее Кубанцы желают продолжать борьбу. Мы должны всемерно в этом помочь им посыпкой продовольствия, фуража и огнеприпасов. Эта группа и должна составить ядро, которое в недалеком будущем послужит опорой повстанческого движения на Северном Кавказе.

Ближайшая задача ген. Улагая — удерживать Сочинский район, привести в порядок свои части и готовиться, совместно с горцами, к наступлению на Кубань и, прежде всего, в район Баталпашинского, Лабинского и Майкопского Отделов.

Терцы действуют совместно с Кубанцами до вы-

---

<sup>37</sup> В Е Р Н О.

<sup>38</sup> Подчеркнуто Главкомом.

хода в район указанных Отделов, а затем Кубанцы направляются на Екатеринодар, а Терцы на Владикавказ.

На случай, если бы группа Ген. Улагая вынуждена была отойти в пределы Грузии, необходимо заблаговременно предпринять шаги перед союзниками о недопущении разоружения наших войск грузинами, а сохранения их для общей и совместной борьбы против большевиков, которые несомненно будут стремиться захватить Грузию и Батум.

Желательно и необходимо создать на территории Кубани другое ядро, подобное Сочинскому. Местом такого ядра должна быть Тамань, захват которой будет сравнительно нетрудной боевой операцией, обеспечит нам спокойное владение Керченским проливом и даст Крыму богатый запас продовольствия.

Силой, при помощи которой можно создать Таманский очаг борьбы с большевизмом, должны служить Кубанцы, эвакуированные в Крым. Во главе этой силы должен быть обязательно поставлен человек, пользующийся доверием большинства казачьего населения Кубани.

В частности полагаю посылку туда Ген. Покровского<sup>39</sup> совершенно недопустимой как лица в политическом отношении неприемлемого для Кубанской массы. Опасаюсь также, что набираемые им партизаны, не казаки, по своему нравственному облику могут провалить дело на Кубани.

Дальнейшая задача нашей Таманской группы — действия по северному берегу Кубани.

В общем, образованием двух очагов борьбы на Северном Кавказе (Сочинского и Таманского) мы создадим твердую опору для освобождения от

---

<sup>39</sup> В Е Р Н О. (Подчеркнуто Главкомом.)

большевиков Северного Кавказа и, в первую очередь, Кубани<sup>40</sup>.

## ДОН

Пока нет данных, указывающих на восстания на Дону, но, несомненно, большинство населения там нам сочувствует. Отсутствие же крупных волнений объясняется, главным образом, тем, что наиболее активный элемент Донского казачества оставил пределы родного края, рассеялся по Северному Кавказу и отчасти эвакуировался в Крым.

Этот элемент необходимо вернуть в Донскую область для организации там борьбы с большевизмом.

В первую очередь надлежит вывозить, главным образом, элемент небоеспособный, который после предварительной подготовки агитаторами (следует — *H. P.*) высаживать на берега Донской области под видом военнопленных, бежавших из Крыма, и т. д. Этот элемент должен разойтись по станицам. Среди него должны быть агитаторы и организаторы партизанских действий, богато снабженные денежными средствами, литературой и патронами.

Из отборных казаков в Крыму должна быть сформирована крепкая Донская часть, которую потом, после того, как Донское казачество начнет подыматься против советской власти, надлежит высадить где-либо в районе Ростов-Таганрог, дабы она могла послужить надежным ядром противобольшевистского движения на Дону.

Во главе указанной отборной Донской части должны быть поставлены совершенно новые начальники, пользующиеся доверием казаков.

---

<sup>40</sup> ПРАВИЛЬНО.

Посылка Донцов на Кубань через Таманский полуостров вряд ли сулит выгоды, ввиду розни между Донскими и Кубанскими казаками<sup>41</sup>. Кроме того, необходимо провести красной нитью: Кубанцы и Донцы должны сами освободить соответственно свои области, получая лишь материальную и моральную поддержку от Верховного Командования.

## I. КРЫМСКИЙ РАЙОН

Ближайшей задачей должна быть активная оборона Крымских перешейков впредь до окончания приведения в порядок и снабжения всем необходимым Крымских войск Русской Армии.

Для удержания Крыма необходимо, не жалея средств, привести оборонительную линию в сильную укрепленную позицию<sup>42</sup>, для чего деятельно продолжать постройки проволочной сети, закладку мин, фугасов, постройку батарей и блокгаузов. Скорейшее окончание железной дороги *Джанкой-Юшунь* имеет первостепенное значение.

Для успешной работы по укреплению позиции и постройки железной дороги необходимы материалы, рабочие и транспортные средства. Проволока — есть на месяц работы, необходимо заблаговременно просить союзников доставить из Салоник 100 тысяч пудов колючей проволоки. Колья постепенно добываются из лесных разработок, желательно усилить рубку этих кольев и доставку их на фронт. В Севастополе есть много различных башен, стальных плит, мин, орудий и проч., что будет извлечено учрежденной комиссией и направлено на фронт. Руководство работами организовано, и име-

<sup>41</sup> ЭТО ПРАВИЛЬНО.

<sup>42</sup> ПРЕЖДЕ ВСЕГО. (Выделены в этом абзаце места ген. Махровым и ген. Врангелем. — Н. Р. )

ется большой кадр инженерных офицеров. Самый острый вопрос — это с рабочими и транспортными средствами. Полагаю, что этот вопрос можно было бы наилучшим образом разрешить путем обращения к общественности. Пусть каждый уезд даст артель рабочих и конский транспорт на один месяц, — и работы можно будет значительно подвинуть, но это возможно лишь при симпатии населения к нам, к нашему делу, для чего и нужны указанные выше реформы. Нельзя вести борьбы, не опираясь на население, ибо мы попадем в полный тупик оторванности и изолированности. Частично рабочие средства дадут Донцы, а транспорт может быть несколько облегчен ускорением подвоза бензина для грузовиков.

Попутно ряд фуражировок на побережье Азовского моря для улучшения продовольствия в Крыму и притягивания к морю сил красных; такими операциями могли бы быть десанты<sup>43</sup> в районе Бейсукского лимана и Скадовска — для захвата хлеба, Ейска, Таганрога, Мариуполя, Бердянска — для вывоза плавучих средств и в районе Очаков, Херсон — для привлечения сил красных, перебрасываемых с запада на Крымский фронт.

Следующей нашей задачей должен быть захват Северной Таврии, которая может дать нам хлеб, скот и другие продукты питания.

Дальнейшими задачами будут движение на север вдоль левого берега Днепра и захват каменноугольного района.

В случае если группа Ген. Улагая должна быть увезена с Кавказа, то можно ее использовать и для немедленных десантных операций: а) Кубанцев совместно с находящимися на Керченском полу-

---

<sup>43</sup> В Е Р Н О.

острове — для овладения Таманским полуостровом, как указано выше; б) Донцов и Астраханцев — для совместной с Донцами, находящимися в Крыму, высадки или в районе Ростов-Таганрог, или Скадовка, в последнем случае — с целью захвата и удержания хлебного района Перекоп-Каховка-Алешки. Во всяком случае, желательно принять все меры к тому, чтобы части Кавказской группы, желающие продолжать борьбу, так или иначе сохранили своих лошадей и оружие и были использованы.

Наконец, четвертым районом борьбы с большевизмом должна быть Украина. Опорой этой борьбы в настоящее время являются так называемые Петлюровские войска и русские части Ген. Бредова.

С Петлюровцами у нас должен быть *военный союз*<sup>44</sup>; их мы должны поддерживать снарядами, патронами и денежными средствами и при их помощи в первую очередь освободить от большевиков правобережную Украину.

Разграничительной линией между нашей Крымской Армией и Петлюровцами может быть вначале река Днепр от устья до Екатеринослава.

Таким образом, резюмируя изложенное, полагаю необходимым: вести борьбу в тесном союзе со всеми противобольшевистскими силами; создать и поддерживать возможно больше очагов борьбы с большевизмом, в ближайшее же время такие очаги необходимо иметь в Сочинском районе, на Таманском полуострове, в Донской области, в пределах бывшей Таврической губернии и на Украине.

---

<sup>44</sup> Н Е О Б Х О Д И М О. (Подчеркнуто Главкомом.)

## II. ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ

Донское, Кубанское войско и Терское, а если последует соглашение, то и Украинская армия автономны и только в оперативном отношении подчиняются Главкому. Поэтому реорганизация этих войск есть дело их правительства и атаманов.

Наша Крымская Русская Армия нуждается в коренной реорганизации. Мы должны создать армию регулярную и иметь гражданское мужество сознаться, что в настоящее время на регулярную армию вооруженные силы юга России походят очень мало.

Нужно признать, что принятый до сих пор план разворачивания вооруженных сил юга России путем восстановления частей старой русской армии безнадежно провалился.

Результатом этой системы было образование бесчисленных кадров войсковых частей, заводивших самостоятельные хозяйства, громадные обозы, живших большей частью на счет местного населения и совершенно не дававших фронту бойцов.

Особенно убедительным доказательством этого положения служат попытки возродить старую гвардию и русскую регулярную конницу (5-й кавалерийский корпус).

Кадры старой русской армии, в том числе и гвардии, надлежит использовать на общем основании.

Название „Добровольческая Армия” как не соответствующее системе пополнения по мобилизации упразднить, а сосредоточенные в Крыму части назвать „Крымской русской армией”<sup>45</sup>.

Крымская русская армия должна быть организована следующим образом: формируются первый

---

<sup>45</sup> ПРОСТО „РУССКАЯ”.

и второй корпуса, первый состоит из Корниловской, Марковской, Алексеевской и Дроздовской дивизий; второй корпус из 1-й и 2-й пех. дивизий.

Две наши кавалерийских дивизии пополнить за счет упразднения мелких, назвать 1-й и 2-й, а входящие в них полки назвать 1-й конный п., 2-й конный п. и т. д.

Части должны быть полнорядными; лучше меньше частей, но с большим боевым составом.

Необходимо вести дальнейшую борьбу с существованием массы тыловых частей и учреждений, что совершенно не соответствует числу бойцов.

Минимальный аппарат управления и снабжения — все остальное в строй.

Поддержание порядка в тылу должны взять на себя части из категорийных и также учреждения, вооруженные и сорганизованные в строевые части на случай выступления большевиков.

В своем штабе я последнее уже провел в жизнь.

Все, что не желает сражаться, а бесполезно сидит в тылу, не имеет права на получение содержания и удаляется из пределов Крыма.

### III. ОРГАНИЗАЦИЯ ФЛОТА

Наш флот по громоздкости аппарата управления и соотношения боевых единиц и небоевого элемента превзошел армию.

Необходимо значительно упростить весь аппарат управления и тыла флота и значительно сократить личный состав<sup>46</sup> до размеров, действительно необходимых для обслуживания наших скучных морских сил.

---

46 В ЕРНО.

Старших офицеров ввиду их излишка и отсутствия достаточного числа должностей — уволить со службы с пенсиею. Не стесняться выдвижением молодого энергичного элемента, среди которого есть лица с большим опытом, самостоятельностью, знанием и пониманием своего дела.

Личный состав флота, оказавшийся излишним для обслуживания такового, мог бы быть использован частично для организации казенного рыболовства и большей частью (брошен — *H. P.*) на сформирование полевой морской пехотной бригады не менее 5-ти тысяч штыков для действий на фронте или, еще лучше, для беспрерывных десантных операций, как указано выше.

Материальную часть флота необходимо теперь же пересмотреть, выяснить недочеты на всех судах, определить, какие суда годны к боевой работе, на них сосредоточить все внимание<sup>47</sup>, а со всех старых негодных снять ценные части и самые суда обратить на слом и продать; во всяком случае, не держать на них личного состава и не держать эти суда у пристаний, где они только занимают места.

#### IV. МЕРЫ ДЛЯ ПОДНЯТИЯ НРАВСТВЕННОГО УРОВНЯ ОФИЦЕРОВ

Революция и гражданская война стерли в сознании многих тысяч русского офицерства прежние понятия о чести и воинском долге. Для возрождения этих чувств в офицерстве необходимыми являются следующие меры:

1) Восстановление офицерских судов чести с предоставлением этим судам права представлять к

---

<sup>47</sup> ПРАВИЛЬНО.

разжалованию в солдаты<sup>48</sup> как единственному средству в руках суда чести в настоящих условиях (уже объявлено).

2) Ввести аттестации начальников<sup>49</sup> и аттестационные совещания для высшего командного состава от командира отдельной части до командира корпуса включительно<sup>50</sup>.

3) Заняться энергичной очисткой офицерского состава от негодного по безнравственности<sup>51</sup>, беспалантности и дряхлости элемента, пусть будет меньше офицеров, но сильных и чистых.

4) Введение обязательного ношения полковых и иных частей и учреждений внешних отличий на погонах<sup>52</sup> (нумер или буква с особым знаком по родам войск и родам тыловых учреждений).

5) Дабы каждый носящий военную форму находился под постоянным контролем как своего начальства, так и особых органов (комендантов городов), надо безусловно воспретить ношение военной формы<sup>53</sup> лицам, не состоящим на действительной службе в Крымской русской армии. Эта мера подымет престиж офицерских погон.

6) Официально объявить, что в „Крымской<sup>54</sup> Русской Армии” занятие какой-либо должности не зависит от чина, а потому малая должность с высоким чином занимающего ее не только не умаляет достоинства носящего этот чин (так! — *H. P.*), но служит признаком верности долгу перед родиной и,

---

48 В Е Р Н О.

49 Опыт прежнего времени доказал их несостоятельность.

50 В Е Р Н О.

51 В Е Р Н О.

52 В Е Р Н О.

53 В Е Р Н О.

54 Вопросительный знак, слово „Крымской” подчеркнуто Главкомом.

наоборот, возвышает лицо, занимающее данную должность.

## V. МЕРЫ К ПОДНЯТИЮ ДИСЦИПЛИНЫ И БОЕСПОСОБНОСТИ ВОЙСК

В то время как большевики перешли в своей армии к строгому „регулярству“ и ведут борьбу на основах военно-научных, наши войска продолжают воевать по-обычательски.

Англичане, посетившие в феврале месяце бои на Перекопском фронте, указывают, что управление боем, стрельба и маневрирование сильно хромают.

Необходимо перейти к муштре для дисциплинирования войск и к научной подготовке начальника и бойца<sup>55</sup>.

Желательно помимо основной подготовки войск в резервах основать в тылу целый ряд курсов и школ, а именно:

1) Пополнить тыловой молодежью существующие школы: Корниловскую, Алексеевскую и Константиновское военное училище. Юнкеров последнего вернуть с фронта в училище.

2) Сергиевское артиллерийское военное училище вернуть с фронта в Севастополь и пополнить.

3) Возобновить занятия в Севастопольской артиллерийской подготовительной школе.

4) Развить Одесские инструкторские пулеметные курсы (в Феодосии) и создать такие же в Бахчисарае.

5) Открыть повторительные курсы для офицеров<sup>56</sup> в Симферополе и Севастополе, куда назна-

---

<sup>55</sup> СОВЕРШЕННО НЕОБХОДИМО.

<sup>56</sup> ЗАНЯТИЯ С ОФИЦЕРАМИ И ПОДНЯТИЕ УРОВНЯ ИХ ЗНАНИЙ ВСЕМИ МЕРАМИ – НЕОБХОДИМО.

чить по двести офицеров из числа шатающихся в тылу и расформированных учреждений и заведений армии.

6) В корпусах, кроме того, в периоды затишья собирать часть офицеров частей, хотя бы на две-три недели для изучения приемов и методов войны и их дисциплинирования.

Все указанные школы и курсы, помимо своего прямого назначения, дадут опору власти для проведения в жизнь своих предназначений.

## VI. БОРЬБА С РАСТЛЕВАЮЩИМИ ЯВЛЕНИЯМИ (грабежи, пьянство, разврат)

Для борьбы с грабежами необходимо:

1) Сделать начальников ответственными за грабежи подчиненных<sup>57</sup>.

2) Установить, что за взятое незаконно возмещение производится из хозяйственных сумм частей, а не казной<sup>58</sup>.

3) В дивизиях<sup>59</sup> учредить и заместить должности военных следователей, подчиненных главному военному прокурору.

4) Образовать уездные военно-следственные комиссии.

5) Запретить всякие реквизиции, как то уже было сделано Генералом Шиллингом<sup>60</sup>, но не исполняется. Все необходимое армии покупается интендантскими органами.

6) Обеспечить войска деньгами и довольствием от интендантства и ускорить снабжение войск обозом.

---

57 В ЕРНО.

58 В ЕРНО.

59 В КОРПУСАХ. (Подчеркнуто Главкомом).

60 Д А.

Для прекращения пьянства совершенно воспретить продажу и употребление спиртных напитков в ресторанах, на вокзалах и других общественных местах<sup>61</sup>.

Появление на улице в явно нетрезвом виде считать преступлением, влекущим преданию военно-полевому суду и смертной казни.

С целью устранения разврата воспретить пребывание в прифронтовой полосе в частях, учреждениях и заведениях доброволиц и других женщин, за исключением сестер милосердия<sup>62</sup>, и то не ближе штабов дивизий.

## VII. ПОДГОТОВКА АРМИИ

Противник имеет полную возможность постепенно вывести из строя всю нашу армию, причем красные, благодаря обширности занимаемой ими территории, имеют неисчерпаемый источник людского состава.

Ввиду этого нам приходится с особой тщательностью изыскать источники пополнения уже редеющих рядов фронта.

Таковых источников четыре.

1) Как изложено выше — сокращение тылов<sup>63</sup>.

2) Наши лечебные заведения с 20-ю тысячами больных и раненых. Необходимо лишь организовать их возвращение в строй по выздоровлении, что в настоящее время не наблюдается. С указанной целью нужно усилить надзор<sup>64</sup> за выписывающимися из госпиталей и лазаретов, обязательно передавать

---

<sup>61</sup> НЕТ, НО БЕСПОЩАДНО КАРАТЬ ЗА ПЬЯНСТВО.

<sup>62</sup> В ПРИКАЗ.

<sup>63</sup> Д А.

<sup>64</sup> Д А.

всех в команды выздоравливающих, а в последних формировать маршевые роты и беспрерывным потоком отправлять выздоровевших по своим частям.

3) Возвращение наших больных и раненых, эвакуированных за границу и уже вполне окрепших для строевой службы, для чего соответственно снестись с союзниками<sup>65</sup>.

4) Мобилизация. В Крыму призваны нормальные сроки службы до 34-летнего возраста включительно. Можно еще призвать восемь сроков от 35 до 43-летнего возраста и два досрочных призыва молодых людей в возрасте 19 и 20 лет<sup>66</sup>.

Мобилизацию допускаю лишь при условии установления взаимных благожелательных отношений между войсками и населением, что зависит всецело от проведения демократических реформ и прекращения грабежей и насилий со стороны войск, а также при наличии снаряжения и оружия.

Мобилизацию лучше произвести двумя сроками: в конце апреля четыре старших и один досрочный призыва, и лишь по постановке их в строй остальные пять возрастов.

Все десять возрастов дадут около 15—20 тысяч человек.

Предварительно постановке мобилизованных в строй — необходимо зачисление их в запасные батальоны и надлежащая муштра.

Для успешного пополнения войск надлежит принять принцип, что люди — это те же деньги, и каждый человек должен быть на счету.

---

65 Д. А.

66 ДОСРОЧНЫЕ — ДА. ОСТАЛЬНЫЕ ПОКА НЕТ.

## VIII. СНАБЖЕНИЕ АРМИИ

Снабжение армии должно базировать на местных средствах, подвозе из-за границы союзниками и нами на коммерческих началах путем товарообмена, а также фуражировка на побережье<sup>67</sup>.

В частности: продовольствие до нового урожая не вызовет затруднений. Желательно широко привлечь население к снабжению армии и обязательно организовать *казенное рыболовство*<sup>68</sup>. Одежда — даже если не будет подвоза англичанами — летом также затруднений особенных не вызовет.

Боевые припасы — необходимо призвать научные силы и приступить к изготовлению и переснаряжению снарядов, патронов, развив военную промышленность в Крыму, как то было во время большой войны<sup>69</sup>.

Лошади — приобретать за границей.

## IX. МЕРЫ НА СЛУЧАЙ НЕОБХОДИМОСТИ ОСТАВЛЕНИЯ КРЫМА

Ввиду выгоды обороны перешейков между Геническим и Перекопом, оставление нами линии Сиваша может иметь место лишь при большом превосходстве сил со стороны противника, почему рассчитывать на успех боя внутри Крыма не придется.

Ввиду этого приняты меры к выяснению страны, которая может приютить армию, и сделаны все под-

<sup>67</sup> НЕОБХОДИМО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ, И ПОКА ЕЩЕ ВОЗМОЖНО, ПОЛУЧИТЬ ПОМОЩЬ ОТ СОЮЗНИКОВ, СОСРЕДОТОЧИТЬ ВСЕ ЭТО МОЖНО В КРЫМУ, ДАБЫ СОЗДАТЬ СВОЮ СОБСТВЕННУЮ БАЗУ.

<sup>68</sup> Д. А. (Подчеркнуто Главкомом).

<sup>69</sup> НЕОБХОДИМО.

готовительные соображения по сосредоточению войск к портам, посадке их на транспорт и продовольствию во время переезда морем.

Необходимо чаще напоминать союзникам и славянским правительствам о необходимости учесть возможность оставления нами русской территории и, следовательно, заблаговременного указания страны, куда могут переехать наши войска.

Главнейшая мера успешности морской перевозки — это срочная добыча угля<sup>70</sup>, для чего нельзя жалеть никаких средств.

Однако, подготавляясь к худшему и изыскивая пути укрыть армию за границей, необходимо определенно установить, что это есть крайний, весьма нежелательный и исключительный случай, к которому придется прибегнуть при полном отсутствии у нас территории.

Полагаю, что надлежащая работа на Кубани, соответствующая политика с Грузией и Украиной и новый внутренний курс могут дать нам возможность, на случай оставления Крыма, переброситься в пределы Кавказа и Кубани или Одессы для продолжения борьбы с большевиками.

Имея флот, морской транспорт и уголь, мы можем, по сосредоточению красными большого кулака в одном месте, быстро перемещаться в другое и, продолжая борьбу, выжидать окончательного падения большевизма в России.

Для осуществления сего, кроме изложенных выше мер, необходимо тщательно наблюдать за положением на Кавказе и в Херсонской губернии, чтобы принять отвечающее обстановке решение.

Для свободы действий необходимо в трюм всех

---

<sup>70</sup> НЕОБХОДИМО.

кораблей теперь же, в виде балласта, погрузить как валютные грузы, так и (кроме расходного запаса) боевое и иное военное имущество.

На случай, если Вашим Превосходительством будут одобрены основные принципиальные мысли, изложенные в настоящем докладе, прилагаются два проекта обращения к гражданам России.

Подл. подп. генерального штаба  
*Генерал-Майор MAXROB*

## В Крыму при Врангеле

Тема гражданской войны, к которой в двадцатых годах охотно обращались наиболее выдающиеся русские писатели (вспомним хотя бы М. Булгакова, А. Платонова, А. Толстого, А. Веселого, Ф. Крюкова), уже давно перестала занимать главное место в современной русской литературе.

Рецензируемый в этой статье первый том романа Марка Соломоновича Еленина „Семь смертных грехов”\* хотя и никак нельзя признать выдающимся литературным произведением, все же заслуживает внимания, так как, во-первых, касается редкой ныне темы и, во-вторых, выражает достаточно цельный и целеустремленный взгляд на события, интересующие сейчас многих в России.

Роман Еленина издан тем промежуточным, „гибридным”, тиражом в 30 000 экземпляров, который, по-видимому, предназначается властью для пробных изданий „подозрительных” авторов; таким же тиражом изданы, например, повести Трифонова или Пильняка, романы М. Булгакова. Обстоятельство это — на первый взгляд загадочное: Марк Еленин безусловно благонадежный писатель. Объяс-

\* Марк Еленин. Семь смертных грехов. Роман-хроника. Книга I. Изгнание. — Ленинград: „Советский писатель”, 1981. (Журнальный вариант: „Нева” №№ 1—3, 1981.)

няется оно, как нам кажется, недоверием властей к затронутой автором теме как таковой, к повествованию „о врангелевщине, о бегстве белых армий из Крыма, о судьбах русских людей, оказавшихся в эмиграции” (с. 2).

„Изгнание” — первая из четырех обещанных частей еленинского „романа-хроники” — повествует о белом Крыме и его конце в ноябре 1920 года. Книга описывает судьбы ряда лиц, исторических или вымышленных, кажущихся автору типичными представителями дрогнивающего в Крыму буржуазного общества. Тут и генерал-аристократ в отставке, чудак, но патриот; и бесхребтный интеллигент; и беспричинный коммерсант; и верная няня; и либерал-болтун; и обманутый начальством рядовой белый воин; и благородная девушка, вынужденная из мира возвышенных порывов окунуться в развратное бытие банды зеленых грабителей; и офицер доброволец — карающий маньяк; и офицер доброволец — кающийся и сомневающийся... Судьбы вымышленных персонажей переплетаются сложно и часто неправдоподобно с судьбами „реальных” военных и гражданских деятелей белого Крыма. Из глубокого крымского подполья, например, в „центр” посылает отчеты таинственный „Баязет”, прекрасно информированный обо всем; отчеты же его составлены в основном при помощи опубликованной впоследствии мемуарной литературы... В конце книги все явно вымышленные и псевдоисторические персонажи, за исключением, естественно, погибших, оказываются автором эвакуированными в Константинополь с явным намерением предоставить им возможность в трех предстоящих частях „романа-хроники” продолжать свои пьяные разговоры, грязные аферы и заранее обреченные попытки борьбы против первой в мире социалист-

тической страны, благо все они насквозь просматриваются недремлющим оком Чека.

Мастером художественного слова Марка Еленина не назовешь. При явной скучности качественной информации и отсутствии литературного чутья, он, описывая быт, язык и нравы русского культурного общества, часто, не желая этого, дает возможность читателю повеселиться от души. Считая, что речь „бывших” образованных слоев должна „изобиловать французскими и английскими словами, латинскими пословицами и поговорками на все случаи жизни” (с. 492), автор не стесняется в употреблении последних. Таким образом, например, почтенный историк у него характеризует нигилизм пословицей „Aut Caesar, aut nihil” (с. 214) и считает, что „errare humanum est” — великое заблуждение (с. 99) — ненамеренно гениальный софизм!

Украшают труд Еленина и другие многочисленные перлы. Правительствующий Сенат, например, торжественно объявляет, что ген. Врангель был выбран главнокомандующим „помыслом Божиим” (вместо „Промыслом”). Светская дама приглашает понравившегося ей господина воспользоваться „мужниным” пропуском, чтобы эвакуироваться „на корабле, что Днепр называется” (с. 468).

Не всегда вникал автор в чрезмерно для него сложные исторические и географические материи. Совершенно зря, например, он считает, что новая столица Турции „Ангора”, находится „рядом” с Константинополем; не мешало бы ему навести некоторые справки, прежде чем приписывать белому начальству в 1920 году рассуждения о том, что „перекопские укрепления неприступны, ибо при создании их учтены все ошибки линий Мажино и Зигфрида” (с. 437): первая была построена в конце двадцатых годов, а вторая — в тридцатых...

Весьма любопытно изъясняются некоторые персонажи романа. Представляющийся Врангелю дежурный генерал называет себя „Иваном сыном Тимофеева” (с. 116), а отправляющемуся в путешествие доверенному лицу ген. Врангель советует „вожировать в партикулярном платье”, чтобы меньше привлекать к себе внимание (с. 133). Начальник контрразведки, ген. Климович, обращается к Врангелю в духе все того же XVIII века: „Вашему пре-восходительству благоугодно было истребовать от меня откровенности”... (с. 514). Автору известно, что генералы Врангель и Шатилов — однокашники по Академии Генерального штаба и старые друзья; в романе же Врангель обращается к Шатилову на „ты”, а тот отвечает ему весьма почтительно, а порой и подобострастно на „вы”: такого рода отношения, вероятно, характерны для тех сфер, в которых вращается Марк Еленин, но совершенно немыслимы в старой русской военной среде.

Не только взаимоотношения, но и быт высших слоев крымского общества изображается автором как некое отражение того, что он может наблюдать в советской России. Ему, например, трудно уловить различие между гвардейской „экономкой” и советским спецраспределителем (с. 182). Хотя „сливки” крымского общества иной раз и не брезгуют под тентом выпить „недорогого пристойного пива” со „свежими раками”, в основном они свое время проводят в дорогих ресторанах за обильной и представляющейся автору изысканной пищей, с наслаждением уплетая на десерт спаржу, печенье (с. 288) или „желтовато-розовый, самый нежный кусочек лососины” и глубокомысленно изрекая при этом плохо понятые и некстати приводимые древние афоризмы (с. 302).

Белые сановники и интеллигенты у Еленина

относятся друг к другу, как современные советские чиновники. В устах их нередки и чисто чекистские словечки, которые явно по вкусу самому автору. Не брезгует ими даже еленинский Врангель. Так и пестрит их речь словами и выражениями: „заагентуренный”, „абсолютно новый объект”, „освещает”, „разведданные”, „разведцентры”, „теракты” и пресловутая „оперативность”...

Ознакомившись с „художественными” сторонами романа Марка Еленина, остановимся теперь на его исторических и политических аспектах. В первую очередь следует сказать, что автор знаком с достаточно широким кругом источников, в основном — повествовательного характера. Он читал воспоминания генералов Деникина, Врангеля и Слащева, записки Валентинова и Оболенского, кое-что из белой „полковой” литературы. Но некоторые важные источники, как, например, записки красного партизана Макарова или военного прокурора Калинина им почему-то не использованы, хотя эти авторы не скрывали своего резко отрицательного отношения к белым властям Крыма. Архивный материал, очевидно, остался вне поля зрения Еленина.

Источники часто используются автором недобросовестно, он не брезгует даже прямыми искажениями. На странице 85, например, Еленин весьма бесцеремонно переделал на свой лад воспоминания ген. Врангеля. Передавая его разговор с ген. Май-Маевским при вступлении Врангеля в командование Добровольческой армией, автор вкладывает в его уста ответ Май-Маевскому (считавшему, что бесполезно требовать от добровольцев прекращения пьянства и грабежей): „Большевики, видимо,

не так рассуждают". На самом же деле Врангель\* с возмущением ответил совершенно обратное: „.... Какая же разница при этих условиях будет между нами и большевиками?"

В искаженном и карикатурном виде описывает Еленин обстановку выборов Врангеля (в марте 1920 года) преемником ген. Деникина, на должность главнокомандующего. Он представляет это событие как маневр самого Врангеля, шантажировавшего и обманувшего отрицательно к нему настроенных белых военачальников. В действительности же было все как раз наоборот: Врангель был наиболее популярным среди большинства белого офицерства, а власть свою в условиях почти безнадежной ситуации Крыма воспринимал как тяжелый долг перед армией и Россией.

Неоднократно извращаются Елениным не только воспоминания участников, но и приводимые им в романе документы и тексты. Делается это с целью выставить ген. Врангеля и его политику в наиболее неприглядном виде. Автор, например, пишет, вопреки не только фактам, но и здравому смыслу, что Врангель начал серьезно заботиться об эвакуации из Крыма лишь в октябре 1920 г., тогда как она стала одной из основных забот нового главнокомандующего уже весной. Совершенно односторонне описаны также отношения между Врангелем и ген. Слащевым, бездоказательные утверждения которого в его воспоминаниях автор редко ставит под сомнение. Цитируя выдержку из одного приказа Врангеля, где сказано: „В случае оставления Крыма, воспрещаю порчу и уничтожение казенного

---

\* Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля, 2 издание, — Франкфурт-на-Майне: изд. „Посев”, 1969. Часть I, с. 290.

имущества, так как таковое принадлежит русскому народу", Еленин без всякого основания оспаривает искренность его слов (с. 398).

Автор „Семи смертных грехов" всячески стремится показать, что эвакуация из Крыма была катастрофической, наподобие Новороссийской в начале 1920 года. Он изображает ее как неорганизованное стремление войск и населения захватить себе, если нужно силой, места на уходящих судах. Он даже пишет о сложной бюрократической системе пропусков, связанной со взятками и чиновническим произволом. В действительности эвакуация прошла вполне успешно в условиях того времени, без всяких чиновнических ухищрений; важно было лишь для большинства желающих эвакуироваться гражданских лиц одно — вовремя добраться до портов погрузки. Что касается военных частей, то не всегда все проходило гладко, в частности, в Феодосии; и все же большинство желающих, тоже без особых проблем, было погружено на борт. При тяжелом состоянии флота, весьма ограниченной помощи „союзников", скучных запасах топлива и продовольствия и в условиях стремительно наступающих махновских и красных частей эвакуация 150 000 человек из Крыма в целом — блестяще проведенная военная операция. Корабли, конечно, были переполнены и перегружены. Заниматься на них гастрономией и валяться на мягких диванах, как это описывает Еленин, было едва ли возможно...

Совершенно искаженно описывает автор прибывающих в Константинополь русских беженцев, людей, „которые, уже покинув или готовясь покинуть родную землю, превратятся столь быстро в толпу, в стадо, в ораву безжалостных, тупых, остро ненавидящих друг друга вчерашних людей, окончательно

утративших контроль над собой, над мыслями своими и эмоциями" (с. 439).

Русская первая эмиграция, в том числе и русская эмиграция из Крыма, наоборот, удивительным образом, несмотря на нищенскую жизнь, в основном сумела сохранить свое достоинство, культуру и религию, чему отнюдь не способствовало презрение бывших союзников России и старания духовных отцов и братьев Еленина — советских чекистов.

Много внимания уделяет Еленин личностям, идеям и деятельности наиболее известных вождей белого движения.

Ген. Деникин выглядит у него неким туповатым и полным смехотворного самомнения старичком с „потухшим лицом”. Он чрезвычайно гордится тем, что женился на „княгине” (!) Горчаковой и что у него, благодаря этому, родился ребенок — „рюрикович” (сс. 50—51, 64, 217, 271). Совершенно непонятно поэтому, как Деникину до конца 1919 года удалось оставаться вождем, за которым шла на почти верную смерть значительная часть русской образованной молодежи — юнкеров, гимназистов, студентов и офицеров военного времени.

С особой тщательностью и последовательностью рисует Марк Еленин портрет ген. Врангеля. Ложь начинается уже с биографии Врангеля, по Еленину, пустого балтийского барона, гвардейца и аристократа, сделавшего блестящую военную карьеру лишь благодаря великосветским связям. В действительности Врангель родился в старинной, не очень богатой семье, учился в гимназии, окончил петербургский Горный институт и одно время работал горным инженером. Его военное призвание определилось лишь в Маньчжурии, куда он отправился добровольцем на Японскую войну и где храбро воевал. Затем Врангель окончил Академию генераль-

ного штаба и, действительно, служил в гвардии в мирное время, но не в Кавалергардском полку, как пишет Еленин, а в Конногвардейском.

Быстрое продвижение Врангеля во время первой мировой войны объясняется только его храбростью и прирожденным военным талантом (он начал войну эскадронным командиром, а кончил — командующим корпусом). Еленин, разумеется, „забыл” указать, что в первые дни войны Врангель во главе своего эскадрона атаковал действующую германскую батарею и взял ее с боя, положив именно этим доблестным поступком начало своей военной карьере. При Деникине ген. Врангель показал себя как одаренный военачальник, владеющий редким искусством успешно использовать в боях большие отряды кавалерии.

В рядах белой армии ген. Врангель быстро стал очень популярным не только благодаря своим боевым успехам (очищение Северного Кавказа от красных и взятие Царицына), но и потому, что делил со своими войсками все невзгоды походной жизни, что было тогда явлением отнюдь не частым.

Ген. Врангель обладал острым умом и большими организаторскими способностями. Как политический деятель он проявил большую гибкость и реализм, оставаясь при этом всегда горячим и бескомпромиссным патриотом.

Еленин наделяет ген. Врангеля поразительным количеством отрицательных качеств: он, например, — трус, панически боится своего начальника контрразведки (с. 230), не смеет показываться на глаза своим войскам (сс. 414 и 443); запуган возможностью покушения на него со стороны ген. Слащева (с. 508). Врангель, в жизни истинно церковный человек, по Еленину, не только не православный, но

и вообще в Бога не верит (сс. 75 и 280). Он, разумеется, интриган (сс. 76, 80), властолюбец (сс. 313 и 522), фат: с детским увлечением подолгу изучает, какую когда принять эффектную позу (сс. 82, 232). В Крыму Врангель, конечно, живет в роскоши; у него „коллекции вин” и „одних хрустальных бокалов для шампанского сто двадцать” (с. 229), хотя все современники свидетельствуют именно о его исключительно скромных личных вкусах и привычках: хорошо известно, например, что за обедом в его „дворце” подавалась самая скромная пища и каждому гостю полагался лишь один стакан (местного!) вина. Врангель у Еленина отличается неблагодарностью, жестокостью, корыстолюбием...

Много стараний прилагает Еленин к тому, чтобы показать Врангеля в качестве лжепатриота и лже-русского. Речь генерала пестрит немецкими словечками, ругательствами и пословицами. Он „не столько генерал, сколько удачливый политик. Что ему Россия с ее судьбой? Не успеешь оглянуться — окажется в своей Германии” (с. 474).

Утверждения Еленина о германофильстве Врангеля совершенно нелепы: он был шведского происхождения, из давно обрусовшей семьи, немецкого языка Врангель не знал, а в эмиграции жил (после Константинополя) в Югославии, а затем в Бельгии, где работал по специальности — инженером. Умер он в той же Бельгии, в 1928 году. Кстати, не мешает заметить, что ген. Врангель выехал за границу совершенно без всяких средств, как и почти все его соратники. Ген. Шатилов, например, второе после него лицо в Крыму, работал в Париже шофером такси...

По каким-то причинам, может быть, чтобы по контрасту они казались более достоверными, чем

его прочие — искаженные — портреты, Еленин дает в своей книге несколько вполне положительных описаний „заклятых врагов” советской власти (заимствовал он это из белой полковой литературы). Прямо-таки удивительный из-под его пера выходит, например, портрет первого командира Корниловского полка — полковника Неженцева:

„Это был зачарованный человек, он молился на Россию. У него было горячее сердце корнета и воля командира, полное отвращение к братоубийственной войне и горькое сознание ее необходимости. Пленных он стремился убедить в своей позиции, щепетильно относился к имуществу обывателей, неумолимо преследовал тех, кто давал волю своим низменным инстинктам, преследовал зверства” (сс. 185—186).

В целом положительны у Еленина характеристики (кроме Неженцева) первого командира Марковского полка — ген. Маркова и ген. Дроздовского, основателя Дроздовского полка.

Знаменателен контраст между этими погибшими добровольческими вождями и начальниками добровольческих соединений, боровшихся в Крыму в 1920 году и выехавших за границу. Ген. Кутепов, командующий Добровольческим корпусом, например, всегда готов, по Еленину, „прижать чернь”, он упрям, жесток, беспощадно карает и расстреливает. Он — интриган, завидует Врангелю и лишь дожидается момента, когда главнокомандующий не справится с положением, чтобы занять его место. Кутепов „не раз предельно четко и примитивно формулировал свою военную „доктрину”: земельная реформа для вида, виселицы для страха, и через два-три месяца мы в Москве „берем под козырек” (с. 235). Портрет Кутепова выглядит грубо противоречивым и неправдоподобным даже для

неискушенного в этой теме читателя. Автор не жалеет черной краски, очевидно, потому, что Кутепов и за границей не сложил оружия, способствовал сохранению кадров армии, созданию Русского Обще-Воинского Союза (РОВСа) и руководил работой этой организации внутри России. Был он человеком предельно честным, полностью отдавшимся служению России и борьбе с ее поработителями. Искренне преданный ген. Врангелю, он даже излишне доверял людям и не мог представить себе предателя среди своих соратников, что отчасти и позволило советским агентам запутать его в свои сети, похитить и погубить в 1930 году.

Не пощадил Еленин и последнего начальника Дроздовской дивизии — ген. Туркула. Он изображает его „прославившимся разбоем, матом и рыжим жирным бульдогом”; по Еленину, ген. Туркул якобы покинул свою часть из-за нервного расстройства, вызванного поражением (сс. 203, 207 и 365). В действительности же Туркул был типичным добровольческим вождем, выдвинутым в командиры за свою исключительную храбрость самими дроздовцами, как это практиковалось в коренных добровольческих частях.

Более доброжелательно передан облик генерал-квартирмейстера ген. Коновалова, человека самоотверженного и способного. Начальник штаба ген. Врангеля и его главный военный помощник — ген. Шатилов — также получил сравнительно приличную характеристику. Подробно и без значительных искажений изложена его биография, хотя и не без любопытного умолчания — о его участии в разведывательной работе на Кавказе, начиная с 1916 года. Шатилов изображен умным и способным военным, правда, когда нужно, работавшим перед Врангелем (с. 450). По Еленину, именно Шатилову

обязаны своими (редкими!) успехами белые войска в Крыму с весны 1920 года. Последовательное выдвижение автором Шатилова, вероятно, связанное с еще не раскрывшимся нам политическим авторским замыслом, не соответствует действительности. Ген. Шатилов был, бесспорно, талантливым (и храбрым) военачальником, но именно в Крыму его деятельность не может быть оценена как особо выдающаяся. Выдвинутый им ген. Драценко, например, обнаружил полную несостоятельность при проведении в жизнь заднепровской операции и десанта на Кубань, разработанных под руководством Шатилова. Напрасно также Еленин приписывает всю заслугу в разработке плана эвакуации из Крыма Шатилову. Помимо Шатилова, в разработке плана эвакуации принимали участие первый начальник штаба Врангеля ген. Махров и оставшиеся в штабе после его отъезда в Польшу бывшие его сотрудники. В проведении же эвакуации, помимо Шатилова, играли большую роль и морские начальники, в первую очередь — адмирал Кедров.

Облик ген. Слащева, командующего Вторым крымским корпусом, обрисован достоверно, хотя Еленин несколько преувеличивает его военные заслуги и чрезмерно живописует буйный нрав этой колоритной фигуры.

Рядовые добровольцы изображены в традиционном духе советской литературы. Офицеры-добровольцы — сплошь и рядом бывшие гвардейцы-аристократы, хотя подавляющее большинство белых офицеров было выпущено в ускоренном порядке из офицерских училищ военного времени и происходило в основном из среднего городского сословия; уже в ходе гражданской войны к ним присоединялась учащаяся молодежь, поступавшая в ряды белых непосредственно из гимназий или уни-

верситетов. Белые офицеры, по Еленину, делятся на два основных типа: на интеллигентно кающихся в своих многочисленных злодеяниях и на азартно свирепствующих. Добровольцы в романе поголовно насильники, развратники и пьяницы, в политическом отношении — махровые реакционеры. Все это весьма далеко от действительности. Молодые добровольцы были, как правило, обычными средними русскими людьми, в политическом отношении — чаще всего умеренными монархистами право-кадетского типа, с большим недоверием относившимися к существующим в России политическим партиям. В их среде живы были традиции (положительные и не слишком положительные) старого русского образованного слоя. В условиях гражданской войны многие огрубели, приучились к жестокости, но в очень разной степени и далёко не все. Среди белого офицерства были распространены чувства чести мундира, верности вождям и идеалам, любовь к истерзанной родине. Никаких своих имений или капиталов они не лишились в 1917 году, благо, как правило, у них ничего этого и не было, и при нормальных условиях, доучившись, они пошли бы работать по специальности. Уходили они из России за границу, нажив за годы гражданской войны лишь несколько нацивок за ранения и память о погибших друзьях и соратниках.

В рядах белых войск, как и красных, большинство бойцов были простыми солдатами, часто бывшими пленными красноармейцами. Они изображены Еениным или тупыми служаками (с. 135), или мудрыми истинными сынами народа, сочувствующими красным, но вынужденными служить у белых. Порой их облик в романе напоминает опереточных запорожцев: Врангель, например, живет в окружении „чубатых казаков, с серьгой и пышной

бородой, расчесанной надвое” (с. 252). В действительности же большинство белых солдат составляли или казаки (отнюдь не опереточные), или мобилизованные крестьяне, которые добросовестно дрались против красных, пока побеждали белые. Но, устав от гражданской войны, они зачастую самовольно покидали поле брани при повороте военного счастья. Как правило, давно отрезанные от родных сел, не испытав на собственном опыте „прелестей” продразверстки, они частично поддавались пропаганде красных, которая до лета 1920 г. была лучше поставлена, чем пропаганда белых.

Солдаты, дезертировавшие из белых армий, рисковали немногим, в большинстве случаев — возвращением на фронт (иногда — поркой), причем ненадежных бойцов чаще всего использовали для работ в тылу (где положение с продовольствием было лучше, чем в большей части советской России). Ничего подобного большевистскому карательному аппарату, если сравнивать по размаху и жестокости, у белых никогда не было.

Среди гражданских деятелей белого Крыма наибольшее внимание Еленин уделяет А. В. Кривошеину, главе правительства ген. Врангеля. Крупный русский государственный деятель, сподвижник Столыпина в деле крестьянской реформы, престарелый и больной человек, хорошо устроенный в Париже, он бросил все и вернулся в Россию, чтобы помочь Врангелю в его почти безнадежном деле. Всецело и бескорыстно отдал он свои последние силы возрождению в Крыму русской государственности. У Еленина он представлен хитрым интриганом, который, „пользуясь положением, через подставных лиц занимается поставками в армию” (с. 225), намеревается принять участие в распродаже русского флота ради личной выгоды и пресмыкается перед

Врангелем, как советский бюрократ перед начальством (с. 249).

Задевает мимоходом Еленин и П. Б. Струве котому Врангель поручил иностранные дела: еленинский Врангель считает его склонным к предательству, — намеревающимся „перекинуться к марксистам”. Назвав „русским” советское правительство, он вызывает ярость главнокомандующего (сс. 497—498). Дискредитация П. Б. Струве, который и в эмиграции продолжал начатую им после революции 1905 года идейную борьбу с марксизмом и большевизмом, вполне для Еленина закономерна.

Персонаж романа Николай Вадимович Белопольский, типичная советская карикатура на российского либерального деятеля, по-видимому, должен соответствовать в жизни личности кн. В. А. Оболенского. Председатель Таврической земской управы Оболенский сыграл видную роль в Крыму при Врангеле, в частности, благодаря его участию в разработке земельной реформы. Белопольский у Еленина, кстати, очень склонен говорить цитатами (без кавычек) из воспоминаний Оболенского.

Не оставил без внимания Еленин и церковных деятелей: совершенно голословно утверждает он, например, что молодой епископ Вениамин, ведущая фигура крымского клира, „проповедует с амвона в Кафедральном соборе: „Бейте жидов, закабаливших русский народ” (с. 217). Это утверждение, чудовищное само по себе, находится в полном противоречии, к тому же, с политикой ген. Врангеля, строго преследовавшего любое проявление антисемитизма, невзирая ни на какие чины, саны или прошлые заслуги. За антисемитские статьи при Врангеле закрывали газеты, за погромные дела расстреливали заслуженных офицеров. За антиеврейские проповеди, например, Врангель запретил

какие бы то ни было общественные и церковные выступления, „сеющие политическую или национальную рознь”, известному крымскому проповеднику о. Востокову.

Пристальное внимание уделяет автор хроники ген. Климовичу, бывшему руководителю (до революции) департамента полиции, ставшему, некоторым образом случайно, начальником крымской контрразведки. Еленин, разумеется, не слишком настаивает на весьма успешной деятельности Климовича и его подчиненных, в течение нескольких месяцев разгромивших большевистское подполье.

Подчиняясь настоятельным требованиям Врангеля, контрразведка в 1920 году в основном изжила злоупотребления деникинского Освага, о чем свидетельствуют даже критически относящиеся к крымской власти очевидцы. По Еленину, Климович — типичный чекист наизнанку: внушающий страх своему начальству; убивающий правых и левых, виновных и невиновных, лишь бы укрепить свое личное положение; постоянно организующий „дела” и провокации в „лучших” чекистских традициях.

В противовес беспринципным и разлагающимся белым контрразведчикам в романе выступают и красные чекисты, даже лично Феликс Эдмундович (единственный, кстати, советский вождь, появляющийся в романе). Еленин весьма старательно стремится создать картину успешной инфильтрации советскими органами всех ответственных учреждений белых и большой активности подполья. Любопытно, однако, что имя ген. Скоблина, начальника Корниловской дивизии и будущего предателя генералов Кутепова и Миллера, даже не названо в романе, хотя так или иначе упомянуты все остальные вы-

дающиеся белые военачальники... Грех в мешок да под лавку!

В романе Еленина Врангелю присущи длинные размышления и рассуждения о своих политических задачах в Крыму; надо признать, что нередко эти задачи переданы автором достаточно точно: не дать англичанам „выйти из игры”, отказаться от идеи „великой и неделимой” России и признать независимость окраинных образований, дать землю крестьянам, наладить экономику; собрать вокруг себя „крепких, проверенных людей, спаянных общей идеей и преданных ей до конца”, которые не должны быть „безмолвными огородными пугалами”, но и не только „мыслителями из интеллигентов”; не стоит доверять ни левым, ни правым партиям: их члены вовсе и не думают „о поруганной отчизне, об оскверненных знаменах” (сс. 131—133).

Но после эвакуации, по мнению Еленина, Врангель потерял чувство действительности и видел себя в недалеком будущем стоящим „во главе международной антибольшевистской коалиции”. За рулем он продолжал считать себя единственным законным носителем власти (сс. 430 и 494). Ген. Врангель, оказавшись за границей, действительно открыто заявил о сохранении им власти, но основной причиной этого было не стремление играть мировую политическую роль, а желание сохранить в организованном и боеспособном виде семидесятитысячную Русскую армию, вывезенную им из Крыма, и не дать ей превратиться в нищее и бесправное „стадо” беженцев. Ген. Врангель, как об этом свидетельствует его переписка того времени, прекрасно сознавал, что западноевропейские страны отнюдь не стремятся к возобновлению военных действий против советской России; сохранить же армию он

хотел для поддержки будущих народных восстаний против большевиков, которые считал неизбежными. Крестьянские восстания, охватившие в 1921 году восточные губернии Европейской России и Западную Сибирь, а также кронштадтские события, показали, что его расчеты не были лишены основания.

Изображая Врангеля как наемного военачальника „союзников”, Еленин противоречит сам себе, так как неоднократно, на протяжении всей книги, Врангель у него пессимистически оценивает возможность действенной помощи со стороны западных держав: на странице 241, например, Врангель говорит ген. Шатилову, что „в политике европейских деятелей нет высших моральных побуждений — одна нажива. Надежды мало. Мы — одни в ответе за будущее России”. При этом автор правдиво изображает в романе атмосферу недоверия к „союзникам” во всех слоях населения Крыма и отсутствие каких-либо иллюзий относительно их искренней поддержки белых в гражданской войне.

Если общих высказываний по внутренне- и внешнеполитическим темам в книге много, то практические мероприятия крымской власти показаны искаженно и весьма скучно. О плодах гражданской деятельности Врангеля Еленин пишет:

„Легкомыслие в земельном вопросе, путаница — *qui pro quo* (!). Пять гражданских управлений, совет из их начальников, сенат, который-де должен наблюдать за законностью (земское самоуправление обещано, но не восстановлено), штабы; контрразведки (под иным названием, чем при Деникине). Газеты, возникающие как грибы, и зачастую выходящие с белыми столбцами, вычищенными цензурой; бритый маленький еврей, с большим апломбом распоряжающийся финансами” (с. 217).

В другом месте книги мы узнаем, что „комиссия по земельному закону, прозаседав и в Симферополе, и в Ялте, провозгласила было в Севастополе проект реформы, исполнение которой отодвинули, однако, на неопределенный срок“ (с. 313), и что Врангель даже „обещает землю помещикам“ (с. 178). Показаны также никем не пресекаемые грабежи и убийства военных в форме и под командой офицеров (с. 168).

Не входя в подробный разбор внутренней политики ген. Врангеля, следует все же указать на некоторые основные факты.

Совет при главнокомандующем отнюдь не состоял только из Врангеля и пяти начальников „гражданских управлений“. В него входило гораздо больше лиц, в том числе представители казачьих правительств и специалисты, приглашавшиеся для обсуждения того или иного вопроса. Часто на нем председательствовал не сам Врангель, находящийся на фронте, а его заместители: сначала ген. Шатилов, а потом — А. В. Кривошеин.

Местное самоуправление было не только восстановлено, но и развито путем его распространения на волость (что было намечено еще Временным правительством после Февральской революции). Выборы в волостные земства, в которых участвовали все домовладельцы и должностные лица волости с полным голосом, состоялись — к моменту эвакуации — почти повсеместно, часто даже в волостях Северной Таврии, в непосредственной близости к фронту. При этом население, как правило, принимало в этих выборах активное участие, невзирая на опасность репрессий в случае возврата красных. Было также разработано и опубликовано положение о новом уездном земстве, но выборы провести не успели. Старые уездные и губернские земства во-

все не были закрыты властью. Продолжали существовать и старые городские думы.

Земельный вопрос — одна из самых удивительных удач правительства ген. Врангеля. Проводить земельную реформу в 1920 году в Крыму было делом очень нелегким. Военная разруха, заброшенность многих земель, страх перед красными, пропаганда большевиков, обещающая землю сразу и совершенно бесплатно (но умалчивающая о продразверстке и прочих реквизициях, которые население Юга не познало на собственном опыте), небольшое количество людей в администрации, обладавших необходимыми знаниями и качествами, чтобы заслужить доверие крестьян и преодолеть огромные трудности на местах — все эти и другие факторы,казалось бы, не могли обусловить удачное разрешение проблемы. И тем не менее, отчасти благодаря постоянной личной заботе Врангеля, а когда было нужно, то и энергичным мерам воздействия, к 15 октября 1920 г. в 90 из 140 волостей Крыма и Северной Таврии были проведены среди местного населения выборы в „Волостные земельные советы”. Большинство из них к тому же успело наметить в своих районах максимальные и минимальные размеры частного владения землей (они зависели от местных условий); кое-где было даже предпринято распределение земель между крестьянами. О действительном положении дел Еленин мог бы получить представление даже по документам, опубликованным в Советском Союзе (например, в томе 26 „Красного Архива” за 1928 год).

Что же касается грабежей и насилия со стороны военных, Врангелю удалось совершить, по выражению одного весьма ему не сочувствовавшего свидетеля, „настоящее чудо” и добиться почти полного соблюдения законности войсками: за грабежи — их

беспощадно карали реорганизованные военные судебные учреждения. Для подачи и разбора жалоб со стороны населения против грабителей и насильников были учреждены специальные комиссии на местах. И действительно, население стало все более доверчиво обращаться к властям. Разумеется, не все проступки всегда удавалось пресекать, но улучшение положения в этой области по сравнению с деникинскими временами было разительным.

Продажа негодных кораблей и различного металлического лома, действительно, стояла на повестке дня. Но она была нужна не для личного обогащения белых вождей, а для приобретения иностранной валюты, необходимой для закупки снабжения и боеприпасов у „союзников”, даром ничего ценного не поставлявших...

Особый интерес представляет собой одна из наиболее последовательных идеологических линий романа, — выявляющая себя в дневниковых записях „историка Шабеко”, которого Еленин представляет читателю в качестве ученика Ключевского. Эти рассуждения, как и сам Шабеко, пользуются явным расположением автора.

Ученик Ключевского весьма невысокого мнения о русском народе. Он считает, что склонность народа к мечтаниям делает его „неспособным понимать суровую действительность” и что „эта черта всегда сдерживала социальное и политическое развитие общества”. Шабеко сетует также на „склонность” народа „поднимать всякое, даже кажущееся убеждение, до значения религиозного символа” (с. 97). Его вывод: русские люди не могут жить без вождя. „Царизм есть сама Россия. Россию основали цари, и самые жестокие, безжалостные были лучшими... Русский народ... нуждается в повелителе, он идет прямо только тогда, когда он чувствует над своей

головой железный кулак. Малейшая свобода его опьяняет... Кнут! Мы им обязаны татарам, и это лучшее, что они нам оставили..." (с. 96).

Но, по мнению „историка Шабеко”, „русский царизм изжил себя”, а большевики „одним декретом сделали то, чего не могли два века сделать цари, многочисленные комиссии и великие умы империи. Они дали мужику землю” (сс. 42—43). „Особая государственная мудрость” большевиков проявилась в акте убийства царской семьи: этим они „обезглавили” белое движение (которое никогда, кстати, не боролось за реставрацию. — *H. P.*), лишили его „ знамени — как символа преемственности царской власти” (!) (с. 44). Эта мысль навязчиво проходит через роман Еленина. По определению „либерала” Николая Белопольского, Николай Второй был „жалким, маленьким рыжим офицериком”, и „большевики правильно сделали, расстреляв его и всю эту компанию анемичных немочек” (с. 320). Даже еленинский Врангель считает, что, расстреляв Государя, большевики показали себя „ дальновидными политиками”, „одним залпом навсегда” лишившими „монархию знамени” (сс. 369—501).

Наряду с этой мыслью — мудрости и закономерности убийства царской семьи, — поражает читателя и другой комплекс идей, часто развивающийся персонажами романа, — неприязнь к интеллигенции. Интеллигент, по Еленину, всегда готов „товарища или собрата своего, ему или хозяевам его неугодного, сожрать вмиг, глазом не моргнув и чувств, кроме восторга, никаких не изведав” (с. 45). Интеллигент интересуется лишь „своим брюхом” и „своей шкурой” (с. 143), он готов „витьйствовать в любое время”, но „твердо знает счет деньгам” (с. 296). Еленин считает, что большевики „оказали

огромную услугу русскому народу: выбросили за границу всю мерзость, всю гнусность старой России, весь этот сор, всю гниль” (с. 533). Как иронизирует по этому поводу советский рецензент книги Еленина: „Оптимистический, так сказать, конец: так им и надо! И неловко тут даже вспомнить, что в понятие „сора” и „гнили” зачисляются, стало быть, Шаляпин и Рахманинов, Анна Павлова и Бунин, Маяковский и Куприн”\*.

Взгляды „историка Шабеко” — ключ ко всему „роману-хронике” Еленина. Они находятся на стыке двух весьма реальных идейных течений. С одной стороны, они переплетаются со взглядами того меньшинства русской эмиграции, которое, начиная с эпохи „смены вех” в двадцатых годах и кончая послевоенными течениями „совпатриотизма” и „возвращения на родину”, под влиянием различных условий, воспринимало большевиков в качестве законных преемников старого русского строя и поставляло в их распоряжение значительное число зарубежных агентов. С другой стороны, эти мысли родственны идеологии сталинизма.

В свете этой концепции становится понятной на первый взгляд удивительная публикация различных „документов”, показывающих представителей политических сил русской эмиграции (от членов Императорского дома до членов Народно-Трудового Союза) в качестве лжепатриотов, извлекавших материальную и иную выгоду из поддержки антируssских, то есть антисоветских зарубежных сил.

---

\* Сергей Симанов. История и сплетня. „Наш современник” № 11, 1981, с. 190.

Так как, согласно Еленину, одни лишь большевики были и остаются истинными русскими патриотами, борьба против них — „смертный грех”, не могущий не привести рано или поздно к полной моральной деградации борющихся и к борьбе против самой России.

## Прыжок в сторону

Не так давно Юрий Мальцев определил книгу В. Аксенова „Ожог”<sup>1</sup> как „вершину трудного пути и — начало нового, интересного этапа”<sup>2</sup>. И действительно, писатель прошел большой путь в гору, у подножья которой остались „Коллеги” и „Звездный билет”.

Через год после „Ожога” вышел новый роман — „Остров Крым”<sup>3</sup>, про который можно сказать, что он — не только дальнейший пункт подъема писателя и начало нового этапа, но и прыжок в сторону. Ибо если в „Ожоге” писатель касается своих наблюдений относительно среды, которую он хорошо знал и в определенной степени сам к ней принадлежал, то „Остров Крым” — попытка разобраться в истории и психологии трех эмигрантских поколений, перенесенных в не завоеванный Красной армией врангелевский Крым.

Белый Крым, своего рода русская Формоза, превратился, по Аксенову, в „Базу Временной Эвакуации” с жителями, называющими себя „врэвакуантами”, первое поколение которого все еще мечтает о светлых днях „Весеннего Похода” и „Возрождении Отчизны”.

Его представитель, Арсений Николаевич Лучников, — один из немногих уцелевших участников

<sup>1</sup> В. Аксенов. Ожог. — Анн Арбор: „Ардис”, 1980.

<sup>2</sup> См. „Континент” № 29, с. 403.

<sup>3</sup> В. Аксенов. Остров Крым. — Анн Арбор: „Ардис”, 1981.

Ледяного Похода, профессор-историк, сделавший многое для „сохранения и процветания русской культуры”; но он в то же время европеец с огромными связями в Западном Мире, да к тому же еще и миллионер-коннозаводчик, „способствующий экономическому процветанию Базы Временной Эвакуации, то есть Острова Крыма”.

Лучников вызывает у читателя наибольшую симпатию. Пока такие старики-добровольцы были еще живы, Остров (а если хотите — эмиграция) мог держаться. Ни возраст этих людей, ни их ржавое оружие не смущают Аксенова: „это и в самом деле была армия, а развалины эти были — воинами...”

Второе поколение представлено сыном Арсения Николаевича — Андреем. Андрей, как говорит Аксенов, „воображал себя поэтом, кутил ... таскался по дансингам”, тогда на политику Андрею было наплевать. Со временем он становится издателем-редактором самой влиятельной в Крыму газеты — „Русский Курьер” и проводником Идеи Общей Судьбы, то есть, иначе говоря, идеи капитуляции перед Советским Союзом. Андрей Лучников — ближайший друг и сотрудник Марлена Михайловича Кузенкова, главного референта по делам Крыма при ЦК партии в Москве, номенклатурщика, имеющего доступ в Политбюро, членов которого Аксенов называет „ПОРТРЕТАМИ”.

Наконец, третье поколение: сын Андрея — Антон. Он — „хиппи”, но любит своего деда, приходит постепенно к Богу и Церкви, крестит своего ребенка. Он — единственный житель Острова, „выбравший свободу” после катастрофы-сдачи, однако спасение его — символично: советские офицеры, посланные вдогонку за его катером в боевом вертолете, отка-зались стрелять ракетой — „шмалять” по нему. Никто из них не сообщил об этом невыполненном

боевом задании, и, таким образом, третье поколение эмиграции уцелело...

Фантастический Остров, на котором, через шестьдесят лет после гражданской войны, установился „один из самых высоких в мире жизненных стандартов”, — почва и фон для героев аксеновского романа. Ялта — современный Вавилон, с неизбежным отелем „Хильтон” и яхтами миллионеров, прибывших сюда со всех концов мира.

Симферополь — город небоскребов (среди которых возвышается и небоскреб лучниковского „Курьера”), в центре которого еще сохранилась площадь Барона, ныне загроможденная богатыми автомобилями. Власть же самого барона Врангеля в аксеновском Крыму держалась лишь первое десятилетие; ее заменила власть Временной Государственной Думы во главе с избранным Председателем—Президентом. Крым наводнился не только бесчисленными газетами, но и многочисленными партиями.

Прежде чем перейти к дальнейшему разбору повести, стоит, пожалуй, остановиться на попытке Аксенова „переиграть историю”, легшей в основу его нового произведения.

Если перейти от аксеновского английского лейтенанта флота Ричарда Бейли-Лэнда, который залпом со своего линкора „Ливерпуль” проломал лед в проливе, отделявшим Остров Крым, и утопил атаковавших Остров красноармейцев, к оценке реально существовавшего англо-французского флота 1920 года, то вряд ли можно сомневаться в том, что даже небольшая часть его (хотя бы та, которая была отдана на слом после Вашингтонского соглашения 1922 г.) была более чем достаточна, чтобы остановить своим огнем войска Фрунзе, Блюхера,

Буденного, Миронова и Махно перед Перекопом и обмелевшим Сивашом.

То есть, иначе говоря, генерал Врангель, принимая на себя после Деникина главное командование Добровольческой армии, теоретически отнюдь не исключал варианта, который сегодня можно было бы назвать вариантом „кратковременной Формозы”. Он с самого начала предупреждал, что никак не обещает победоносного выхода из положения. Ген. Врангель начал свою деятельность с политических и экономических реформ. Его „Приказ о земле”, согласно которому землей могли пользоваться лишь трудящиеся, и „Положение о Волостном Земстве” были настолько важны, что председатель Симферопольской Земской Управы, кн. Оболенский, человек умеренно-левый и находившийся в оппозиции к Крымскому правительству, оценил так: „Если бы Врангелевские мероприятия были бы проведены Деникиным в 1918 г., то — результат гражданской войны был бы другой”<sup>4</sup>. Однако Врангель не мог пассивно ждать развития событий в России хотя бы потому, что Крым нуждался не только в хлебе, но и в угле, и в снаряжении для армии. Англия, как известно, предъявила еще Деникину ноту, в которой указывалось на необходимость прекращения войны, а что касается Франции, то, по свидетельству Кривошеина, „условия, поставленные Францией для уступок в снаряжении, уже не были мелкобухгалтерские, но просто — ростовщицеские”<sup>5</sup>. Короче говоря, Врангель был вынужден наступать — ему нужен был хлеб из Северной Тав-

<sup>4</sup> В. Оболенский. Крым при Врангеле. — В журнале „На чужой стороне”, книга 9. Прага, 1925.

<sup>5</sup> К. А. Кривошеин. А. В. Кривошеин. — Париж, 1973, с. 331.

рии, уголь, нефть. Он писал в своих воспоминаниях: „... все зависит от наших дальнейших успехов: удастся нам захватить каменноугольный район или нефтеносные, кавказские земли”. Вместе с тем политическая обстановка подсказывала Врангелю переход к „стратегии выжидания”.

Кронштадтское восстание, Антоновское и многие другие весной 1921 г. могли бы обеспечить отдохнувшей и укрепленной армии Врангеля почти верный успех. Нельзя также забывать, что именно переход Врангеля в наступление сорвал советское стратегическое решение, выраженное в лозунге „ДАЕШЬ ВАРШАВУ — ДАЕШЬ БЕРЛИН” (так как для борьбы с Добровольческой армией у Тухачевского были взяты силы, без которых он не смог захватить Варшаву). Успешное осуществление этого решения неизбежно, с одной стороны, втягивало главные силы Красной армии в Восточную Пруссию и Силезию, а с другой, — вызывало серьезную мобилизацию англо-французской Антанты и привлечение к войне с большевиками лучших кадров разбитой германской армии. В итоге — не трудно было бы предвидеть окружение и гибель войск фронта Тухачевского где-то в Восточной Пруссии и за Познанью, а фронта Егорова — в Силезии.

Но Врангелю была недоступна стратегия выжидания, так как для таковой необходима была экономическая и военно-морская поддержка союзников. Французский парламент не ассигновал кредиты для армии Врангеля. Платить за военное снаряжение надо было наличными. Только небольшая часть уже списанного вооружения передавалась на основе кредита. У Врангеля не было стратегического выбора. Он перешел в наступление не без давления со стороны Франции и Польши. А в начале октября

1920 г., когда Польша заключила перемирие с Лениным, он остался в Северной Таврии с обессилевшей Добровольческой армией, которая была уже не в состоянии удерживать Крым.

И хотя В. Аксенов не претендует на развернутую характеристику генерала Врангеля, тем не менее, у него порой проскаивает отношение к этой крупной исторической фигуре, сложившееся, к сожалению, под влиянием заведомо враждебных и, как правило, вульгарных авторов, вроде Демьяна Бедного. Говоря о ностальгии генерала Врангеля по ревельским сосискам (стр. 83), он представляет его (даже и не говорившего по-немецки) немцем — вроде того, как писал в своем пресловутом Манифесте Демьян Бедный:

„Ихъ фанге ан — я нашинаю,  
эс ист — для всех советских мест,  
для русский люд, из края к краю  
баронский унзэр манифест...  
и я скажу всему канальству  
майн фольк — не надо грабежи  
служите старому нашальству  
вложите в ножницы ножи...”

Мы позволили себе это отступление с тем, чтобы показать, что аксеновская фантазия в иной политической обстановке, чем та, которая исторически сложилась в 1920 г., и при другом отношении к ген. Врангелю, могла бы оказаться краткосрочной реальностью. Ведь несмотря на то, что войска генерала Врангеля потеряли свои лучшие кадры во время похода в Северную Таврию, бои за Крым были тяжелы. Фрунзе в докладе Ленину сообщал: „Наши

потери чрезвычайно тяжелы. Некоторые дивизии потеряли три четверти своего состава”<sup>6</sup>.

Что касается действующих лиц в повести, то если Аксенову, на наш взгляд, весьма удались образы героев, живущих на советской стороне, „номенклатурщика” Кузенкова, гебиста Сергеева и псевдопатриота Олега Степановича, взятых из жизни, то едва ли можно сказать это же о представителе среднего поколения жителей Крыма Андрее Лучникове. Аксенов, конечно, прав, когда говорит, что старшее поколение эмиграции не только заботилось об образовании своих детей, но и передало им свою любовь к Родине. Однако эта любовь отнюдь не сводилась только к поездкам в качестве переводчиков и специалистов в Москву с джазовыми пластинками, альбомами, журналами и тем потрясающим списком вещей, который занимает почти целую страницу у Аксенова, когда он с иронией описывает подготовку Лучникова к отлету в Москву.

Характеризуя это поколение, представитель его — А. Казанцев, — писал: „добросовестный, но не одухотворенный труд в лабораториях и на фабриках, у заводских станков и на стройках не давал удовлетворения... где бы мы ни были, что бы ни делали, мы всегда вели двойную жизнь. Одна — вот эта, настоящая, со службой, с работой, с ежедневными обязанностями и заботами, а другая, от всех скрытая — для души. Это была Россия, которой отдавались все лучшие чувства и помыслы. Эти чувства не под силу было носить в одиночестве... так родилась организация”<sup>7</sup>.

<sup>6</sup> М. В. Фрунзе. Избранные произведения, т. I. — Москва, 1957.

<sup>7</sup> А. Казанцев. Третья сила. Изд. „Посев”, — Франкфурт-на-Майне, 1952.

Следует сказать, что Аксенов умеет несколькими штрихами передать атмосферу Парижа. Однако едва ли эта атмосфера относится к эмигрантской жизни. Аксенов проводит Лучникова „сквозь равнодушно-наэлектризованную толпу, мимо несерьезности коммерческих твердынь несерьезной цивилизации”. Утром Лучников завтракает на Монпарнасе, где „все осталось как прежде... все эти лица и группы лиц расположились на большой веранде „Дома” с полным уважением к человеческой личности и занимаемому ею пространству... Два внушительных... „домских” официанта в длинных белых фартуках разносят кофе, сливки и круасаны. Рядом в верандой продавец „фрюи де мер” раскладывает на прилавке свои устрицы. Изредка, то есть почти ежедневно, на веранде появляется какой-нибудь приезжий из какого-нибудь отеля поблизости, какой-нибудь молодой джентльмен средних лет, делающий вид, что он никуда не спешит. В руках у него всегда газеты. Вот в этом и состояла прелест парижских завтраков — все как обычно в Париже”.

Обедал Лучников, конечно, в бассери „Липп”. „Вина оказались выбранными правильно, обед за скользил по накатанным рельсам: авокадо с ломтиками ветчины, шrimпы” и т. д. „Между тем наступал волшебный парижский час: ранний вечер, солнце в мансардных этажах и загорающиеся внизу, в сумерках витрины...”

Но Лучников — „мотоциclist, лидер плэйбойства”, едва ли отражает ту действительность, в которой выросло среднее поколение эмиграции. Оно едва ли могло бросить своим отцам упреки, которые вкладывает автор романа в уста Андрея: „С детства они талдычат нам о зверствах большевиков, но разве и вы не были зверьми? Красные расстреливали тысячами, вы — вешали сотнями”. В

действительности же молодежь начала тридцатых годов стремилась отказаться от чисто эмигрантских споров. Для этой эмигрантской молодежи стали важными поиски не того, кто был виноват в 1917 году, а как бороться дальше.

У Аксенова Лучников капитулирует. Как и в официальной советской трактовке, где Белая эмиграция завершается „советским патриотизмом”<sup>8</sup> первых послевоенных лет. Однако в противоречие этой концепции, советская пресса по сей день продолжает острую клеветническую кампанию против своих идеологических врагов из эмиграции и, судя по кассисам из „Известий”, отнюдь не предвидит конца этой борьбы. С другой стороны, Аксенов прав, когда его национал-большевик Степанов категорически заявляет Лучникову: „Не думайте, что с возрождением национального духа отомрет наша идеология”. Совершенно верно, что соблазн степановского „национализма” неизбежно ведет к репрессиям по отношению к людям, стоящим на позициях „национально-религиозного возрождения”.

Но отрицательное отношение Аксенова к „среднему поколению” распространяется не только на эмиграцию, но и на интеллигенцию, живущую в Советском Союзе. Друг Лучникова, „номенклатурщик” Марлен Михайлович Кузенков, сходит с ума после того, как он подготовил капитуляцию „Острова Крыма”. Он ненавидит старика-стукача, но пресмыкается перед „ПОРТРЕТАМИ”, находящимися у власти. По-видимому, для Аксенова поколение людей, выросшее в эпоху Сталина, и здесь и там утратило моральные основы, в глубине их душ всегда где-то таится питаемый страхом оппор-

<sup>8</sup> См., например: Л. К. Шкаренков. Конец Белой эмиграции. „Вопросы истории” № 8, 1979.

тунизм. В какой-то степени, вероятно, Аксенов прав. Но оглядываясь на историю последних десятилетий, все же остается законным вопрос — в какой? Особенно, когда этот вопрос касается эмиграции.

*Ю. Жедилягин*

## ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Многолетний редактор „Граней” Наталья Борисовна Тарасова по состоянию здоровья попросила освободить ее от дальнейшей работы в журнале.

Свою работу в „Гранях” Наталья Борисовна начала в 1953 году, сначала как ответственный секретарь, потом как заместитель редактора.

С 1962 года Наталья Борисовна приняла редактирование журнала и, преодолевая обычные для эмигрантского журнала трудности, — безденежье, отсутствие рабочего аппарата, — отдавала ему все свое время, силы и талант.

Линия журнала была одна — журнал для России. И до появления самиздата Н. Б. Тарасова в своих талантливых работах (сделавших ее имя и в немецких советологических кругах) 50–60-х годов отыскивала все свободное, свежее, независимое, что пробивалось на страницы советских журналов.

В период возникновения самиздата журналу удалось стать первой — и поначалу единственной — базой для него на Западе, положить основу „тамиздату”. Имена, потом ставшие всемирно известными, были узнаны Западом со страниц „Граней”.

Искренне сожалея об уходе Н. Б. Тарасовой, Издательство уверено, что линия, проводившаяся ею („Границы” — журнал для России), будет продолжена и новой редакцией.

**Редактирует Редакционная Коллегия  
Главный редактор Р.Н. Редлих**

**Заместитель главного редактора Н.Н. Рутченко  
Ответственный секретарь Д.А. Мусина**

---

**Адрес редакции журнала „Границы”:  
Grani c/o Possev-Verlag, Flurscheidweg 15,  
D 6230 Frankfurt/M. 80**

---

**Possev-Verlag, V. Goracheck KG, Frankfurt am Main**

**В номере 124 „Граней“ досадная опечатка; на последней странице следует читать:**

**„Редактирует редакционная коллегия**

**Главный редактор Р. Н. Редлих**

**Заместитель главного редактора Н. Рутыч-Рутченко**

**Ответственный секретарь Д. А. Мусина“.**

Дорогие читатели!

*Стремясь облегчить проникновение нашего журнала в Россию, а также ознакомить вас с лучшими из произведений, напечатанными в нем ранее, редакция журнала «Границы» выпускает 2 раза в год карманные сборники избранного текста из 7—10 номеров «Граней».*

*Эти сборники, размером 9,5 на 14,5 см, отпечатанные на тонкой бумаге и содержащие в среднем 512 страниц, легко укладываются в карман или женскую сумочку. Каждому путешественнику — советскому ли за рубежом, иностранному ли в России — ничего не стоит взять их с собой.*

*Мы обращаемся к нашим читателям в России:*

- передавайте свой экземпляр дальше, увеличивая тем число наших читателей;*
- просите своих друзей, едущих за границу, привезти вам наши сборники;*
- просите своих иностранных знакомых привозить вам их, вместо подарка!*

*Мы обращаемся к нашим читателям за рубежом:*

- используйте каждую возможность (встречу с соотечественниками, свои или друзей поездки в нашу страну и т. п.), чтобы передать в Россию наши сборники!*

*Эти сборники сделаны и предназначены для России! Каждый желающий их иметь ДЛЯ РОССИИ — может получить нужное количество экземпляров, обратившись по адресу:*

*A. Kandaurov c/o «Possev-Verlag»  
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/Main 80*

*К настоящему времени выпущены следующие сборники «Граней»:*

- Сборник № 1 — избранное из №№ 87/88-94
- Сборник № 2 — избранное из №№ 78-86
- Сборник № 3 — избранное из №№ 71-77
- Сборник № 4 — избранное из №№ 69-70
- Сборник № 5 — избранное из №№ 53-68

*Редакция*

# Г Р А Н И

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ  
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Стоимость подписки на 4 номера:

в издательстве — 48 н.м.

через магазины — 60 н.м.

Выходит с 1946 года 4 раза в год (288 стр.)

Цена в розничной продаже: 15 нм

Годовая подписка непосредственно в издательстве:  
48 нм

Через магазины: 60 нм

## ПОСЕВ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
ЖУРНАЛ

Выходит за рубежом с 1945 года (64 стр.)

Цена в розничной продаже: 7 нм

Годовая подписка непосредственно в издательстве:  
72 нм

Через магазины: 84 нм

Доплата за воздушную доставку:

«Посев» зона I — 20 н.м.;

зона II — 30 н.м.

I зона — Северная Америка и Ближний Восток

II зона — Южная Америка и Дальний Восток

СТОИМОСТЬ В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ:

«ГРАНИ» — 15 н.м., «ПОСЕВ» — 7 н.м.

Подписную плату следует посыпать:  
 почтовым переводом или чеком (в письме) по адресу

P O S S E V - V E R L A G

D-6230 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15

или же банковским переводом на

Konto 2 412 755 00, Dresdner Bank, Frankfurt/Main

или на почтовый счет

Postscheckkonto 334 61-608, Frankfurt/Main.